

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (170). Январь, 2018

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук, профессор, академик РАН, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
доктор исторических наук, профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
доцент, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук, профессор, Президент международного общества Достоевского (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
доктор филологических наук, профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Университет Дзёти (Токио, Япония)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук, профессор, академик РАН, Московский государственный университет леса (Москва, Россия)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
доктор философии по филологии, Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- И. И. МУЛЛОНИН**
доктор филологических наук, профессор, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
- Т. РУСЕН**
доктор философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
доктор философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
доктор филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- М. А. БОБУНОВА**
доктор филологических наук, профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
доктор философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
доктор филологических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук, профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. В. ПИГИН**
доктор филологических наук, профессор, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- В. И. СУПРУН**
доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
доктор филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

**PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY**

(following up 1947–1975)

№ 1 (170). January, 2018

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petsu.ru

Editorial Council

- V. BARISHNIKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
- V. BOL'SHAKOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member, Institute of Plant and Animal
Ecology, Ural division of RAS (Ekaterinburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Assistant Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- I. DUDANOV**
Doctor of Medical Sciences, Professor, the RAS Corresponding
Member, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
President of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences
(Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
Professor, University of Dzeti
(Tokyo, Japan)
- A. ISAYEV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member,
Moscow State Forest University (Moscow, Russia)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden)
- E. SENYAVSKAY**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute
of the Academy of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)
- A. TITOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kursk State University (Kursk, Russia)
- T. GRUDININA**
Doctor of Philological Sciences, Professor, Ural State
Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor, Northern Arctic
Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philological Sciences,
National Research Lobachevsky State University
(Nizhni Novgorod, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philological Sciences, Saint Petersburg State University
for Cinema and Television (Saint Petersburg, Russia)
- T. MAL'CHUKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
- A. PIGIN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philological Studies, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Кунильский А. Е.</i> Витализм Аполлона Григорьева и Достоевского.	7
<i>Неминуций А. Н.</i> «Физиология» освоения чужого пространства в морском травелогe И. А. Гончарова	13
<i>Дьяченко И. А.</i> О религиозно-философской основе произведе- ния Т. С. Элиота «Choruses from <i>The Rock</i> »	17
<i>Захарова О. В.</i> Бестактность редакции, или Два «Дневника» в «Гражданине» 1870-х годов	24
<i>Камитова А. В.</i> Первые литературные памятники на удмуртском языке	29
<i>Кладова Н. А.</i> Отношения родства в романе Ф. М. Достоевско- го «Униженные и оскорбленные»	36
<i>Котова А. В.</i> Источники и рецепция Catull. 3 как средства определения интонации текста	41
<i>Матюшкина Е. Н.</i> «Исторические фантазии» поэта: роман Б. Окуд- жавы «Свидание с Бонапартом»	46
<i>Мусанова С. С.</i> Русский песенно-игровой репертуар лузских коми	50
<i>Вилкова Е. И.</i> О возможном участии Ф. М. Достоевского в на- писании рецензии на журнал «Учитель»	58
<i>Гимадеев И. Р.</i> Названия рыб в античной литературной тради- ции (на примере поэзии Горация)	65

<i>Гулюшкина Я.</i> Историческая травма в современной русской литературе (на примере романа «Оправдание» Д. Быкова)	73
<i>Лейбенсон Ю. Т.</i> Поэт Исилл – Боспорский или Эпидаврский: историография вопроса	77
<i>Онипко К. А.</i> Первые русские некрологи: герои и контексты.	83

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Никитин О. В.</i> Из истории отечественного языкознания XX века: к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова.	88
<i>Белов В. А.</i> Реализация теоретических подходов к синони- мии в методике русского языка	96
<i>Ильина Ю. Н.</i> Лексема <i>белосветный</i> в русских говорах: струк- турно-семантическая характеристика.	102
<i>Новоселова В. А.</i> Актуальные префиксы <i>де-</i> и <i>ре-</i> в лексике совре- менного политического языка	106

Рецензии

<i>Пашков А. М.</i> Рец. на кн.: Святой преподобный Диодор Юрье- горский и созданный им монастырь	112
<i>Шарапенкова Н. Г.</i> Рец. на кн.: Арабески Андрея Белого: Жизнен- ный путь, идейные искания, поэтика	113

Научная информация	115
-------------------------------------	-----

Contents	118
---------------------------	-----

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.01.2018. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 70 экз.). Изд. № 7

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
aek31@mail.ru

ВИТАЛИЗМ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА И ДОСТОЕВСКОГО

Цель статьи – проанализировать весь спектр значений концепта «жизнь» в критических и художественных текстах А. А. Григорьева в связи с влиянием на него философии Шеллинга, показать его особую роль в распространении в русской культуре выражения «живая жизнь». Почвенники, и в их числе Григорьев, впервые характеризуются как «виталистская партия» (от *vita* – жизнь) в отечественной словесности, то есть объединение людей, в концепциях и произведениях которых концепт «жизнь» имеет основополагающее значение. Отмечается, что хотя почвенники были наследниками славянофилов, но у них слово «жизнь» лишено той этической однозначности, какой оно отличалось у А. С. Хомякова или К. С. Аксакова. Указывается на связь понятий «жизнь» и «почва», которые объединяет и то, что оба понятия отличаются определенной амбивалентностью. В первую очередь, такой взгляд характерен именно для Аполлона Григорьева. Эволюция понятия «живая жизнь» прослеживается на примере творчества Ф. М. Достоевского, в повести которого «Записки из подполья» в 1864 году это выражение было впервые использовано и потом неоднократно употреблялось в произведениях писателя. Повесть рассматривается как своеобразное продолжение поэмы Ап. Григорьева «Вверх по Волге». Но у Достоевского в тезаурус понятия «живая жизнь» входят смысловые элементы, которые не акцентировались Григорьевым. Это гармоничная (не амбивалентная) любовь и прощение. Данное обстоятельство объясняется тем, что понятие «жизнь» восходит у Григорьева и Достоевского к разным библейским архетипам (Ева и Христос). Приведенные выводы делаются впервые, чем обусловлена новизна и актуальность работы. Указывается на необходимость специальной разработки проблемы использования концептов «жизнь» и «живая жизнь» у Достоевского. Ключевые слова: русская литература второй половины XIX века, критика А. А. Григорьева, творчество Ф. М. Достоевского, тема жизни, витализм, «живая жизнь»

Изучение того, какое значение и какую роль имело понятие «жизнь» в русской культуре, является назревшей научной проблемой. Об этом свидетельствуют появившиеся в последние годы исследования [2], [3], [4], [5], [7], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15].

Совершенно особое отношение к понятию «жизнь» характерно для представителей такого течения в русской литературе, как почвенничество: А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, Ф. М. Достоевского. Подобно тому, как они, в лице Страхова, признали себя в конце концов «*пушкинской*» партией¹, можно было бы считать их и «виталистской партией» (от *vita* – жизнь) в отечественной словесности, то есть объединением людей, в концепциях и произведениях которых концепт «жизнь» имеет основополагающее значение. И первым здесь, конечно же, должен быть назван Аполлон Григорьев. Он, пожалуй, сильнее всех в России проникся «шеллингианским культом жизни» [16: 452] и по-русски выразил свои философские воззрения в собственной судьбе. Героя его беллетристических произведений, имеющих явную автобиографическую основу, зовут Виталин (*vitalis* – жизненный) («Мое знакомство с Виталиным», «Офелия. Одно из воспоминаний Виталина»²), что воспринимается как своеобразный псевдоним Григорьева.

Образ Жизни, возникающий в текстах Григорьева, является наиболее поэтичным и завораживающим. Его чем-то напоминает образ Океана в фильме А. Тарковского «Солярис» (у Григорьева: «этот кипящий океан жизни» – «нечто даже ироническое, а вместе с тем полное любви в своей глубокой иронии, изводящее из себя миры за мирами...»³).

По Григорьеву, Шеллинг

в последней формации своей единственно мироохватывающей системы остановился в немом благоговении пред безгранично бездною жизни, порешивши логический гегелизм тоже простым положением, что потенция, заключенная в пределах человеческого черепа, конечно, односущественна с потенциею, разлитую в безграничном, но не адекватна <...> ей в проявлениях, ибо правительные сами по себе выводы потенции при столкновении с веяниями вечной жизни подвергаются совершенно неожиданным видоизменениям, подвергаются действию иронии любви безграничной жизни...⁴

Поэт и критик потому и предпочитал Шеллинга Гегелю, что «шеллингизм (старый и новый, он ведь все – один) проникал меня глубже и глубже – бессистемный и беспредельный, ибо он – жизнь, а не теория»⁵. Вспоминая о том, как он читал «Феноменологию духа» Гегеля, Григорьев признается в своей неспособности сосредоточиться на ««психологических очерках»

немецкого “хера профессора”», потому что «<...> жадно начинает душа просить жизни, жизни и все жизни...»⁶.

Для меня «жизнь», – писал Григорьев, – есть действительно нечто таинственное, т. е. потому таинственное, что она есть нечто неисчерпаемое; «бездна, поглощающая всякий конечный разум», по выражению одной старой мистической книги – необъятная ширь, в которой не редко исчезает, как волна в океане, логический вывод какой бы то ни было умной головы <...>⁷.

Но для Ап. Григорьева жизнь это не только тайна и бездна, то есть что-то бесформенное, стихийное и непознаваемое. У него, как и у Ницше затем, происходит очеловечение этого понятия, жизнь становится богом, идолом, в который можно верить, влюбляться, которому можно поклоняться. Себя он относит к людям, «<...> верующим в жизнь, философию, искусство и национальность <...>» (2: 305). Заметим, что среди перечисленных объектов веры Бог отсутствует. И к Христу, как мы понимаем, по крайней мере какое-то время, отношение было отрицательным. Как говорится в стихотворении, написанном в его «масонский» период: «Тщетно на распятыя обращен мой взор, На устах проклятыя, на душе укор» (С тайною тоскою... 1846?) (1: 77). В такой ситуации утраты религиозной веры Жизнь превращается в бога или, скорее, богиню:

Кого любить? Кому верить? Жизнь любить – и в жизнь одну верить, подслушивать биение ее пульса в мыслях, внимать голосам ее в созданиях искусства и религиозно радоваться, когда она приподнимает свои покровы, разоблачает свои новые тайны и разрушает наши старые теории... (2: 222).

Совершенно неслучайно именно Аполлон Григорьев популяризировал выражение «живая жизнь» в начале 60-х годов. Его использовали в русской литературе уже с конца 20-х годов (Н. Языков, Н. Гоголь, К. Аксаков, И. Аксаков, Ю. Самарин, В. Одоевский, А. Герцен), но не так часто, подчас в переписке. А Ап. Григорьев упоминает «живую жизнь» чуть ли не в каждой из своих статей, которые он публикует в 1861 году в журнале братьев Достоевских «Время». Журнал стал органом нового течения, получившего название почвенничества. Почвенники были наследниками славянофилов, но у них слово «жизнь» лишено той этической однозначности, какой оно отличалось у А. Хомякова или К. Аксакова. «Жизнь» и «почва» – это неразлучные понятия, и оба отличаются определенной амбивалентностью. По крайней мере – у Ап. Григорьева.

Русское слово «почва» является переводом немецкого Grund (почва, грунт; дно; фон; основание, причина). В философии Шеллинга, как объяснял в XIX веке Н. Н. Ланге, так обозначается некая «основа бытия», некоторая «природа в Боге». «Будучи волею к жизни, она внушает и человеку личную любовь к жизни и к инди-

видуальному самосохранению во что бы то ни стало, а следовательно, и сопротивление мировой гармонии». В то же время «“Grund” – это не просто темная основа бытия, это еще и влечение, которое побуждает вечно Единое, т. е. Бога, породить само себя. Это “основа” – не есть Единое, Бог, однако она так же вечна, как Единое» [16: 159–161]. Для Ап. Григорьева очень важна была эта присущая почве, а вместе с ней и жизни причастность Богу и одновременно сопротивляющаяся Ему сила, обеспечивающая развитие и побуждающая Бога снова и снова породить самого себя. Как ничто другое этому комплексу представлений соответствовало выражение «живая жизнь».

В № 2 журнала «Время» за 1861 год публикуется статья Ап. Григорьева «Народность и литература». Автор выступает в ней против отвлеченности, теоретичности взглядов у представителей двух основных направлений в современной ему отечественной культуре – западников и славянофилов. «Западничество с готовыми мерками, со взятыми напрокат данными приступило к живой жизни». Но и славянофилы, «<...> отвечая на теорию западничества, постоянно увлекались тоже в теорию, которая, в сущности, как и всякая теория, мало уважала живую жизнь»⁸. Обратим внимание на то, что Ап. Григорьев для критики славянофилов использует выражение, которое во многом именно благодаря им обрело право гражданства в русской литературе. Теперь же они обвиняются в недостаточном уважении к «живой жизни».

Для Ап. Григорьева одним из проявлений «живой жизни» является искусство, поэтому ему противопоказан дидактизм. Хотя Л. Мей был его приятелем, но о его драме «Псковитянка» критик тем не менее написал: «Перед вами нет живых лиц и живой жизни: вместо них фигуры с ярлыками на лбу»⁹ (Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. II. «Псковитянка», драма Л. Мея. 1861).

«Теории» Ап. Григорьев предпочитает «идеал» как не противоречащий «живой жизни»:

Когда идеал лежит в душе человеческой, признается за нечто вечное, неизменное, всегда и во все времена ей одинаково присущее – он не требует никакой ломки фактов живой жизни; он ко всем равно приложим и все равно судит¹⁰ (Белинский и отрицательный взгляд в литературе // Время. 1861. № 4. Апрель).

В статье «Оппозиция застоя: Черты из истории мракобесия» (Время. 1861. № 5. Май) Ап. Григорьев касается вопроса об отношениях между религией и светской культурой. Он критикует тех журналистов (прежде всего из таких изданий, как «Домашняя беседа» и «Маяк»), которые о театральных и литературных произведениях судят с жестких позиций и обвиняют их авторов в антихристианстве. Ап. Григорьев сравнивает борьбу с театром у представителей раннего

христианства и современных ему ревнителей благочестия: «Одним словом, это была борьба духа с плотью, с мертвой, отжившей и извращенною буквою, тогда как у наших мраколюбцев, стало это – борьбою мертвой буквы против живой жизни». Ограниченной, пуристской позиции «Маяка» («<...> он, чем дальше шел, тем больше и больше расходился с живою жизнью»¹¹) в статье противопоставляется направление славянофильского «Москвитянина»: «Оно верило в живую жизнь, и несло по ее волнам, нередко с илом и тиною»¹². Заметим: мутные волны жизни – очень характерный для Григорьева образ.

Дважды выражение «живая жизнь» появляется у Ап. Григорьева в статьях, посвященных творчеству Л. Н. Толстого. В первом случае оно связывается с понятиями «род» и «община», которые были предметами дискуссий между западниками и славянофилами (оппоненты, так сказать, писали одно из этих слов на своих знаменах). Григорьев полагает, что споры не были бы столь горячими, «<...> если бы корнями своими эти “ученые” понятия не вращались в живую жизнь, не определяли бы так или иначе ее значение в прошедшем, настоящем и будущем»¹³ (Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. 1862).

Высокое, светское происхождение писателя не закрывает для него возможность чувствовать и изображать «живую жизнь»:

<...> становится понятным, когда читаешь этюды Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность». – А. К.), каким образом, несмотря на ту же исключительную сферу, натура Пушкина сохранила в себе живую струю народной, широкой и общей жизни, способность и понимать эту живую жизнь, и глубоко ей сочувствовать, и временами даже с нею отождествляться (2: 368–369) (Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья вторая // Время. 1862. № 9. Сентябрь).

В использовании Аполлоном Григорьевым понятия «живая жизнь» обращает на себя внимание отсутствие жесткой идеологической или социальной привязки. «Живая жизнь» проявляется и в быту, и в литературе, в народном бытии, и в существовании высших сословий, в спорах представителей противоположных идейных направлений, в христианской практике, и в сфере театральной. Единственное, что ей противопоставлено, – это формализация, регламентация, теоретическое засушивание. В «живой жизни» всегда сохраняется элемент непредсказуемости, противоречивости, «соринки», подчеркивающий ее живой, а не искусственный характер. В стихах Ап. Григорьева дух жизни может быть назван «лукавым»:

Не отдавайся тайным мукам,
Когда лукавый жизни дух
Тебе то образом, то звуком
Волнует грудь и дразнит слух!

Не отдавайся... С ним опасно,
Непозволительно шутить...
Он сам живет и учит жить
Полно, широко, вольно, страстно!

25 января 1858 (1: 124)

(Импровизации странствующего романтика. Больная птичка заперта...).

«Лукавый жизни дух» Ап. Григорьева, конечно же, это не совсем то, что «дух жизни» А. Хомякова, который заключает в себе начало христианской свободы и веры, но скрывается именно в «былом» или в «грядущих днях», а не здесь и не сейчас. Так, обращаясь к России, Хомяков восклицал:

О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!¹⁴

(«России», 1839).

Если сравнивать представление о «жизни» в приведенных текстах Григорьева и Хомякова, то можно сказать, что здесь сталкиваются два образа Жизни: ветхозаветный – Ева («жизнь») и новозаветный – Иисус Христос («Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6)). Как сказал бы Лев Толстой, это «плотское животное существование» и «жизнь, подчиненная своему закону разума и выражающаяся в любви»¹⁵. Но Ап. Григорьев вряд ли согласился бы с Хомяковым и Толстым, посчитав их восприятие жизни очередной «теорией», в которой от жизни не остается ничего. Он не боялся соприкосновения с проявлениями плотской, грешной жизни и отвечал М. П. Погодину, который упрекал его в приверженности к «злачным» местам: «<...> из этих мест мы вышли с верою в жизнь, с чувством или лучше чутьем жизни, с неистощимою жаждою жизни» (2: 384)¹⁶. «Необходимость реабилитации “жизни” у Григорьева» [1: 24] проявляется в оправдании вольного обращения с законом в чиновничьей практике – и это в эпоху «обличительной» литературы! Вернее, новому, ученому поколению канцеляристов-теоретиков он противопоставляет простое, старое, более близкое к жизни: «<...> чиновники эксплуатируют жизнь ради абстрактного и темного для нас, точно так же как и для всех, божества, называемого законом, а подьячие эксплуатируют темный для всех, но не для них закон в пользу живой жизни...»¹⁷. Однако говорить в связи с этим о «моральной двусмысленности» у Григорьева было бы столь же неверно, как и в случае с Достоевским [17].

Образ «живой жизни» из статей Ап. Григорьева 1861–1862 годов перекочевал в его стихи. В поэме «Вверх по Волге» (1862) автор, описав страстное свидание с возлюбленной, спрашивает своего учителя М. П. Погодина, может ли тот дать этому название (отрицательный ответ очевиден):

Ведь это не вопрос норманской,
 Не древность азбуки славянской,
 Не княжеских усобиц ряд...
 В живой крови скальпель потонет,
 Живая жизнь под ним застонет,
 А хартии твои молчат,
 Неловко ль, ловко ль кто их тронет (1: 237).

(Вверх по Волге: Дневник без начала и без конца
 (Из «Одиссеи о последнем романтике»). 1862).

Повесть Достоевского «Записки из подполья» (1864) была своеобразным продолжением поэмы Ап. Григорьева «Вверх по Волге». Неслучайно она вызвала одобрение критика. Позднее в письме к Н. Н. Страхову Достоевский вспоминал «слова Ап. Григорьева, похвалившего мои “Записки из подполья” и сказавшего мне тогда: “Ты в этом роде и пиши”»¹⁸. Видимо, Ап. Григорьев нашел здесь нечто близкое себе, своему представлению о жизни.

В обоих произведениях изображены отношения героя с падшей женщиной, заканчивающиеся разрывом. И в поэме, и в повести представлена амбивалентность страстей, владеющих человеком. Но у Достоевского, впервые в своей практике использовавшего здесь выражение «живая жизнь», в тезаурус данного понятия входят смысловые элементы, которые не акцентировались Григорьевым. Это гармоничная (не амбивалентная) любовь и прощение.

Герой «Записок из подполья» именно потому, что «от “живой жизни” отвык», представляет любовь лишь как борьбу, завоевание и не знает, «что делать с покоренным предметом». Любовь Лизы вызывает его на то, чтобы покончить с привычным для него одиночеством, к чему он не готов (интимфобия). «“Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно» (V: 176). Кстати заметим: эта антропоморфность «живой жизни» (которая может «придавить» человека-партнера) снова позволяет говорить о связи между мировосприятиями Достоевского и Ап. Григорьева (у него «живая жизнь» стонет под скальпелем).

После того, как Лиза оставила его, герой не дает хода проявляющейся в нем жажде раскаяния. «Упасть перед ней, зарыдать от раскаяния, целовать ее ноги, молить о прощении! Я и хотел этого; вся грудь моя разрывалась на части <...>» (V: 177). Но «подпольный» не верит в прочность своего раскаяния, он дитя века сомнения и душевной перверсии и предпочитает рассуждать о возвышающей силе ненависти, а не любви: «оскорбление возвысит и очистит ее... ненавистью... гм... может и прощением» (V: 178). Реальная возможность полюбить и простить и быть прощенным пугает, потому что не вписывается в привычные для развитого человека XIX века представления о войне каждого против всех и о любви-ненависти, которая не сближает, а еще больше разделяет.

<...> Мы все отвыкли от жизни, все хромаем, всякий более или менее. Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей «живой жизни» какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее. Ведь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаем за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке лучше (V: 178)¹⁹.

Представляется, что это можно считать не только упреком оппонентам Достоевского из лагеря теоретиков-социалистов, но и своеобразным комментарием к истории отношений Аполлона Григорьева и М. Ф. Дубровской, отразившейся в поэме «Вверх по Волге».

Концепту «живая жизнь» было суждено большое будущее в дальнейшем творчестве Достоевского. При всем своеобразии его понимания писателем выражение это наследовало «григорьевскую» неоднозначность, препятствующую превращению в клише. Для того чтобы описать весь спектр значений понятия «живая жизнь» у Достоевского, потребуется специальная большая работа. Укажу здесь на несколько случаев, два из которых чаще всего фигурируют в работах о Достоевском, а остальные незаслуженно остаются без внимания. В романе «Подросток» Версилов говорит, что живая жизнь – это

<...> должно быть нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтоб оно было так просто, и, естественно, проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая (XIII: 178).

В первой главе декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год предлагается «окончательная формула» «живой жизни»: «Словом, идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» (XXIV: 49–50).

Как уже было сказано, приведенные два примера наиболее популярны у достоевсковедов. Но есть и другие, не менее интересные. В подготовительных материалах к роману «Подросток» появляется выражение «публика и ее живая жизнь», и эта «живая жизнь» в ценностном плане представляет собой нечто менее значительное, чем «настоящий героический тип», который собирается создать Достоевский (XVI: 7). Героический, он же «хищный», тип испытывает «страстную и неутолимую потребность наслаждения жизнью, *живою жизнью* <...>» (XVI: 39). Здесь же Васин говорит, «что живая жизнь (сила) вне центра» (XVI: 233), что заставляет вспомнить выступления виталиста Ап. Григорьева против «централизаторов»²⁰.

Это только некоторые случаи бытования концепта «живая жизнь» в текстах Достоевского, заслуживающие того, чтобы серьезно заняться их истолкованием и систематизацией – конечно же, подразумевающей некую смысловую свободу и неполную выразимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 176.
- ² Григорьев Аполлон. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и через двоеточие – страницы.
- ³ Григорьев А. А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 139.
- ⁴ Там же. С. 162–163.
- ⁵ Григорьев Аполлон. Воспоминания. Л., 1980. С. 301.
- ⁶ Там же. С. 44–45.
- ⁷ Григорьев А. А. Эстетика и критика. С. 138–139.
- ⁸ Там же. С. 172.
- ⁹ Время. 1861. № 4. Апрель. Критическое обозрение. С. 26.
- ¹⁰ Григорьев А. А. Эстетика и критика. С. 271.
- ¹¹ Там же. С. 290.
- ¹² Там же. С. 286.
- ¹³ Время. 1862. № 1. Критическое обозрение. С. 19.
- ¹⁴ Хомяков А. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 112.
- ¹⁵ См. его сочинение «О жизни»: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 17. С. 130.
- ¹⁶ См. об этом статью Б. Ф. Егорова [8: 198].
- ¹⁷ Воспоминания Аполлона Григорьева / Ред. и коммент. Р. В. Иванова-Разумника. М.; Л.: Academia, 1930. С. 338.
- ¹⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. XXIX/1. С. 32. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках после цитаты с указанием тома римскими цифрами и через двоеточие – страниц арабскими.
- ¹⁹ Сравнивая Ницше и Достоевского, В. В. Дудкин пишет: «В “Записках из подполья” и в философии Ницше антиномия разума и бытия, интеллекта и жизни (у Достоевского – человеческой природы) играет очень важную роль» [6: 59]. Представляется, что в данном произведении Достоевского именно концепт «жизнь» становится членом указанной оппозиции, и Ницше вполне мог здесь следовать за Достоевским.
- ²⁰ Григорьев А. А. Эстетика и критика. С. 271.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1992. 195 с.
2. Архангельская Р. В. Проблема ценности жизни в философии жизни // Философия ценностей: Материалы российской конф. (Курган, 15–16 апреля 2004 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 106–108.
3. Баранов С. Т., Золотарева Т. А. «Живая жизнь» Ф. М. Достоевского и «жизненный мир» Э. Гуссерля в плоскости дискурса повседневного сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 10-1 (84). С. 21–24.
4. Богданова О. А. «Живая жизнь»: идеал женщины и проблема красоты в романе Ф. М. Достоевского «Подорожник» // Знание. Понимание. Умение. М., 2008. № 4. С. 78–82.
5. Дрошнева Н. В. Два пути к одной цели: «жизнь» в западноевропейской и русской философской традиции XIX–XX веков // Философия и социальная теория: Сб. науч. трудов. М.: Полиграф-Информ, 2003. Вып. 1. С. 103–121.
6. Дудкин В. В. Достоевский – Ницше: (Проблема человека). Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1994. 153 с.
7. Евлампиев И. И. «Записки из подполья» Ф. Достоевского: «живая жизнь» против «мертвой жизни» // Соловьевские исследования. Иваново, 2011. № 3 (31). С. 25–46.
8. Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев-критик. Ст. 1 // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1960. Вып. 98. С. 194–246.
9. Кунильский А. Е. «Жизнь» в структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1981. С. 55–66.
10. Кунильский А. Е. Источники витализма в русской литературе первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7-1 (160). С. 100–104.
11. Кунильский А. Е. Витализм в русской литературе первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 55–60.
12. Кустовская М. А. Изучение художественной системы Ф. М. Достоевского сквозь призму концепции «живой жизни» // Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры: Сб. науч. трудов / Научный редактор – проф. В. П. Океанский. Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. С. 96–116.
13. Кустовская М. А. Концепция «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2011. Т. 9. С. 169–179.
14. Кустовская М. А. «Живая жизнь» в публицистике Достоевского // Достоевский и журнализм. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 268–279.
15. Петренко Д. И. «Живая жизнь»: тексты Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в виталистическом осмыслении В. В. Вересаева // Textus. Ставрополь, 2014. Т. 14. № 14 (14). С. 202–211.
16. Философия Шеллинга в России. СПб.: Изд-во Русского Христианского ин-та, 1998. 528 с.
17. Davidson R. M. Moral Ambiguity in Dostoevski // Slavic Review. 1968. Vol. XXVII. No 2. June. P. 313–316.

Kunil'skiy A. E., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VITALISM OF APOLLON GRIGORIEV AND DOSTOEVSKY

The purpose of this article is to analyze the full range of meanings of the concept of “life” in the critical and literary texts by A. A. Grigoriev in connection with the influence of Schelling’s philosophy, to show his special role in the spread of the concept of “living life” in Russian culture. For the first time, Pochvenniki, including Grigoriev, are characterized in the article as a “vitalism party” (vita – life). In Russian literature this association refers to the people for whom the concept of “life” was essential. Though

Pochvenniki were the followers of Slavophiles they used the word “life” without its ethical unambiguity that was present in the works of Khomyakov and Konstantin Aksakov. The article points to the interconnection between the concepts of “life” and “pochva” (soil). In addition, both concepts are united by certain ambivalence (especially for Apollon Grigoriev). The evolution of the concept of “living life” occurs in the works of Dostoevsky. In the story “Notes from the Underground” (1864) the writer used this concept for the first time, later he repeatedly employed it in his works. This story is a “continuation” of Grigoriev’s poem “Upstream the Volga”. Dostoevsky in this thesaurus of the “living life” concept includes elements that are not emphasized by Grigoriev: harmonious (not ambivalent) love and forgiveness. This is because the concept of “life” in the works of Grigoriev and Dostoevsky goes back to different biblical archetypes (Eve and Christ). These conclusions are made for the first time, which conditions the novelty of the article and the relevance of the topic in focus.

Key words: Russian literature of the second half of the 19th century, Apollon Grigoriev, Dostoevsky, theme of life, vitalism, ‘living life’.

REFERENCES

1. Avdeyeva L. R. Russian Thinkers: Ap. A. Grigoriev, N. Ya. Danilevskiy, N. N. Strakhov. Philosophical Cultural Studies of the Second Half of the 19th Century. Moscow, 1992. 195 p. (In Russ.)
2. Arkhangel'skaya R. V. Problem of the Value of Life in Philosophy of Life. *Philosophy of Values: Proc. Russian Conference. Kurgan, 15–16 April 2004*. Kurgan, 2004. Issue 2. P. 106–108. (In Russ.)
3. Baranov S. T., Zolotareva T. A. “Living Life” of F. M. Dostoevsky and “Life-World” of E. Husserl in the Plane of the Discourse of Everyday Consciousness. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. Tambov, 2017. No 10-1 (84). P. 21–24. (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. “Living Life”: the Ideal Woman and the Problem of Beauty in Dostoevsky’s Novel “A Raw Youth”. *Knowledge. Understanding. Skill*. Moscow, 2008. No 4. P. 78–82. (In Russ.)
5. Drosheva N. V. Two Paths to the Same Goal: “Life” in the Western and Russian Philosophical Traditions of the 19–20th Centuries. *Philosophy and Social Theory*. Moscow, 2003. Issue 1. P. 103–121. (In Russ.)
6. Dudkin V. V. Dostoevsky – Nietzsche: (Problem of Man). Petrozavodsk, 1994. 153 p. (In Russ.)
7. Evlampiev I. I. “Notes from Underground” by F. Dostoevsky: “Living Life” vs “Dead Life”. *Solov'evskie issledovaniya*. Ivanovo, 2011. No 3 (31). P. 25–46. (In Russ.)
8. Egorov B. F. Apollon Grigoriev-critic. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1960. Issue 98. P. 194–246. (In Russ.)
9. Kunil'skiy A. E. “Life” in the Structure of Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”. *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya: Mezhvuz. sb.* Petrozavodsk, 1981. P. 55–66. (In Russ.)
10. Kunil'skiy A. E. Origins of “Vitalism” in Russian Literature of the First Half of the 19th Century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 7-1 (160). P. 100–104. (In Russ.)
11. Kunil'skiy A. E. Vitalism in Russian Literature of the First Half of the 19th Century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 1 (162). P. 55–60. (In Russ.)
12. Kustovskaya M. A. Study of the Art System of F. M. Dostoevsky through the Prism of Concept of “Living Life”. *Anti-crisis Potential of Russian Intellectual Culture*. Ivanovo, Shuya, 2011. P. 96–116. (In Russ.)
13. Kustovskaya M. A. Concept of “Living Life” in Dostoevsky. *Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2011. Vol. 9. P. 169–179. (In Russ.)
14. Kustovskaya M. A. “Living Life” in Dostoevsky’s Journalism. *Dostoevsky and Journalism*. St. Petersburg, 2013. P. 268–279. (In Russ.)
15. Petrenko D. I. “Living Life”: the Texts of Dostoevsky and Tolstoy in Vitalistic Understanding of Veresaev. *Textus*. Stavropol, 2014. Vol. 14. No 14 (14). P. 202–211. (In Russ.)
16. Schelling’s Philosophy in Russia. St. Petersburg, 1998. 528 p. (In Russ.)
17. Davidson R. M. Moral Ambiguity in Dostoevsky. *Slavic Review*. 1968. Vol. XXVII. No 2. June. P. 313–316.

Поступила в редакцию 04.12.2017

АРКАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕМИНУЩИЙдоктор филологии, профессор кафедры русистики и славистики гуманитарного факультета, Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия)
arkadij05@inbox.lv**«ФИЗИОЛОГИЯ» ОСВОЕНИЯ ЧУЖОГО ПРОСТРАНСТВА
В МОРСКОМ ТРАВЕЛОГЕ И. А. ГОНЧАРОВА**

Проблема специфики книги очерков И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» в разное время привлекала внимание литературоведов. Однако изучение таких аспектов, как поэтика, стилистика, связь с европейской и российской жанровой традицией, не дает ответа на целый ряд важных вопросов. Среди них актуальным можно считать выяснение особенностей демонстрации в тексте восприятия незнакомого, чужого пространства еще и с точки зрения физиологических реакций путешественника-неофита. Анализ данного уровня повествования показывает, что И. А. Гончаров с помощью введения названных компонентов ведет полемику с романтической версией травелога и опирается при этом на ряд значимых эстетических приоритетов русской «натуральной школы».

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Фрегат Паллада», пространство, физиология восприятия, «натуральная школа»

Книга очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» уже не раз становилась объектом пристального внимания литературоведов. Аспекты изучения были весьма разнообразными: исследовались, к примеру, особенности жанровой принадлежности [2], соотношение точек зрения героя и повествователя [6], семантико-стилистическое своеобразие текста [9], историософские воззрения автора [1: 12–15] и многое другое. Не последнее место в указанных штудиях занимала и проблема связей гончаровского опыта с предшествующей европейской и российской традицией. Так, скажем, Е. А. Краснощекова увидела в книге Гончарова ориентацию на модель путевых очерков эпохи Просвещения, и в частности на известное писателю сочинение Ш. Дюпати «Письма из Италии» (1788), с их установкой на расширение познаний читателя об окружающем мире [3: 151]. Кроме того, исследовательница справедливо указывала на очевидные, хотя и весьма неоднозначные, в формате «притяжения» – «отталкивания» ассоциации с хронологически более близкой Гончарову романтической маринистикой в виде уже художественной прозы и поэзии С. Кольриджа, Д. Байрона, Ф. Марриета. В качестве же вполне определенных ориентиров упомянуты повести А. А. Бестужева-Марлинского «Лейтенант Белозор» (1831), «Фрегат “Надежда”» (1833) и «Мореход Никитин» (1834), а также лирика Пушкина и Бенедиктова [3: 145].

Несколько упрощая, можно констатировать, что в подобных образцах литературы романтической эпохи водная стихия воссоздается и интерпретируется не как реальная среда, а скорее как многозначный символ или аллегория. При этом отношения в рамках оппозиции «море» – «человек» реализуются двояко: либо как борьба с целью самоутверждения, либо как слияние и знак обретения безграничной свободы. Преодоление морских и океанских просторов, в изображении

которых по сути дела «сняты пространственные определители» [5], становится для романтического героя прежде всего путешествием духа. Однако любое путешествие по определению есть еще и передвижение человеческого тела в незнакомом до определенного времени, «чужом» пространстве, что по уже названным причинам для романтиков не имело существенного значения.

В связи со сказанным даже в первом приближении выясняется, что Гончаров воссоздает и интерпретирует коллизии морского вояжа в ином формате. Одним из важнейших аспектов восприятия и фиксации впечатлений героя-рассказчика становится еще и физиология в широком смысле понимания этой категории.

Собственно говоря, именно мотив грядущих телесных испытаний открывает повествование в книге «Фрегат “Паллада”». Уже во втором абзаце первой главы рассказчик упоминает, к примеру, о своей физической изнеженности, не позволяющей ему спокойно заснуть, если в комнате жужжит муха или скребется мышонок, сообщает о раздражении, которое вызывает пахнущий дымом суп или подгоревшее жаркое, не чистая, как хрусталь, вода в стакане и другие бытовые неурядицы. Развернутый пассаж на эту тему завершается фразой: «И вдруг – на море!» В данном случае позиционируется исходная позиция не просто путешественника, но еще и «сухопутного» человека, абсолютного неофита в морском вояже.

Заявленная вначале тема не угасает, а напротив, разворачивается в многочисленных репликах и вопросах знакомых потенциального морского странника:

– Да как вы там будете ходить – качает? – спрашивали люди, которые находят, что если заказать карету не у такого-то каретника, так уже в ней качает. – Как ляжете спать, что будете есть? <...> ...и на меня смотрели с болезненным любопытством, как на жертву, обреченную пытке (2: 8)¹.

Беспечное и шутивное, по свидетельству самого путешественника, отрицание предсказаний и предостережений в дальнейшем подвергается системным испытаниям, а сам мотив разнообразных телесных практик в кругосветном плавании становится одним из сквозных.

Сразу же необходимо отметить, что опыт пребывания сухопутного человека в условиях морской стихии, как с точки зрения героя, так и автора, носит преимущественно негативный характер, причем в самых разных аспектах. Уже начало плавания еще не в настоящем море, а только в Финском заливе явно не способствует оптимистическому настрою: «Наверху было холодно; косой, мерзлый дождь хлестал в лицо» (2: 17). Кстати говоря, такая отвратительная «петербургская» погода будет настичать путешественника неоднократно, причем даже в южных широтах. Атмосферные условия и их влияние на самочувствие упоминаются в тексте регулярно и опять-таки преимущественно в негативном контексте. Кроме промозглой сырости и ледяных дождей команда корабля страдает от изнуряющей духоты в безветрие, а телесно-физиологические последствия работы экипажа под палящими лучами тропического солнца фиксируются с почти протокольной точностью. Так, например, поинтересовавшись, куда пропал приставленный к нему для услуг матрос Фаддеев, рассказчик получает лаконичный ответ: «У него шкура со спины сошла». Отправившись на поиски, герой обнаруживает на палубе других пострадавших моряков и, выделяя среди них одного, весьма натуралистично описывает последствия контакта с неласковым солнцем: «На спину страшно было взглянуть: она была вся багровая и покрыта пузырями, как будто ее окатили кипятком <...>. Все обожженные стонали, охали и морщились» (2: 322–323).

Столь же проблемными оказываются знакомство и попытки обустройства будущего «аргонавта» в пространстве своего «плавучего жилища»:

С первого раза невыгодно действует на воображение все: <...> недостаток света, простора <...> пригвожденные к стенам комоды и диваны, привязанные к полу столы и стулья <...>. Робко ходит в первый раз человек на корабле: каюта кажется ему гробом... (2: 19).

Размещение в тесной каюте необходимых вещей – одежды, письменных принадлежностей, книг и многого другого, превращается в лишенный логики процесс, где действует не привычная мотивация – «как дома», а совершенно иная, с главенствующим принципом – чтобы было удобнее достать. Поэтому стараниями все того же Фаддеева обувь оказывается в комод, а вакса, мыло, щетки, чай и сахар – на книжных полках.

Проявления телесного, физического и связанного с ним психологического дискомфорта настичают героя-путешественника в самых элементарных бытовых ситуациях: пресная вода оказывается чрезвычайной ценностью, одной-двух кружек в день хватает только для питья,

и возникает проблема исполнения гигиенических процедур – членам экипажа предлагается умывание морской водой либо отказ от ритуала вовсе.

Агрессивному воздействию среды подвергается одежда, которая плохо или вообще не защищает тело от постоянной сырости, а несколько месяцев спустя после начала плавания хранящиеся для особых случаев праздничные одеяния приобретают весьма жалкий вид:

Я спросил белый жилет, смотрю – он уже не белый, а желтый. Шелковые галстуки, лайковые перчатки – все были в каких-то чрезвычайно ровных, круглых... пятнах, разных видов, смотря по цвету, например на белых перчатках были зеленоватые пятна, на палевых оранжевые... (3: 38).

Гончаров добросовестно и подробно фиксирует самые разные проявления реакции организма на пребывание в удаленной от земной тверди среде. Так, к примеру, даже обыкновенная боковая или килевая качка вызывает у обитателей корабля приступы морской болезни. И хотя рассказчик сообщает о том, что счастливым образом оказывается не подверженным этой физиологической неприятности, он все же отмечает невозможность избежать подобных эксцессов даже для профессиональных моряков:

...вот молодой человек, гардемарин, бледнеет, опускается на стул, глаза у него тускнеют <...>. Вот сменили часового, и он, отдав ружье, бежит опретью на бак. Офицер хотел что-то закричать матросам, но вдруг отвернулся лицом к морю и оперся на борт... (2: 18).

Значительное место в ряду телесной активности персонажа занимает еще и еда. Разумеется, для человека, привыкшего в домашних условиях к обедам с пятью переменами блюд, ежедневное корабельное меню заведомо не может вызвать восторга. Не без раздражения герой сетует на неизбежную в длительном плавании солонину на столе и довольно скудный выбор блюд. Правда, гастрономические описания не лишены известной объективности, и читатель может узнать, например, что в корабельных трюмах содержатся куры и поросята, обеспечивающие некое кулинарное разнообразие. Вместе с тем негативные коннотации все же преобладают и в этом случае. Так, скажем, во время качки доставленный матросом с камбуза обед по пути может превратиться во что-то весьма малоаппетитное:

Он сел подле меня на полу, держа тарелки. – Чего же ты мне принес? – спросил я. – Тут всё есть, всякие кушанья, – сказал он. – Как всё? Гляжу: в самом деле – всё: вот курица с рисом, вот горячий паштет, вот жареная баранина – вместе в одной тарелке, и всё прикрыто вафельей. – Помилуй, ведь это есть нельзя (2: 83).

Особое место занимают описания неизбежной в кругосветном плавании экзотической еды. Надо, видимо, заметить в этой связи, что у тех же романтиков категория экзотического в разных его проявлениях, по сути дела, всегда оценивалась позитивно, а иногда и с восторгом как нечто противопоставленное обыденности.

Для автора книги «Фрегат “Паллада”» и его героя актуален совершенно другой подход: экзотическая еда чаще всего не только и не столько предмет изображения, сколько объект вдумчивого изучения и подробного анализа вкусовых ощущений. Причем оценка незнакомого, «чужого» всегда опирается на сопоставление со «своим», знакомым и явно в пользу последнего:

Бананы! Тропический плод! <...>. Мне подали всю связку. Я оторвал один и очистил – кожа слезает почти от прикосновения, попробовал – не понравилось мне: пресно, отчасти сладко, но вяло и приторно, вкус мучнистый, похоже немного на картофель, и на дыню, только не так сладко, как дыня, и без аромата или со своим собственным, каким-то грубоватым букетом (2: 97).

В том же духе презентуется и загадочная «какофига», фрукт «красно-желтый, мягкий, сладкий и прохладительный, вроде сливы; но это не слива, а род фиго или смоквы...» (3: 70).

В целом все, что связано с едой, воссоздается автором преимущественно как выужденное уклонение от нормы, поэтому можно понять то умиление, с которым путешественник описывает пасхальный обед во время стоянки, когда на столе появляются не экзотическая рыба, мясо лани и фрукты, но привычный, почти домашний набор блюд, а сама трапеза завершается с наслаждением выкуренной сигарой.

Однако самым серьезным испытанием телесных возможностей человека в морском странствии, безусловно, становится шторм. При желании в очерковой эпопее Гончарова можно выделить относительно самостоятельный «штормовой текст», поскольку кроме многочисленных упоминаний в книге представлено не менее пяти развернутых описаний экстремального поведения водной стихии в разных морях и океанах.

Кстати, именно в воссоздании таких картин исследователи прежде всего и видят полемическую установку по отношению к романтической традиции. Правда, полемико усматривают скорее на уровне стилистики, отказа от определенных патетических речевых штампов, уже укоренившихся в сознании читателей, что Гончаров реализует в нарочитой «прозаизации» некоторых деталей, когда штормовое море воспринимается, к примеру, в виде «довольно грязной занавески» [3: 144–145].

Вместе с тем надо признать, что для Гончарова важны и некоторые другие, ментальные аспекты. Разгулявшийся океан для автора и его персонажа в первую очередь – сила, разрушающая всякий порядок и несущая агрессию, временами гибельную по отношению к человеческой жизни вообще и его телу в частности.

Так, в условиях шторма даже обычные вещи приобретают опасные свойства, которые сводятся в основном к потенциальному членовредительству:

...книги, часы, сапоги <...> все это в куче валялось на полу и при каждом толчке металось то направо, то налево. Ящики выскочили со своих мест, щетки, гребни бумаги <...> все ездило по полу... (2: 78).

Экстремальные обстоятельства вводят и мотив борьбы со стихией, но в весьма своеобразном варианте. Такая борьба не предполагает победы, в языковском, например, духе («Будет буря: мы поспорим // И помужествуем с ней»). Человеческое тело в подобных обстоятельствах становится по сути дела объектом, игрушкой, лишенной собственной воли, причем это касается не только морского путешественника-неофита, но и всех членов экипажа. Важно также, что приобретаемый опыт, в том числе полученные через несколько месяцев плавания так называемые морские ноги, не спасают во время очередного шторма:

Чувствуя, что мне не устоять и не усидеть на полу, я быстро опустился на маленький диван и думал, что спасусь этим, но не тут-то было: надо было прирасти к стене, чтоб не упасть. Диван был пригвожден и не упал, а я, как ни крепился, но должен был к крайнему прискорбию расстаться с диваном. Меня сорвало с него и ударило грудью о кресло... (2: 85).

Список «телесных катастроф» подобного рода выглядит весьма внушительно, что в конечном итоге и определяет отношение героя к штормовым испытаниям. Поэтому упомянутая ранее прозаизация – на самом деле не только и не столько полемика с романтической традицией на уровне поэтики, эстетики и стилистики.

Мотивация оценок не в последнюю очередь диктуется именно физиологическим, телесным состоянием воспринимающего грозное природное явление субъекта. Так, например, откликнувшись на предложение капитана полюбоваться разгулом дикой стихии, гончаровский персонаж реагирует на происходящее в соответствии с собственной системой представлений:

Она (молния. – А. Н.) сверкала часто и так близко, как будто касалась мачт и парусов. Я посмотрел минут пять на молнию, на темноту и на волны, которые всё силились перелезть к нам через борт. – Какова картина? – спросил меня капитан, ожидая восторгов и похвал. – Безобразие, беспорядок – отвечал я, уходя весь мокрый в каюту переменить обувь и белье (2: 256).

Любопытно в этой связи, что итоговая оценка штормового океана поверяется не уже существующими в памяти героя поэтическими версиями Байрона, Пушкина или Бенедиктова, а куда более приземленным набором эпитетов – «соленый, скучный, безобразный и однообразный». По этой причине вполне закономерными выглядят во время шторма, застигнувшего корабль в Китайском море, дотошные наблюдения персонажа не за враждебными человеку «безобразиями», а за показаниями барометра с фиксацией десятых и даже сотых делений на шкале прибора, влияющих в том числе и на самочувствие, что в романтическом тексте, конечно же, невозможно представить.

Разумеется, отношение к морскому пространству в книге Гончарова не укладывается только в рамки представленного смыслового ряда. В те

редкие моменты, когда тело путешественника пребывает в состоянии комфорта, его не терзает холодный ветер и не изнуряет жара – наступает умиротворение, которое дает возможность увидеть еще и красоту: «...было совершенно прохладно, ночь тиха... ярко блистала зарница – вечное украшение небес в здешних местах. Прямо на голову текли лучи звезд, как серебряные нити» (2: 274).

Наконец, такое гармоничное состояние позволяет герою несуетно разворачивать процесс мышления, философствовать, систематизировать наблюдения над укладом жизни незнакомых ранее народов и вообще познаваемого в путешествии мира.

С другой стороны, даже такие наступающие иногда просветления духа не могут отменить одну из значимых финальных сентенций: «Как ни привыкаешь к морю, а всякий раз, как надо сниматься с якоря, переживаешь минуту ску-

ки: недели, иногда месяцы под парусами – не удовольствие, а необходимое зло» (3: 294–295). В данной констатации, как думается, также присутствует деромантизирующий скепсис.

Представленная автором своеобразная «хроника телесного существования» в морском вояже позволяет предположить, что в данном случае не обошлось без влияния эстетики и поэтики «натуральной школы», с которой Гончаров был в свое время связан. Большинство исследователей склонны транслировать идею ограниченности такого влияния, которое обнаруживается, по их мнению, только в ранних прозаических опытах писателя [7: 8–12]. Однако приведенные наблюдения дают возможность утверждать, что жанровый ресурс «физиологических» очерков оказался востребованным и в книге «Фрегат “Паллада”».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Правда, 1972. Т. 2. 352 с. Т. 3. 464 с. В тексте указывается в круглых скобках том и через двоеточие страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева С. А. Философия истории в книге И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 18 с.
2. Дановский А. В. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова – очерковая эпопея путешествия // Литературная учеба. 2004. № 5. С. 12–31.
3. Краснощечкова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
4. Мокеева И. Н. Жанровое своеобразие «Фрегата “Паллада”» И. А. Гончарова // Гончаров И. А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 95–104.
5. Недзвецкий В. А. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук. Серия лит. и яз. 1993. Т. 52. № 2. С. 43–55.
6. Пинженина Е. И. Мир в герою и герою вне мира: эволюция точки зрения героя-повествователя в книге очерков «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 92–96.
7. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. 168 с.
8. Смирнов А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина как художественная целостность. М.: Наука, 2007. 309 с.
9. Юркина О. В. Образ «живого космоса» как доминанта семантико-стилистической системы очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 4 (Ч. 2). С. 87–91.

Nemiuscijs A. N., Daugavpils University (Daugavpils, Latvia)

THE “PHYSIOLOGY” OF ADAPTING FOREIGN SPACE IN SEA TRAVELOGUE OF I. GONCHAROV

The problem of specificity of the sketchbook “Fregat Pallada” (Pallas’ Frigate) written by I. Gorchakov has attracted attention of literary scholars during various periods. However, a research of such aspects as poetics, stylistics, relation to European and Russian genre traditions does not provide an answer to a whole range of important questions. Among important issues is the identification of peculiarities demonstrating perception of the strange, foreign space from the standpoint of physiological reactions of a neophyte voyager. The analysis of the narrative of the given level shows that I. Goncharov, by means of activation of the above mentioned components, initiated a debate with the romantic version of travelogue proceedings. His polemic is based on a number of significant aesthetic priorities intrinsic to the Russian “naturalist school”.

Key words: I. Goncharov, “Fregat Pallada”, space, physiology of perception, “naturalist school”

REFERENCES

1. Vasilyeva S. A. Philosophy of history in I. Goncharov’s book “Fregat Pallada” [Pallas’ Frigate]: Author’s abst. PhD philol. diss. Tver, 1998. 18 p. (In Russ.)
2. Danovsky A. V. “Fregat Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov – a sketch epopee of a voyage. *Literaturnaya ucheba*. 2004. No 5. P. 12–31. (In Russ.)
3. Krasnoshechkova E. A. I. A. Goncharov: the world of his oeuvre. St. Petersburg, 1997. 492 p. (In Russ.)
4. Mokeeva I. N. The specificity of genre of “Fregata Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov. *Goncharov I. A. Materials of the conference dedicated to the anniversary of Goncharov in 1987*. Ulyanovsk, 1992. P. 95–104. (In Russ.)
5. Nedzvetskiy V. A. “Fregat Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov: the mystery of the genre. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literaturny i yazyka*. 1993. Vol. 52. No 2. P. 43–55. (In Russ.)
6. Pinzhennina E. I. The world in the hero and the hero out of the world: the evolution of the point of view of the hero-narrator in the sketch book “Fregata Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No 22. P. 92–96. (In Russ.)
7. Otradin M. V. I. A. Goncharov’s prose fiction in the context of literature. St. Petersburg, 1994. 168 p. (In Russ.)
8. Smirnov A. A. Romantic lyrics of A. S. Pushkin as an artistic unity. Moscow, 2007. 309 p. (In Russ.)
9. Yurkina O. V. The image of the “living space” as a dominant of the semantico-stylistic system of travel sketches “Fregata Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. 2004. Ser. 9. Philology. No 4 (Part 2). P. 87–91. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.10.2017

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ДЬЯЧЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
irinady25@yahoo.com

О РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Т. С. ЭЛИОТА «CHORUSES FROM *THE ROCK*»

Цель данной работы – проанализировать произведение Т. С. Элиота «Choruses from *The Rock*» с точки зрения тех религиозно-философских традиций, которые легли в его основу. Новизна исследования заключается в том, что его объектом является наименее известное произведение Элиота, которое мало изучалось как в России, так и за рубежом. А между тем в данном произведении Элиот весьма интересно объединяет духовные традиции Запада и Востока, что и обуславливает актуальность работы. Биографический метод позволяет установить, как развивались религиозно-философские воззрения Элиота на протяжении жизни. С помощью историко-типологического и сравнительного методов удается установить то общее, что есть у восточных и западных религиозно-философских учений. С целью выявления элементов этих учений в поэме Элиота «Choruses from *The Rock*» текст анализируется с точки зрения композиции и образности. Определяется смысловое движение внутри текста – от дизъюнкции макрокосма и микрокосма к их полному единству. Делается вывод о том, что главной художественной задачей Элиота при работе над данным текстом была попытка объединения западных и восточных представлений о бытии, о месте человека во вселенной и о творчестве как духовном делании, возвышающем человека до состояния единства со всем сущим.

Ключевые слова: Т. С. Элиот, «Choruses from *The Rock*» («Камень: песнопения»), восточные религии, неоплатонизм, христианский мистицизм, макрокосм, микрокосм

Давно назрела необходимость рассмотреть произведение Т. С. Элиота «Choruses from *The Rock*» (в русском переводе – «Камень: песнопения») с точки зрения тех религиозно-философских традиций, которые легли в его основу. Данное произведение мало изучалось в зарубежном и отечественном литературоведении: критики не посвящали ему отдельных исследований и характеризовали его как некий промежуточный этап между ранними текстами Элиота, где основными мотивами являются дизъюнкция и хаос, и его поздним творчеством, в котором прослеживаются пути возможного синтеза, единения, гармонии. Отчасти невнимание критики к «Choruses from *The Rock*» связано с особенностями возникновения этого текста. Он представляет собой соединенные десять фрагментов из созданной Элиотом в 1934 году пьесы-мистерии под названием «Камень» («The Rock»). Эта пьеса была написана Элиотом на заказ, по случаю сбора средств на строительство церкви. Элиот, перешедший в англиканство в 1927 году, отозвался на просьбу организаторов строительства, несмотря на то, что переживал в тот момент творческий кризис. К тому времени он уже приобрел широкую славу как автор поэм «Бесплодная земля» (1922), «Полые люди» (1925) и «Пепельная среда» (1930). Теперь же он столкнулся с новым жанром, и сказался недостаток опыта: по собственному признанию Элиота, пьеса-мистерия «Камень» с драматургической точки зрения была проваль-

ной, потому что ему не удалось создать персонажи, которые говорили бы самостоятельными голосами, независимыми от мнений автора [7: 228–229]. Именно по этой причине Элиот не стремился сохранить полный текст пьесы. Однако он принял решение выбрать десять монологов хора из пьесы и соединить их так, чтобы они образовывали художественное целое.

Насколько это была успешная попытка – вопрос открытый. Но есть исследователи, которые полагают, что Элиоту удалось добиться такой художественной целостности (при всей неизбежной структурной фрагментарности), что есть основания для жанрового определения этого произведения как драматической поэмы. К числу таких исследователей принадлежит Л. Н. Татаринова [3], специалист в области англоязычной религиозно-философской литературы. И, с нашей точки зрения, это мнение имеет под собой серьезное основание. Элиот был вполне честен со своим читателем: он оставил в названии произведения ясное указание на изначальную фрагментарность его природы. Произведение разделено на десять частей, и по этим внешним признакам оно скорее напоминает стихотворный цикл, чем поэму. Но мы, вслед за Л. Н. Татариновой, полагаем, что в данном случае именно содержание текста и его внутренняя композиция должны играть определяющую роль. В этой статье мы попытаемся осветить те особенности внутренней композиции данного текста, которые позволяют ему

существовать как художественное целое, в котором все части глубоко взаимосвязаны и подчинены единому религиозно-философскому замыслу.

Основная часть текста поэмы – это драматические монологи хора. Сразу отметим, что в своей эссеистике Элиот уделяет внимание хору как композиционному элементу драмы. Не случайно хор («Хор кентерберийских женщин») займет важное место в тексте религиозной драмы Элиота «Убийство в соборе» (1935). На «Choruses from *The Rock*» можно смотреть и как на подготовительный этап к написанию этой драмы. Между этими двумя текстами существует немало параллелей в образно-композиционном и тематическом (религиозно-философском) плане¹. Однако нас интересует прежде всего то, как именно функционирует хор в изучаемом нами произведении.

Как известно, хор широко использовался в античных пьесах. Он давал комментарий, а также эмоциональную оценку происходящему на сцене (эти комментарии сопровождалась песнопениями и танцами). Хор как существенный композиционный элемент встречается и в другие эпохи – например, в елизаветинской драме, где хор чаще всего представлен отдельным персонажем, который произносит пролог и эпилог в пьесе, а также время от времени делает поясняющие отступления, чтобы помочь зрителю следить за развитием действия. Интересно то, что в первой половине XX века хор как композиционный прием оказался востребован в модернистских произведениях. Помимо Элиота, здесь следует назвать англо-американского поэта У. Х. Одена, который использовал хор в рождественской оратории «For the Time Being» (1944). Также хор был задействован в произведениях Юджина О'Нила, Федерико Гарсии Лорки и Мигеля де Унамуно.

Уникальность текста «Choruses from *The Rock*» в том, что именно комментарий хора составляет основную часть текста. Комментарий, таким образом, вынесен на первый план, а само действие, вокруг которого выстраивается этот комментарий, происходит незримо, «за кулисами». Это оригинальное композиционное решение, очень модернистское по своей сути, представляло для Элиота серьезный творческий вызов. Нет сомнений в том, что он относился к этой задаче как к интересному литературному эксперименту.

Действием, вокруг которого выстраивается комментарий хора, является возведение храма. Таков внутренний сюжет поэмы. Комментарий хора, в котором выделяется несколько тематических пластов, коррелирует с этапами возведения храма. Можно сказать, что создающийся текст поэмы – это своеобразное зеркало возводимого храма. И как строительство сооружения начинается с фундамента и закладывания краеуголь-

ного камня, так и поэма начинается со своего философско-космологического основания:

The Eagle soars in the summit of Heaven,
The Hunter with his dogs pursues his circuit.
O perpetual revolution of configured stars,
O perpetual recurrence of determined seasons,
O world of spring and autumn, birth and dying!
The endless cycle of idea and action,
Endless invention, endless experiment,
Brings knowledge of motion, but not of stillness;
Knowledge of speech, but not of silence;
Knowledge of words, and ignorance of the Word. <...>
Where is the Life we have lost in living?
Where is the wisdom we have lost in knowledge?
Where is the knowledge we have lost in information?
The cycles of Heaven in twenty centuries
Bring us farther from God and nearer to the Dust. (P. 147)²

В этом вступлении обращает на себя внимание следующий момент: смысловым фоном для всего будущего действия является космологическое единство, макрокосм, внутри которого существует постоянное циклическое движение. Это вечное возвращение («perpetual recurrence») зиждется на принципе недвойственности, то есть гармоничного единства противоположностей («spring and autumn, birth and dying»).

Сразу возникает вопрос о том, каковы истоки этого образа космологического единства в рассматриваемом произведении. В молодые годы Элиот обучался в Гарварде, где, наряду с трудами западных философов, он изучал древнеиндийскую философию и санскрит. Дэвид Ногл, исследователь творчества Элиота, пишет:

Eliot's interest in Indian thought came largely through the influence of his teachers at Harvard, most notably Irving Babbitt, Charles Lanman, and James Woods. The most important influence in Eliot's Harvard days seems to have been Irving Babbitt whose system of thought was based upon the study of the Pali manuscripts, the earliest authentic Buddhist documents [11].

Таким образом, речь идет не о поверхностном, а об очень серьезном интересе, который Элиот проявлял к культуре Древней Индии. Неудивительно, что в его поэзии обнаруживаются отсылки к Упанишадям, Йога-сутрам Патанджали, Бхагавад-Гите, а также к буддийским текстам. В 1933 году Элиот признался в том, что его познания в области западной философии не столько помогали, сколько мешали ему в его систематических занятиях восточной философией:

Two years spent in the study of Sanskrit under Charles Lanman, and a year in the mazes of Patanjali's metaphysics under the guidance of James Woods, left me in a state of enlightened mystification. A good half of the effort of understanding what the Indian philosophers were after – and their subtleties make most of the great European philosophers look like schoolboys – lay in trying to erase from my mind all the categories and kinds of distinction common to European philosophy from the time of the Greeks. My previous and concomitant study of European philosophy was hardly better than an obstacle [11].

Тем не менее был один западный философ, который, наоборот, помогал молодому Элиоту в его философских исканиях. Речь идет об английском философе Ф. Брэдли, в трудах которого можно заметить немало параллелей с индийской философией (в частности, с буддизмом). Исследователи творчества Элиота Дж. М. Перл и Э. П. Такк отмечают: «He found in certain Buddhist schools, as he was finding in F. H. Bradley, an option which he believed to be unavailable in the range of previous European philosophy...» [12: 117]. Труды Брэдли углубили в сознании Элиота представление о космологическом единстве как Абсолюте. Но по мере усиления интереса Элиота к христианству все большее влияние на него начал оказывать неоплатонизм.

Неоплатонизм (прежде всего учение Плотина) справедливо считают колыбелью христианской философии. В неоплатонизме соединились элементы разных учений, в том числе восточных, но его основой является идеализм Платона. Согласно Плотину, все сущее происходит от Единого, некоего первоначала. Благодаря многоступенчатой эманации первоединого начала возникают мировой разум («нус») и мировая душа («психэ»), а дальше – мир явлений, земной мир. Е. А. Торчинов пишет: «Единое неоплатоников – Абсолют, который превыше всех определений, понятий и категорий. Единое выше бытия, источником которого является. Оно претупает пределы всего и принципиально неопределяемо и невыразимо. Вместе с тем все существует лишь вследствие своей причастности единству, хотя само Единое за пределами любого существования» [5: 473].

Каждый следующий этап эманации «отходит» от Единого все дальше в том смысле, что все труднее распознавать Единое в нем. Так, материальный мир рассматривается в рамках неоплатонизма как низшая эманация, в которой уже почти не осталось «реального», то есть в которой едва распознается связь с Единым. Особое положение в контексте неоплатонизма занимает человеческая душа. Она амбивалентна. С одной стороны, она может быть настолько поработана материальным миром, что связь между ней и Единым практически утрачивается. С другой стороны, душа, пройдя через очищение (катарсис) и вспомнив о Едином, способна начать свое восхождение обратно к Нему, которое неоплатоники называют возвращением домой. Более того, достигнув высочайшей точки своего развития, душа способна слиться с Единым (экстаз).

Неоплатонизм оказал сильнейшее воздействие на раннехристианскую философию (Св. Августин, отцы-каппадокийцы, Эриугена и др.). Но особенно существенным было влияние неоплатонизма на христианский мистицизм (Дионисий Ареопагит, Мейстер Экхарт). Поэтому неудивительно, что Элиот, создающий произведение, пропитанное христианско-мистическими идея-

ми, начинает свою поэму с образа макрокосма – того Единого, в котором сходятся все противоположности.

Однако в 1-й части поэмы в это Единое не вписан человек, то есть микрокосм. В характеристиках, которые здесь даются человеку и его миру, звучат мотивы дизъюнкции, разобщенности, дуализма и противостояния. Так, движение человека («motion») не едино с его неподвижностью, покоем («stillness»), а речь («speech») – с молчанием («silence»). Гармоничное равновесие противоположных начал болезненно нарушено: мы видим доминирование одного явления над другим. Непривилегированный член оппозиции («stillness», «silence») даже может исчезнуть из человеческого мира совсем: для него не находится места в цивилизации, зараженной материализмом и эгоизмом. И когда хор сетует на утрату подлинной жизни и мудрости в современном мире, он говорит именно о потерянной мудрости недвойственности³. А мотив удаления от Бога («bring us farther from God») – это, несомненно, отголосок представлений о низшей эманации в учении Плотина.

Итак, строительство храма должно начаться в том мире, который отвергает, изгоняет Бога. Но само строительство, уровень за уровнем, должно будет, по замыслу Элиота, стать той «лестницей», по которой человеческая душа сможет осуществить свое восхождение к Единому. Строительство не может начаться без закладывания краеугольного камня, и Элиот, обращаясь к христианской символике, вводит в текст драматической поэмы персонаж по имени Камень (The Rock):

The Rock. The Watcher. The Stranger.
He who has seen what has happened
And who sees what is to happen.
The Witness. The Critic. The Stranger.
The God-shaken, in whom is the truth inborn. (P. 148)

Текст Библии, христианская иконография указывают на то, что Камень – это Христос («Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мк 12:10)). Те определения, которые Элиот дает Христу («the Witness» – «свидетель», «the Watcher» – «наблюдатель»), подтверждают глубокий интерес этого автора к восточным учениям. В Упанишадах (напр., Шветашватара-упанишада) «свидетелем», «наблюдателем» именуется Атман, то есть высшее сознание, единое для всех людей, для всех живых существ. По сути, Атман означает высшее Я в древнеиндийских текстах, и мы полагаем, что Элиот, хорошо знакомый с древнеиндийской культурой, называет Христа «Свидетелем», отождествляя его с высшим сознанием, с Атманом Упанишад. Подобное отождествление возможно благодаря тому, что Иисус в Евангелиях сам постоянно говорил не от лица исторической личности, а от лица высшего Я, сопоставимого с древнеиндийским Атманом. Так, ключевые слова Христа «Я и Отец – одно»

(Ин 10:30) являются зеркальным отражением одного из ведийских «великих речений»: «Атман есть Брахман». Эта формула выражает тождество универсального субъективного (Атман) и объективного (Брахман) начал, и она в различных вариациях встречается во многих Упанишадах (напр., Брихадараньяка-упанишада I 4, 10; Тайттирия-упанишада I 5, 17 и др.). На трансперсональную, вселенскую самоидентификацию Христа указывают и такие его слова, как: «...прежде нежели был Авраам, Я Есмь» (Ин 8:58). В том же ключе понимает природу Христа и апостол Павел. Например, он рассуждает о «теле Христове» как обо всем тварном мире и об «уме Христове», который, подобно высшему сознанию Упанишад, является общим для живых существ (об этом дальше мы скажем подробнее).

Обращает на себя внимание и такая интересная деталь: при переводе десяти Упанишад на английский язык У. Б. Йейтс, ирландский поэт, крупнейший представитель высокого модернизма (наряду с Т. С. Элиотом, Эзрой Паундом и Дж. Джойсом), неоднократно использует слово «гок» («камень») в значении «высшее Я», «Атман». Приведем несколько примеров:

When man finds invisible, nameless, homeless, shapeless, invulnerable rock, he is no longer terrified [16: 72];
He who knows it stands on a rock; commands everything, enjoys everything... [16: 76];
All creatures have their root in that Being. He is their rock, their home [16: 91].

Перевод Йейтса был осуществлен в 1937 году, то есть незадолго до смерти. Это перевод, который, как мы полагаем, пытался сделать Упанишады более близкими для западного читателя. Возможно, на Йейтса даже в какой-то степени повлияло творчество Элиота. Во всяком случае, сам Йейтс упоминает Элиота в предисловии к своему переводу: «But now that “The Golden Bough” has made Christianity look modern and fragmentary we study Confucius with Ezra Pound, or like T. S. Eliot find in Christianity a convenient symbolism for some older or newer thought...» [16: 10]. Таким образом, Йейтс также полагал, что символический язык христианства для Элиота являлся возможностью раскрыть «более древнюю мысль», мысль Упанишад.

Постижение Атмана в своем сердце (адвайта веданта) сопоставимо с практикой пребывания в чистоте сознания в других восточных духовных учениях. В буддизме и даосизме центральным является представление об «уме-зеркале», такое качество сознания считается высшим достижением практикующего [13], [14]. Это сознание, которое очищено, с одной стороны, от аффектов, желаний, предпочтений, а с другой – от концепций, мнений и оценок, от дискурсивного мышления. Такое сознание наблюдает мир и себя, свидетельствует о реальности того, что есть⁴. Восточные духовные учения отрицают

возможность постижения истинной реальности рассудком, интеллектом. Реальность как целое находится вне любых конструктов ума, которые способны лишь раздробить это целое на фрагменты. Единственное, что можно сделать с реальностью, не искажая ее, – это свидетельствовать о ней. При этом «свидетель», «наблюдатель» осознает свое полное единство с реальностью, благодаря чему деконструируется бинарная оппозиция «субъект – объект». Можно сказать, что подобная духовная практика предполагает деконструкцию дуалистического мировидения как такового.

Элиот не только не отделяет учение Христа от древних восточных традиций, но считает Благоую Весть некой кульминацией в истории духовных практик мира. И, конечно, Элиот здесь далек от узкоортодоксального взгляда на тексты Нового Завета. Приведем конкретный пример того, как учение Христа может быть интерпретировано не в отрыве от древних традиций Востока, а в единстве с ними. Обращаясь к Пилату, Христос говорит: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине...» (Ин 18:37). Элиот не мог не видеть тут сходства с Атманом-«свидетелем» в древнеиндийских текстах. Христос говорит Пилату не о какой-то абстрактной «истине», которая может быть выражена в понятиях, сформулирована в словах (логоцентризм западной метафизики), а о самой реальности бытия (истина в высшем смысле) и о качестве сознания, подобного чистому зеркалу («сознание-свидетель»). Это свободное, открытое сознание воспринимает истину бытия, ни в чем не искажая ее. Из ранних последователей Христа апостол Павел сумел это понять лучше других, когда в своих посланиях сделал акцент на «уме Христове» (1 Кор 2:16). И мы полагаем, что Элиот видел «ум Христов» ап. Павла и «ум-зеркало» восточных учений как попытки выразить нечто единое на языке разных культур.

В том же ключе можно интерпретировать и другое определение, данное Христу в поэме, – «the Critic». Пребывая в совершенном состоянии сознания, в «уме-зеркале», Христос тем самым указывает людям на нехватку осознанности в их жизни, на их тотальную погруженность в бессознательное или в неочищенное, искаженное сознание, которое порабощает их. Критика Христа направлена на мышление, замкнутое на самом себе и изолированное от реальности, от истины бытия. Деконструируя подобный тип мышления, Христос, по мысли Элиота, являет собой другой путь, альтернативу, размыкающую и освобождающую сознание человека. Христос указывает людям на необходимость «возвращения домой» (в терминах неоплатонизма), то есть возвращения к истине-реальности (Ин 8:32: «...и познаете истину, и истина сделает вас свободными»).

В монологе Камня-Христа, предвещающем начало строительства, звучат слова, которые Элиот

специально выделяет курсивом: «I say to you: *Make perfect your will*». Но зачем было сделано это выделение, станет понятно позже. В 7-й части Элиот пишет:

Then came, at a predetermined moment, a moment in time and of time,

A moment not out of time, but in time, in what we call history: transecting, bisecting the world of time, a moment in time but not like a moment of time,

A moment in time but time was made through that moment: for without the meaning there is no time, and that moment of time gave the meaning. (P. 160)

Для Элиота таким «мгновением во времени», которое «рассекает время надвое», является приход в мир Христа и его учения. Элиот понимает это учение в соответствии с духом христианского мистицизма. Ап. Павел, величайший христианский мистик, говорил: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал 4:19). Итак, Христос должен «изобразиться» в строителях будущего храма в поэме Элиота для того, чтобы созидание могло быть осуществлено. И в 8-й части поэмы происходит это «изображение»: хор повторяет слова Христа-Камня из 1-й части, но уже от своего имени: «Let us therefore make perfect our will» (P. 163).

Смысл этих слов в том, чтобы полностью соединить свою волю с волей Бога и таким образом отказаться от своей воли как таковой («Да будет воля Твоя» (Мф 6:10); «Не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22:42)). Воля Бога – это пребывание всего сущего именно таким, каково оно есть («Я есмь Сущий» (Исход 3:14)). Отказ от своей воли означает осознание иллюзорности своего «я» («Отвергнись себя...» (Мф 16:24)), то есть осознание нелепости претензии на существование в качестве отдельной сущности. Благодаря этому осознанию человек входит как свидетель, наблюдатель в единство бытия, в реальность того, что есть («второе рождение»). И этот свидетель наблюдает не что иное, как свое единство с бытием («Я и Отец – одно» (Ин 10:30)). Это ядро учения Христа, которое, как мы уже отметили, имеет интересные параллели в даосизме, буддизме и других восточных учениях. Иными словами, это универсальная формула духовного совершенства.

И когда хор произносит вслед за Христом: «Let us therefore make perfect our will», он говорит от имени всех тех людей, которые осознали учение Христа во всей полноте. Именно о таких людях апостол Павел сказал, что они «имеют ум Христов» (1 Кор 2:16). Строителям будущего храма необходимо обрести «ум Христов» для того, чтобы этот храм человеческого духа был создан. Ап. Павел в своих посланиях призывает людей осознать, что они сами являются живым храмом (1 Кор 3: 16), и говорит: «...преобразуйтесь обновлением ума вашего...» (Рим 12: 2). Такое преобразование и происходит в финале 8-й части, что является переломным моментом в поэме.

Следующая (9-я) часть начинается со слов «Сын Человеческий» («Son of Man». P. 164), но это обращение не к личности Христа, а к каждому человеку, в котором «изобразился ум Христов». Такой человек готов к творчеству, которое мыслится Элиотом как сотворчество человека и Бога. Под этим творчеством понимается, прежде всего, освоение внутреннего пространства духа, которое символически представлено в тексте в образе возводимого храма. И краеугольным камнем храма является не сознание, пытающееся перестроить мир под себя, а «ум-зеркало», сознание-свидетель, «ум Христов», в отношении которого с миром оппозиция «субъект – объект» полностью снимается.

Данная часть поэмы, целиком посвященная теме творчества, является кульминационной. В акте творчества проявляются подобие и единство человека и Бога: «The Lord who created must wish us to create» (P. 165). Таким образом, и само творение мыслится Элиотом как незавершенное, вечно продолжающееся. И теперь человек – микрокосм, обладающий «совершенной волей», – входит в единство бытия как его неотъемлемая часть и продолжает творение, начатое Богом. В этой же части поэмы человек именуется местом встречи видимого и невидимого, тела и духа («...spirit and body. Visible and invisible, two worlds meet in Man». P. 165). Так Элиот подготавливает читателя к заключительной части своего произведения, лейтмотивом которой является мотив всеединства.

В 10-й части поэмы храм уже возведен. И вновь, как и в 1-й части, изображается макрокосм, содержащий в себе единство противоположностей. Эти противоположные начала (например, свет и тьма) снова переходят одно в другое в бесконечно повторяющихся циклах, поэтому можно сделать вывод о том, что данное произведение Элиота имеет кольцевую композицию. Однако существенное отличие финала поэмы от ее вступления – это включенность человека в макрокосм, его гармоничное единство со всей вселенной. Символом всеединства в данной части поэмы для Элиота становится Незримый Свет («Light Invisible». P. 166), который одновременно трансцендентен и имманентен по отношению ко всему сущему (ср. с Упанишадами, в которых Брахман описывается как находящийся одновременно внутри мира и вне его). Символика света также связывает текст Элиота с традицией неоплатонизма. Незримый Свет эманурует в видимый свет, который поэт еще называет «меньшим» и «маленьким светом» («our little light». P. 167).

С нашей точки зрения, главной художественной задачей Элиота при работе над текстом «Камня» была именно попытка объединения западных и восточных представлений о бытии, о месте человека во вселенной и о творчестве как о духовном делании, возвышающем человека

до состояния единства со всем сущим. Элиот сам прокомментировал свой подход к философско-религиозным традициям Запада и Востока следующим образом:

There are some readers who... regard Asiatic literature as the sole repository of religious understanding; there are others who... refuse to venture further than a narrow Christian tradition. For both kinds of reader, it is salutary to learn that the Truth... is not wholly confined to their own religious tradition, or on the other hand to an alien culture and religion... I am aware also that there are readers who persuade themselves that there is an 'essence' in all religions which is the same, and that this essence can be conveniently distilled and preserved... Such readers may perhaps be reminded that no man has ever climbed to the higher stages of the spiritual life, who has not been a believer in a particular religion or at least a particular philosophy... [12: 121].

Мы согласны с исследователями Дж. М. Перлом и Э. П. Такком, которые обращают внимание на многоголосье культурных традиций, на множественность точек зрения внутри них как на саму природу поэтического творчества Элиота:

For Eliot, that one standpoint was not a synthesis of all possible views but a complex interrelation of all actual views--of those perspectives which have occupied a significant place

in a cultural tradition. ... a long, rich cultural tradition is multivocal and replaces the concept of simple semantic meaning with notions of relationship, place, and contextual significance. ... For Eliot, truth is not formulable; culture is multivocal; and tradition is an ordering of many, often discordant truths, arrived at from a multitude of perspectives [12: 123–125].

Завершая анализ произведения «Choruses from *The Rock*», нельзя не заметить, что включенность человека в макрокосм, выражаемая через образ света, роднит произведение Элиота с «Божественной комедией» Данте, творчество которого основывалось на неоплатонизме. В финале «Божественной комедии» мистик видит духовным взором ослепительное сияние, Вечный Свет, а внутри него – образ человека. И мы полагаем, что данный образ также вдохновлял Элиота на протяжении его работы над текстом «Choruses from *The Rock*».

Различны ли у Элиота видимый свет и Свет Незримый? И да, и нет. Эти «да» и «нет» несут в себе всю полноту своей противоположности, образуя живое единство. В этом для Элиота состоит великая тайна духа, к постижению которой его приблизили восточные учения, неоплатонизм и христианский мистицизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Так, одним из важных мотивов в пьесе «Убийство в соборе» является мотив свидетельствования, который раскрывается в тексте благодаря хору. Например: “Some presage of an act / Which our eyes are compelled to witness, has forced our feet / Towards the cathedral. We are forced to bear witness.” (Цит. по: Элиот Т. С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. На рус. и англ. яз. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 238). Мотив свидетельствования, как мы увидим, играет не меньшую роль и в тексте «Choruses from *The Rock*». Другой центральный мотив, который объединяет эти два произведения, – это мотив гармоничного макрокосма, космологического единства, в котором разрешаются все дуалистические противоречия. В пьесе «Убийство в соборе» особенно показательной в этом смысле является песнь хора, обращенная к Богу, из финала произведения: «We praise Thee, O God, for Thy glory displayed in all the creatures of the earth, / In the snow, in the rain, in the wind, in the storm; in all of / Thy creatures, both the hunters and the hunted. / For all things exist only as seen by Thee, only as known by Thee, all things exist / Only in Thy light, and Thy glory is declared even in that which denies Thee; the darkness declares the glory of light» (Там же. С. 356). Точно так же, как и в тексте «Choruses from *The Rock*», в пьесе «Убийство в соборе» движение к этому абсолютному синтезу, отождествляемому со славой Божией, происходит через преодоление ужаса дизъюнкции, хаоса, богоотступничества.
- ² Eliot T. S. *The Complete Poems and Plays*. London: Faber & Faber, 2004. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Рассмотренный монолог хора из 1-й части «Choruses from *The Rock*» перекликается с известным фрагментом из заключительной части поэмы «Полые люди» (1925): «Between the idea / And the reality / Between the motion / And the act / Falls the Shadow / Between the conception / And the creation / Between the emotion / And the response / Falls the shadow...» (Цит. по: Элиот Т. С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. На рус. и англ. яз. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 144–146). В этом более раннем тексте речь также идет об утраченной мудрости недвойственности. Можно найти множество других примеров, подтверждающих, что Элиот возвращался к данной проблеме на протяжении всего творческого пути.
- ⁴ Из буддийского текста: «Что касается свойств субстанции пробужденного сознания, то... они подобны свойствам пустого пространства и сходны с чистым зеркалом» (Цит. по: Трактат о пробуждении веры в махаяну // Философия китайского буддизма. СПб.: Азбука, 2016. С. 73). Из даосского текста: «Еще скажем, что телом слит с великим единством. В великом единстве лишен собственного “я”... Наблюдающие за бытием – таковы благородные мужи древности; наблюдающий за небытием – таков друг природы» (Цит. по: Чжуанцзы. СПб.: Пальмира, 2017. С. 111).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аствацатуров А. А. Т. С. Элиот и его поэма «Бесплодная земля». СПб., 2000. 240 с.
2. Зверев А. М. Модернизм в литературе США. М., 1979. 320 с.
3. Татаринова Л. Н. Трансформация жанра средневековой мистерии в творчестве Т. С. Элиота [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zar-literature.ucoz.ru/publ/tatarinova_1_n/transformacija_zhanra_srednevekovoj_misterii_v_tvorchestve_t_s_eliota/4-1-0-92 (дата обращения 17.09.2017).
4. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика, 2007. 480 с.
5. Торчинов Е. А. Путь запредельного: Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Пальмира, 2017. 540 с.
6. Упанишад / Пер. предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. Т. 2. М.: Наука, 1991. 336 с.

7. Элиот Т. С. Назначение поэзии. М.: Совершенство, 1997. 350 с.
8. Bradley F. H. Appearance and reality: a metaphysical essay. London, 1916. 621 p.
9. Inge W. R. Christian mysticism. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/14596> (accessed 17.09.2017).
10. Inge W. R. Mysticism in religion. Available at: <https://archive.org/details/mysticisminrelig029411mbp> (accessed 17.09.2017).
11. Naugle D. The Intellectual and Religious Development of T.S. Eliot Reflected in Selected Readings of His Poetry. Available at: https://www3.dbu.edu/naugle/pdf/ts_eliot.pdf (accessed 19.09.2017).
12. Perl J. M., Tuck A. P. The Hidden Advantage of Tradition: On the Significance of T. S. Eliot's Indic Studies // Philosophy East & West. 1985. April. Vol. 35. No 2. P. 116–131.
13. Suzuki D. T. Essays in Zen Buddhism. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.104054> (accessed 19.09.2017).
14. Suzuki D. T. Manual of Zen Buddhism. Available at: http://spiritual-minds.com/easternreligions/zen/manual_zen.pdf (accessed 19.09.2017).
15. The new Cambridge companion to T. S. Eliot. Ed. by J. Harding. Cambridge University Press, 2016. 206 p.
16. The ten principal Upanishads. London: Faber & Faber, 1952. 159 p.

Dyachenko I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL FOUNDATION OF T. S. ELIOT'S “CHORUSES FROM *THE ROCK*”

The goal of this paper is to study T. S. Eliot's “Choruses from *The Rock*” from the perspective of those religious and philosophical traditions on which this text is based. This Eliot's text, which has been given little attention both in Russia and abroad, is the object of our research. Eliot effectively unites Western and Eastern spiritual traditions in “Choruses from *The Rock*”; therefore, this paper belongs to the realm of topical research. The biographical method allows the author to trace the development of Eliot's philosophical and religious views throughout his life. The historico-typological and comparative methods help to outline common grounds for Eastern and Western religious and philosophical teachings. To detect the elements of these teachings in Eliot's “Choruses from *The Rock*”, this text is analyzed in terms of structure and imagery. The evolution of the meaning in the text is defined as a movement from the disjunction of macrocosm and from microcosm to their absolute unity. The author comes to a conclusion that Eliot's intention in regard to “Choruses...” was to unify Western and Eastern concepts of being, to identify the place of a human in the universe, to approach human creative activity as a kind of spiritual practice, which elevates a human being to the state of oneness with all things in existence.

Key words: T. S. Eliot, “Choruses from *The Rock*”, Eastern religions, Neoplatonism, Christian mysticism, macrocosm, microcosm

REFERENCES

1. Astvatzaturov A. A. T. S. Eliot and his poem “Wasteland”. St. Petersburg, 2000. 240 p. (In Russ.)
2. Zverev A. M. Modernism in USA literature. Moscow, 1979. 320 p. (In Russ.)
3. Tatarinova L. N. Transformation of medieval genre of mystery-play in T. S. Eliot's work. Available at: http://zarliterature.ucoz.ru/publ/tatarinova_l_n/transformacija_zhanra_srednevekovoj_misterii_v_tvorchestve_t_s_eliota/4-1-0-92 (accessed 17.09.2017) (In Russ.)
4. Torchinov E. A. Ways of Eastern and Western philosophy: cognizing Other-worldly. St. Petersburg, 2007. 480 p. (In Russ.)
5. Torchinov E. A. Way of Other-worldly: World religions. Psychotechnics and transpersonal states. St. Petersburg, 2017. 540 p. (In Russ.)
6. Upanishads. Translation, introduction and commentary A. Ya. Syrkina. Vol. 2. Moscow, 1991. 336 p. (In Russ.)
7. Eliot T. S. Use of poetry. Moscow, 1997. 350 p. (In Russ.)
8. Bradley F. H. Appearance and reality: a metaphysical essay. London, 1916. 621 p.
9. Inge W. R. Christian mysticism. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/14596> (accessed 17.09.2017).
10. Inge W. R. Mysticism in religion. Available at: <https://archive.org/details/mysticisminrelig029411mbp> (accessed 17.09.2017).
11. Naugle D. The Intellectual and Religious Development of T. S. Eliot Reflected in Selected Readings of His Poetry. Available at: https://www3.dbu.edu/naugle/pdf/ts_eliot.pdf (accessed 19.09.2017).
12. Perl J. M., Tuck A. P. The Hidden Advantage of Tradition: On the Significance of T. S. Eliot's Indic Studies // Philosophy East & West. 1985. April. Vol. 35. No 2. P. 116–131.
13. Suzuki D. T. Essays in Zen Buddhism. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.104054> (accessed 19.09.2017).
14. Suzuki D. T. Manual of Zen Buddhism. Available at: http://spiritual-minds.com/easternreligions/zen/manual_zen.pdf (accessed 19.09.2017).
15. The new Cambridge companion to T. S. Eliot. Ed. by J. Harding. Cambridge University Press, 2016. 206 p.
16. The ten principal of Upanishads. London: Faber & Faber, 1952. 159 p.

Поступила в редакцию 08.12.2017

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ovzakh05@yandex.ru

БЕСТАКТНОСТЬ РЕДАКЦИИ, ИЛИ ДВА «ДНЕВНИКА» В «ГРАЖДАНИНЕ» 1870-х ГОДОВ*

Приступив в 1873 году к обязанностям редактора-издателя еженедельника «Гражданин», Достоевский в первом же январском номере ввел редакторскую рубрику «Дневник Писателя»; вскоре отдельные выпуски предстали «сочинением», которое было осознано новым жанром в русской и мировой литературе. В 1876–1877 годах произошла трансформация жанра: «Дневник Писателя» стал ежемесячным изданием, распространявшимся по подписке и поступавшим в розничную продажу. И рубрика в «Гражданине», и ежемесячные выпуски «Дневника» принесли Достоевскому популярность среди читателей, вызвали острую полемику критиков. В этом контексте, который был хорошо известен редакции и читателям «Гражданина», 22 ноября 1876 года появилась редакционная заметка В. Ф. Пуцковича, который объявил о новом журнальном проекте: с 1877 году свой «Дневник» собирался издавать В. П. Мещерский. Содержание объявления в существенных чертах воспроизводит концепцию жанра Достоевского. В статье предпринята попытка выяснить, что стоит за этой очевидной бестактностью редакции, сопоставляются концепции «Дневников» Достоевского и Мещерского, выявляются их отличительные особенности.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский, В. Ф. Пуцкович, «Гражданин», идея, концепция, жанр, дневник

В истории еженедельника «Гражданин» есть эпизод, который не получил должного разъяснения исследователей.

22 ноября 1876 года В. Ф. Пуцкович, в то время редактор-издатель «Гражданина», опубликовал редакционную заметку «О дневникѣ на 1877 годъ», в которой рассказал о планах редакции на будущий год. Ссылаясь на письмо основателя и ведущего автора еженедельника кн. В. П. Мещерского, он писал:

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы искали, и, увы! безуспѣшно такой формы хроники интересныхъ событій во всѣхъ областяхъ современной жизни, которая была бы въ одно и тоже время жива, интересна и, по возможности, полна.

Въ настоящее время мы можемъ сообщить читателямъ, что, кажется, благодаря нашему почтенному и талантливому публицисту кн. В. П. Мещерскому, мы форму такой хроники нашли.

Почтенный писатель предлагаетъ намъ, – и мы съ радостью это предложеніе приняли, – по возможности въ каждомъ № «Гражданина» 1877 года помѣщать свой *дневникъ*, аккуратно и просто веденный день за днем¹.

В. Ф. Пуцкович излагает замысел журналиста:

Ежедневно онъ будетъ записывать все интересное, слышанное, видѣнное и прочитанное имъ въ теченіе дня о событійхъ и лицахъ въ разныхъ сферахъ жизни, о политикѣ, внѣшней и внутренней, о новыхъ книгахъ, о предметахъ искусства, о газетахъ и журналахъ, русскихъ и иностранныхъ, о фактахъ, толкахъ и слухахъ и т. д., и такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи еженедѣльно давать нашимъ читателямъ возможность въ легкой и пріятной формѣ слѣдить за всѣми событійми въ Россіи и въ Европѣ, въ Петербургѣ и въ провинціи (1876. № 43. С. 1008–1009).

Редактор «Гражданина» был убежден:

Форма эта въ первый разъ появится въ нашей періодической литературѣ и мы надѣемся, что она окажется счастливою (1876. № 43. С. 1009).

Обосновывая актуальность «формы», редактор цитирует:

Если дневники и записки, пишетъ намъ князь В. Мещерскій, «эпохъ отдаленныхъ и лицъ давно забытыхъ, имѣютъ такой интересъ для читателей нашихъ изданій старины, то, думается мнѣ, что еще большій интересъ долженъ возбуждать въ читателяхъ дневникъ современника, печатающійся въ ту минуту, когда событія происходятъ» (Там же).

Пуцкович с энтузиазмом поддерживает предложение журналиста:

Разумѣется, отвѣтимъ мы князю, и пожелаемъ ему успѣха въ осуществленіи оригинальной и интересной задачи (Там же).

Объявление производит странное впечатление. Достоевский уже почти год издавал ежемесячно «Дневник Писателя». Его издание имело успех у читателей. Редакция «Гражданина» сочувственно откликнулась на выпуски «Дневника» Достоевского. Например, свое согласие с идеями Достоевского постоянно выражал А. У. Порецкий, автор рубрики «Заметки из текущей жизни» (см. «Гражданин» за 1876 год, № 6, 8, 17, 28–29 и т. д.). Сотрудники издания сочувственно цитировали «Дневник Писателя», держали сторону Достоевского в полемике с «Биржевыми новостями», «Неделей», «Голосом».

Почему «Гражданин» вызывающе проигнорировал «Дневник Писателя» Достоевского?

Приступая в 1876 году к изданию своего «Дневника», Достоевский ясно сознавал жанр и стал, по сути дела, его первым теоретиком: он раскрыл концепцию жанра в письмах, в беседах

с современниками и «Объявлении», опубликованном в «Голосе» (от 15.01, 23.01) и «Гражданине» (№ 1, 3). Представляя жанр читателям, он писал:

Это будет дневникъ въ буквальный смыслъ слова, отчетъ о дѣйствительно выжитыхъ въ каждый мѣсяць впечатлѣннѣхъ, отчетъ о видѣнномъ, слышанномъ и прочитанномъ. Сюда, конечно, могутъ войти рассказы и повѣсти, но преимущественно о событіяхъ дѣйствительныхъ².

Фраза в уведомлении Пуцковича выглядит почти как плагиат. У Достоевского «отчетъ о видѣнномъ, слышанномъ и прочитанномъ», у Пуцковича со слов Мещерского: «все интересное, слышанное, видѣнное и прочитанное».

В своем уведомлении Пуцкович, по сути дела, излагает концепцию «Дневника Писателя» Достоевского с некоторой модификацией жанра. У Достоевского «Дневник» – ежемесячное издание, в замысле Мещерского – еженедельник, «аккуратно и просто веденный день за днем».

Как и Достоевский, автор «Гражданина» собирался писать «Дневник» в легком фельетонном стиле: «давать нашимъ читателямъ возможность въ легкой и пріятной формѣ слѣдить за всѣми событіями въ Россіи и въ Европѣ, въ Петербургѣ и въ провинціи» (1876. № 43. С. 1009).

Внешне уведомление Пуцковича звучит бестактно по отношению к Достоевскому, который собирался продолжать издание «Дневника», о чем читателям было известно: начиная с октябрьского выпуска 1876 года Достоевский начал публиковать объявления о подписке на «Дневник Писателя» на 1877 год.

Забывать в то время о издательском проекте Достоевского было невозможно. В ноябре 1876 года автор «Дневника Писателя» и редакция «Гражданина» поддерживают постоянные контакты. Во вторник 9 ноября В. П. Мещерский уведомил Достоевского, что по случаю его отъезда в Москву до 17 ноября у него отменяются журфиксы [11: 55]. В этот же день Достоевский договаривается о встрече с А. У. Порецким в среду, 10 ноября, «от 8 до 9-ти часов пополудни»³. В ноябре Достоевский был поглощен работой над ноябрьским выпуском «Дневника», содержанием которого стал «фантастический рассказ» «Кроткая». Лишь в среду, 1 декабря, получено цензурное разрешение на его публикацию. В тот же день Мещерский напомнил автору «Дневника» о том, что «среды давно возобновились», а его «нет как нет!» [11: 56]. Также месяц спустя, в среду, 29 декабря, в день получения цензурного разрешения на декабрьский выпуск «Дневника Писателя», В. П. Мещерский снова зовет Достоевского «гадать на 1877 годъ и вздыхать про 1876й» [11: 56].

Несмотря на бестактность редакции, публикация «Гражданина» о «Дневнике» Мещерского на 1877 год не вызвала конфликта или обид со стороны Достоевского.

К этому времени у Достоевского и Мещерского была своя история личных и деловых отношений. С конца 1871 года они поддерживали дружеские отношения, сотрудничали, Достоевский посещал журфиксы издателя «Гражданина», участвовал в обсуждении редакционной политики издания,

статей и содержания номеров, в декабре 1872 года он взял на себя обязанности редактора-издателя «Гражданина», с января 1873 по апрель 1874 года редактировал издание, после прекращения редакторства продолжал участие в «средах» Мещерского, продолжил сотрудничество в издании⁴. О формах их сотрудничества после ухода Достоевского с поста редактора у исследователей пока нет достаточной ясности, но документально подтверждено редактирование им статей Т. И. Филиппова [2], [3: 13], [12: 10–11], который сам уговаривал Достоевского писать «вдвоемъ» («Я ужасно люблю такого рода вещи вдвоемъ писать»⁵), давно, еще в первом посмертном полном собрании сочинений писателя 1883 года, засвидетельствована принадлежность Достоевскому фельетона «Из дачных прогулок Кузьмы Пругкова и его друга. Тритон», опубликованного в «Гражданине» в 1878 году⁶.

Уже в середине 1860-х годов после неудачи «Времени» и краха «Эпохи» Достоевский задумал издательский проект под названием «Записная книга». Замысел был вариативен: предполагался не то двухнедельный журнал, не то газета, с подпиской или без подписки, с интенсивной периодичностью («по 6 печатных листовъ въ 2 недѣли» (или «6 листовъ въ мѣсяць»), включая параллельную публикацию романа в приложении⁷.

Во многом эта же идея была развита в романе «Бесы», в котором Елизавета Тушина обсуждает свой замысел с Шатовым:

Книга должна быть одна, даже не очень толстая – увѣряла она. Но положимъ хоть и толстая, но ясная, потому что главное въ планѣ и въ характерѣ представленія фактовъ. Конечно не все собирать и перепечатывать. Указы, дѣйствія правительства, мѣстные распоряженія, законы, все это хоть и слишкомъ важныя факты, но въ предполагаемомъ изданіи этого рода факты можно совсѣмъ выпустить. Можно многое выпустить и ограничиться лишь выборомъ происшествій болѣе или менѣе выражающихъ нравственную личную жизнь народа, личность Русскаго народа въ данный моментъ. Конечно все можетъ войти: курьезы, пожары, пожертвованія, всякія добрыя и дурныя дѣла, всякія слова и рѣчи, пожалуй даже извѣстія о разливахъ рѣкъ, пожалуй даже и нѣкоторые указы правительства, но изо всего выбирать только то что рисуеъ эпоху; все войдетъ съ извѣстнымъ взглядомъ, съ указаніемъ, съ намѣреніемъ, съ мыслию, освѣщающею все цѣлое, всю совокупность. И наконецъ, книга должна быть любопытна даже для легкаго чтенія, не говоря уже о томъ что необходима для справокъ. Это была бы такъ-сказать картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ⁸.

Этот эпизод опубликован в февральском номере журнала «Русский Вестник» за 1871 год. Еще до знакомства с В. П. Мещерским осенью этого года у Достоевского сложилась своя концепция жанра, которая вскоре была апробирована в «Гражданине» за 1873 год, реализована в ежемесячных изданиях «Дневника Писателя» за 1876–1877, 1880 и 1881 годы.

Изучению жанра «Дневника Писателя» посвящены многие работы, начиная с постановки проблемы соотношения публицистического и художественности в незавершенных заметках В. А. Сидорова⁹, решения этой проблемы в исследованиях 1960–1980-х годов [6], [7: 10–16], [8: 129, 166], [9: 159–321], [10], [14: 171–174, 190–208], [15: 26–27],

[16], [17], [18], [24], [25] и др.; обзор современных подходов к проблеме жанра «Дневника» см. [1].

Впервые концепция жанра была осуществлена Достоевским в январе 1873 года в еженедельнике «Гражданин». В декабрьских 1972 года набросках тем для будущего сочинения он называет свой замысел еще «Дневником Литератора», но вскоре появилось искомое – «Дневник Писателя». Концепция жанра выражена в названии, в котором заглавная буква имеет значение:

Достоевский не случайно назвал свое сочинение «Дневником Писателя». Он создал себя не просто писателем. Он придал своему ремеслу онтологический смысл. Он был не только сочинителем или романистом Достоевским – в «Дневнике» автор преобразился: он предстал перед читателем Писателем [13: 270].

В многообразии личных и публичных дневников жанр Достоевского уникален. Его содержанием является «новое слово», идея автора и идеи времени [15: 172, 173], жанровым принципом не описание событий и впечатлений, а их отбор и выбор: «Ключевой фигурой жанра стал Автор» [13: 169]. Вернемся к проекту Лизы Тушиной в «Бесах». Отобранные события должны выражать «нравственную личную жизнь народа, личность Русского народа в данный момент», их нужно отбирать «съ извѣстнымъ взглядомъ, съ указаниемъ, съ намѣреніемъ, съ мыслию, освѣщающую все цѣлое, всю совокупность», в результате должна сложиться «картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни»¹⁰. Несмотря на многообразие в структуре сочинения Достоевского нелитературных и литературных жанров, его «Дневник Писателя» мыслился как «цѣлое, книга, написанная однимъ перомъ»¹¹.

У Достоевского и Мещерского было разное понимание жанра.

Дневниковый жанр был хорошо знаком Мещерскому. У него было несколько его модификаций. В 1860-е годы он писал и публиковал свои отчеты в форме дневника, в воспитательных целях задавал писание дневников наследникам престола – сначала рано умершему Великому князю Николаю, затем Великому князю Александру, бу-

дущему Александру III, писал ему отчеты в форме дневника, вел рукописные дневники, в 1880-е печатал ежесюжетные «Дневники», сделал дневник формой передовых статей в возобновленном «Гражданине».

Подобострастные и утрированные В. Ф. Пуцковичем оценки проекта В. П. Мещерского неуважительны по отношению к Достоевскому. Пуцкович приписал открытие жанра Мещерскому. Достоевский видимо и, возможно, намеренно не обратил внимание на эту бестактность товарища. Он был заинтересован в развитии направления, которое поддерживал и проповедовал, которому вместе с ним принадлежали Пуцкович и Мещерский.

Высказанную в редакционной заметке «Гражданина» идею жанра Мещерский не реализовал в 1877 году. Возможно, этому обязательству препятствовали личные и политические обстоятельства. В. П. Мещерский был вовлечен в Балканский кризис, обострение которого привело к объявлению Русско-турецкой войны 1876–1877 годов. Статьи князя в «Гражданине» вызвали цензурные взыскания: в 1876 году журнал был дважды приостановлен на один и два месяца. Нужны были осмотрительность и осторожность, которых Мещерскому не хватало. Значительная свобода суждений у Мещерского появилась с восшествием на престол его воспитанника Александра III. Именно тогда задуманный Мещерским «Дневник» был осуществлен как жанр. С марта 1881 года составляется и выходят его ежесюжетные выпуски¹². Несмотря на то что Мещерский был увлечен «Дневником Писателя» Достоевского и пытался воспроизвести сходные жанровые установки, в литературе и журналистике он не был ни последователем, ни соперником его. Дневники Мещерского традиционны. Это подневная запись событий и рефлексия по их поводу. Как и его обозрения и передовые статьи, они заурядны, описательны, в них отсутствует «градус» и «тайна поэзии», есть прокламация идей, но нет их конфликта и борьбы, нет *диалога идей*. То, что отсутствовало у Мещерского, составляло жанровую сущность «Дневника Писателя», который и был открытием Достоевского.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук), проект «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)» (№ 17–04–00619).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О дневникѣ на 1877 годъ // Гражданинъ. 1876. 22 ноября. № 43. С. 1008. Здесь и далее тексты из газеты-журнала «Гражданин» цит. по изданию: Гражданинъ: Газета-журналъ политической и литературной. Годъ пятый. СПб., 1876. В круглых скобках указываются год, номер и страницы.

² [Объявление] // Голось. 1876. № 15. 15 января. С. 6; [Объявление] // Голось. 1876. № 23. 23 января; Объявление // Гражданин. 1876. № 1. С. 30.

³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 18 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 16.1. С. 334.

⁴ На этот счет имеется обширная научная литература [2], [3], [4], [5], [19], [20], [21], [22], [23], [26], [27], [28], [29], [30] и др.

⁵ Филиппов Т. И. Письмо Ф. М. Достоевскому от 24 апреля 1873 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philolog.retsu.ru/fmdost/letters.htm> (дата обращения 12.10.2017).

⁶ Гражданин. 1878. 10 октября. № 23–25. С. 495–496.

⁷ РГАЛИ. 212.1.3. С. 23–44.

⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: канонические тексты. Т. 9. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 126–127.

⁹ Сидоров В. А. О «Дневнике писателя» // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М., 1924. Сб. 2. С. 109–116.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: канонические тексты. Т. 9. С. 127.

¹¹ [Объявление] // Голось. 1876. № 15. 15 января. С. 6; [Объявление] // Голось. 1876. № 23. 23 января др.

¹² См., например: Мещерский В. П. Дневник. 1881. Март. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1881–[1901]. 302 с.; Мещерский В. П. Дневник. 1881. Апрель. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1881–[1901]. 171 с.; Мещерский В. П. Дневник. 1881. Май. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1881–[1901]. 160 с.; и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в фокусе современных интерпретаций // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 2 (28). С. 128–137.
2. Викторovich В. А. Достоевский в Обществе любителей духовного просвещения // Достоевский и мировая культура: Альманах № 20. СПб.; М., 2004. С. 16–18.
3. Викторovich В. А. Достоевский. Коллективное. «Гражданин» как творчество редактора // Неизвестный Достоевский. 2015. Т. 2. № 4. С. 11–20. DOI: 10.15393/j10.art.2015.2502 (In Russ.)
4. Викторovich В. А. Достоевский и В. П. Мещерский // Русская литература. 1988. № 1. С. 210–211.
5. Викторovich В. А. Мещерский Владимир Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред.: П. А. Николаев. М., 1999. С. 44–46.
6. Волгин И. Л. Достоевский-журналист: «Дневник писателя» и русская общественность. М.: МГУ, 1982. 75 с.
7. Габдуллина В. И. Литературно-критический дискурс в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского: Монография. Барнаул: АлтГПА, 2013. 171 с.
8. Гришин Д. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского. Мельбурн: Русское отделение Мельбурнского университета, 1966. 270 с.
9. Гришин Д. В. Достоевский – человек, писатель и мифы. Мельбурн: Мельбурнский университет, 1971. 369 с.
10. Гришин Д. В. К столетию «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского. 1873–1973. Мельбурн: Мельбурнский университет, 1973. 45 с.
11. Достоевский Ф. М., Мещерский В. П. Переписка (1872–1880) / Подготовка текста Е. Н. Вяль, В. С. Зинковой // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 35–58. DOI: 10.15393/j10.art.2017.3081.
12. Захаров В. Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 3–17. DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083.
13. Захаров В. Н. Поэтика парадокса в «Дневнике Писателя» Достоевского // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / Под ред. Катиан Кроо, Тюнде Сабо и Гезы Ш. Хорвата. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. (Dostoevsky monographs. Вып. 2). С. 269–280.
14. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 208 с.
15. Захаров В. Н. Типология жанров Достоевского // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1983. С. 17–27.
16. Захарова Т. В. «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление и идейно-художественная целостность // Творчество Ф. М. Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 112–127.
17. Захарова Т. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского как художественно-документальное произведение // О художественно-документальной литературе. Иваново: Иван. гос. пед. ин-т, 1972. С. 89–110.
18. Захарова Т. В. К вопросу о жанровой природе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского // Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII–XIX вв. Л.: Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, 1974. С. 163–177.
19. Зохран И. Об одном интертексте в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 5. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 424–441. DOI: 10.15393/j9.art.1998.2536.
20. Зохран И. Попытка установления вклада Достоевского в редактирование статей сотрудников газеты-журнала «Гражданин» с учетом цензуры того времени. Постановка проблемы // Достоевский и журнализм / Под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб., 2013. (Dostoevsky Monographs. Вып. 4). С. 164–169.
21. Зохран И. Редакторская деятельность Ф. М. Достоевского в журнале «Гражданин» и религиозно-нравственный контекст «Братьев Карамазовых» // Русская литература. 1996. № 3. С. 55–77.
22. Отливанчик А. В. Ф. М. Достоевский и журнал «Гражданин» в 1870-е гг.: по страницам воспоминаний современников // Журналистика–2007: надзённые проблемы. Перспективы: Матерьялы 9-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Вып. 9. Мінск, 2007. С. 285–288.
23. Отливанчик А. В. Достоевский и журнал «Гражданин» в 1873–74 гг.: эпистолярные источники по теме // Достоевский и современность: Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года. Великий Новгород, 2008. С. 171–176.
24. Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста: Монография. М.: Квадрига: МБА, 2011. 392 с.
25. Туниманов В. А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Ф. М. Достоевский – художник и мыслитель: [Сб. ст.]. М.: Худож. лит., 1972. С. 165–209.
26. Zohrab I. Dostoevsky's Editorship of Meshchersky's *The Citizen (Grazhdanin)*: Issues Nos 1 to 16, 1874. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (with Emphasis on Material Relating to the Russian Conquest of Khiva and Relations with England). Part 3. *New Zealand Slavonic Journal*, 40. Christchurch, Canterbury University, 2006. P. 162–219.
27. Zohrab I. Dostoevsky's Editorship of Meshchersky's *The Citizen (Grazhdanin)*: Issues Nos 31 to 52, 1873. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (with Emphasis on Material Relating to Religion and the Church). Part 2. *New Zealand Slavonic Journal*, 39. Christchurch, Canterbury University, 2005. P. 216–260.
28. Zohrab I. Dostoevsky and Meshchersky. *Australian Slavonic and East European Studies*. 1998. 12 (1). P. 115–134.
29. Zohrab I. F. M. Dostoevsky as editor of *Grazhdanin*. *AULLA XXI Proceedings and Papers*. Massey University, 1982. P. 392–395.
30. Zohrab I. Dostoevskii as editor of "The Citizen": New Materials. *Polyfunktion und Metaparodie*. Dresden, Dresden University Press, 1997. P. 241–270. (2nd Edition. 1998. P. 211–237).

Zakharova O. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INCORRECT FORMULATION OR TWO “DIARIES” IN “CITIZENS” OF 1870s

When F. M. Dostoevsky took up the position of the editor-in-chief and the publisher of the weekly journal “The Citizen” (“Grazhdanin”) in 1873, he added a new editorial section “A Writer’s Diary” into the very first January issue. Shortly after that the selected issues were singled out as a separate “written work” that was perceived as a new genre in the Russian and world literature.

In 1876–1877 a transformation of the genre took place: “A Writer’s Diary” became a monthly publication distributed by subscription and retail sales. Both the section in the “Grazhdanin” and the monthly issues of the “Diary” made Dostoevsky popular among the readers and generated bitter disputes among critics. In this context (which the members of the editorial board and readers of “The Citizen” knew well) an editorial note by V. F. Putsykovich appeared on November 22, 1876. He announced a new journal project starting in 1877: V. P. Meshchersky was going to publish his “Diary”. The content of the announcement represents some essential points of Dostoevsky’s conception of the genre. The article attempts to reveal the causes of the evident indiscretion exerted by the editorial board. The author compares the conceptions of the “Diaries” by Dostoevsky and Meshchersky and determines their salient features.

Key words: F. M. Dostoevsky, V. P. Meshchersky, V. F. Putsykovich, “Citizen”, an idea, a concept, a genre, the diary

REFERENCE

1. Borisova V. V. “A Writer’s Diary” of F. M. Dostoevsky in the focus of modern interpretations. *Ideas and ideals*. 2016. Vol. 1. No 2 (28). P. 128–137. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Dostoevsky in the Society of lovers of spiritual enlightenment. *Dostoevsky and world culture*. No 20. St. Petersburg, Moscow, 2004. P. 16–18. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. Dostoevsky. Collective. “Citizen” as a creative editor. *The Unknown Dostoevsky*. 2015. Vol. 2. No 4. P. 11–20. DOI: 10.15393/j10.art.2015.2502 (In Russ.)
4. Viktorovich V. A. Dostoevsky and V. P. Meshchersky. *Russkaya Literatura*. 1988. No 1. P. 210–211. (In Russ.)
5. Viktorovich V. A. Meshchersky, Vladimir Petrovich. *Russian writers, 1800–1917: Biographical dictionary*. Moscow, 1999. Vol. 4. P. 44–46. (In Russ.)
6. Volgin I. L. Dostoevsky as a journalist: “A Writer’s Diary” and Russian society. Moscow, MGU Publ., 1982. 75 p. (In Russ.)
7. Gabdullina V. I. Literary-critical discourse in “A Writer’s Diary” by F. M. Dostoevsky: A monograph. Barnaul, AltGPA Publ., 2013. 171 p. (In Russ.)
8. Grishin D. V. “A Writer’s Diary” by F. M. Dostoevsky. Melburn, Russkoe otdelenie Mel’burnskogo universiteta Publ., 1966. 270 p. (In Russ.)
9. Grishin D. V. Dostoevsky as a man, a writer and myths. Melburn, Russkoe otdelenie Mel’burnskogo universiteta, 1971. 369 p. (In Russ.)
10. Grishin D. V. The centenary “A Writer’s Diary” by F. M. Dostoevsky 1873–1973. Melburn, Mel’burnskiy universitet Publ., 1973. 45 p. (In Russ.)
11. Dostoevsky F. M., V. P. Meshchersky Correspondence (1872–1880). *The Unknown Dostoevsky*. 2017. No 1. P. 35–58. DOI: 10.15393/j10.art.2017.3081 (In Russ.)
12. Zakharov V. N. The status of editorial articles in publications of Dostoevsky. *The Unknown Dostoevsky*. 2017. No 1. P. 3–17. DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083 (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The poetics of the paradox in “A Writer’s Diary” by Dostoevsky. *Aspects of Dostoevsky’s poetics in the context of literary-cultural dialogues*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2011. (Dostoevsky monographs. Issue 2). P. 269–280. (In Russ.)
14. Zakharov V. N. The system of genres of Dostoevsky. Typology and poetics. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
15. Zakharov V. N. Typology of genres of Dostoevsky. *Genre and composition of a literary work*. Petrozavodsk, 1983. P. 17–27. (In Russ.)
16. Zakharova T. V. “A Writer’s Diary” as an original genre phenomenon and the ideological and artistic integrity. *The Works of F. M. Dostoevsky: the Art of synthesis*. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 1991. P. 112–127. (In Russ.)
17. Zakharova T. V. “A Writer’s Diary” by F. M. Dostoevsky as a fiction and documentary work. *About fiction and documentary literature*. Ivanovo, Ivanovo State Pedagogical Institute Publ., 1972. P. 89–110. (In Russ.)
18. Zakharova T. V. To the issue of genre and nature of “A Writer’s Diary” by F. Dostoevsky. *Genre innovation of Russian literature of the end of the 18th–19th centuries*. Leningrad, 1974. P. 163–177. (In Russ.)
19. Zohrab I. The study of one intertext in Fyodor Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov”. *The Problems of Historical Poetics: The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre*. Petrozavodsk, Petrozavodsk University Press, 1998. Issue 5. P. 424–441. DOI: 10.15393/j9.art.1998.2536 (In Russ.)
20. Zohrab I. The attempt to establish the contribution of Dostoevsky to edit the articles of the staff of the newspaper-magazine “Citizen”, a subject to the censorship of the time. Statement of the problem. *Dostoevsky and journalism*. St. Petersburg, 2013. (Dostoevsky Monographs. Issue 4). P. 164–169. (In Russ.)
21. Zohrab I. Editorial activities of F. M. Dostoevsky in the magazine “Citizen” and religious and moral context of “The Brothers Karamazov”. *Russkaya Literatura*. 1996. No 3. P. 55–77. (In Russ.)
22. Otlivanchik A. V. Dostoevsky and the magazine “Citizen” in the 1870s: the memoirs of contemporaries. *Журналистика – 2007: надзённые проблемы. Перспективы: Матэрыялы 9-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Вып. 9*. Мінск, 2007. С. 285–288.
23. Otlivanchik A. V. Dostoevsky and the magazine “Citizen” in 1873–74: epistolary sources on the subject. *Dostoevsky and modernity. Materials of XXII International Staraya Russa readings 2007*. Veliky Novgorod, 2008. P. 171–176. (In Russ.)
24. Tarasova N. A. “A Writer’s Diary” by F. Dostoevsky (1876–1877): textual criticism: Monograph. Moscow, Kvadriga, MBA Publ., 2011. 392 p. (In Russ.)
25. Tunizhanov V. A. Journalism by Dostoevsky. “A Writer’s Diary”. *F. M. Dostoevsky as an artist and thinker*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. P. 165–209. (In Russ.)
26. Zohrab I. Dostoevsky’s Editorship of Meshchersky’s *The Citizen (Grazhdanin)*: Issues Nos 1 to 16, 1874. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (with Emphasis on Material Relating to the Russian Conquest of Khiva and Relations with England). Part 3. *New Zealand Slavonic Journal*, 40. Christchurch, Canterbury University, 2006. P. 162–219.
27. Zohrab I. Dostoevsky’s Editorship of Meshchersky’s *The Citizen (Grazhdanin)*: Issues Nos 31 to 52, 1873. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (with Emphasis on Material Relating to Religion and the Church). Part 2. *New Zealand Slavonic Journal*, 39. Christchurch, Canterbury University, 2005. P. 216–260.
28. Zohrab I. Dostoevsky and Meshchersky. *Australian Slavonic and East European Studies*. 1998. 12 (1). P. 115–134.
29. Zohrab I. F. M. Dostoevsky as the editor of *Grazhdanin*. *AULLA XXI Proceedings and Papers*. Massey University, 1982. P. 392–395.
30. Zohrab I. Dostoevskii as the editor of “The Citizen”: New Materials. *Polyfunktion und Metaparodie*. Dresden, Dresden University Press, 1997. P. 241–270. (2nd Edition. 1998. P. 211–237).

Поступила в редакцию 19.10.2017

АЛЕВТИНА ВАСИЛЬЕВНА КАМИТОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (Ижевск, Российская Федерация)
akamitova@mail.ru

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются первые литературные памятники на удмуртском языке, созданные во времена царствования Екатерины II, Павла I и Александра I, в контексте формирования единого российского духовного пространства и государственных мероприятий. Их написание на шкале хронологического времени относится к последней трети XVIII – первой половине XIX века. Целью исследования является составление объективного представления о начальных этапах формирования удмуртской словесности, определение роли литературных памятников в этом процессе и «процедуре» обретения народом национальной идентичности. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: сравнительно-сопоставительный анализ стихотворных и прозаических произведений панегирического содержания на удмуртском языке с аналогичными текстами, написанными на языках поволжских народов; выявление используемых авторами приемов поэтики и стихосложения. Новизна работы состоит в привлечении к исследованию малоизученных текстов последней трети XVIII – первой половины XIX века. Литературные произведения, сочиненные учениками Казанской новокрещенской школы и духовной академии, рассматриваются с учетом общероссийских историко-культурных процессов. Небольшие по объему тексты на удмуртском языке расцениваются как «стартовая площадка» в деле совершенствования складывающихся письменно-литературных норм удмуртского языка, развития художественно-выразительных возможностей и как необходимый «фундамент» для последующих литературных опытов.

Ключевые слова: литературный памятник, удмуртский язык, литературные посвящения, жанр, русская литература, перевод

Появление первых памятников письменности и литературы на удмуртском языке было обусловлено историко-культурными и социально-политическими событиями. Они были созданы в то время, когда в стране был запущен механизм созидания единого духовного пространства, когда народы Урало-Поволжского региона находились в процессе вхождения в топос русской культуры и «превращения» в неотъемлемую часть Российского государства.

Самыми древними письменными памятниками, созданными на языках финно-угорских народов, являются тексты на венгерском, древнепермском, финском и эстонском [1: 18], [11: 24]. Первые литературные сочинения на языках народов Поволжья, созданные во времена царствования Екатерины II, Павла I и Александра I, напрямую были связаны с внедрением просветительских идей среди «иногородцев». В деле их реализации учебные заведения были одним из «удобных» каналов. Благодаря широко развернувшимся в школах и семинариях XVIII – начала XX века просветительским программам были достигнуты продуктивные результаты в области литературного сочинительства. В этот период учениками Нижегородской духовной семинарии (1721), Казанской новокрещенской школы и духовной академии (1723)¹ были созданы стихотворные и прозаические произведения пане-

гирического содержания. В хронологическом аспекте они являются одними из наиболее ранних опубликованных памятников письменности и литературных памятников на языках народов Поволжья. Семинаристами были подготовлены тексты на тех языках, которые, вероятнее всего, преподавались в их учебных заведениях: латинском, греческом, немецком, французском, калмыцком, татарском, удмуртском, мордовском, чувашском, марийском².

Произведения, написанные на заказ, по случаю каких-либо торжественных событий, предназначались для чтения во время встреч с высокопоставленными лицами. Тексты на удмуртском языке были сочинены семинаристами Казанской новокрещенской школы и духовной академии. Существование в академии риторического и пиитического классов положительно сказалось на филологической подготовке учеников и развитии их гуманитарных данных. В академии «был обычай приносить от лица академии своему преосвященному поздравления в великие господские праздники и особенно в дни тезоименитств архиереев. Задолго до праздника Рождества, или Воскресения Христова, или именин архиерейских принимались заботы о приготовлении стихов и речей на всех языках, какие преподавались в академии. Поздравления произносились наставниками и вместе с учениками не в прозе,

а преимущественно в стихах, которые переписывались аккуратно, переплетались в папку с золотым обрезом и представлялись преосвященным»³.

На сегодняшний день известны следующие тексты, сочиненные удмуртскими учениками: четверостишие в честь Екатерины II (1767), стихотворение в десять строк, написанное в честь открытия Казанского наместничества (1781), и торжественная речь по случаю коронации Александра I (1801). Перечисленные стихотворения стали доступны широкому кругу читателей благодаря публикациям Н. И. Ильминского и Д. А. Корсакова⁴, которые послужили отправной точкой для последующих исследовательских опытов. Памятники письменности и литературы становятся объектом полноценного научного рассмотрения отечественных и зарубежных ученых во второй половине XX века. Т. И. Тепляшиной, П. Домокошем, В. М. Ванюшевым предпринята смысловая реконструкция текстов, проведен лингвистический (определение диалектной принадлежности и описание некоторых особенностей графики) и литературоведческий (с точки зрения формы, содержания, ритма и рифмы) анализ стихотворений [3], [5: 170–173], [11: 225–229]. О существовании прозаического сочинения первым упомянул исследователь мордовских языков А. П. Феоктистов [14: 64], а сам текст торжественной речи не так давно был введен в научный оборот В. С. Чураковым [15: 374]. Все исследователи сходятся во мнении о том, что рассматриваемые памятники XVIII – начала XIX века являются первыми попытками литературного творчества неизвестных авторов на удмуртском языке. Имеющиеся в них особенности и «несовершенства» ученые объясняют объективными историкокультурными факторами.

Стихи на языках поволжских народов (марийском, чувашском, удмуртском, мордовском и татарском), созданные учениками-инородцами в связи с посещением Екатериной II 26 мая 1767 года Казанской новокрещенской школы, были опубликованы в коллективном сборнике «Духовная церемония...» (1769). Как известно, императрица сыграла определяющую роль в судьбе новокрещенских школ. Она собственноручно подписала документы о сохранении этих школ в ответ на возбужденный в 1764 году Сенатом и Синодом вопрос об их расформировании. Во время пребывания в Казани Екатерина II соизволила почтить учеников школ своим вниманием. 30-го числа ее встретили воспитанники, одетые в белое платье и держащие в руках лавровые ветви, пением канта; в самом здании царицу чествовали стихами и речами⁵. В знак благодарности воспитанники в присутствии императрицы продекламировали свои сочинения, написанные на родных языках. Приводим стих и на удмуртском языке, вошедший в сборник «Духовная церемония...»⁶:

Ма эзь съоты выщякъ ишизнатонъ милы
Лэстись ма ибыртамъ бадчимъ ми инмарлы
Солы теныдь тау муми тнамъ верасько
Уно улны теныдь инмаръ съотъ курьсько⁷.

Н. И. Ильминский предлагает следующий вариант его прочтения для русскоязычного читателя в прозаическом исполнении: *«Все, что ты дала нам заблудшим, сделало то, что мы поклонились великому Богу; за это тебе благодарность, мать наша, говорим. Долго жить тебе Бог дай, просим»*⁸. Исследователь Т. И. Тепляшина удмуртский текст переводит следующим образом:

Что дано (нам), целиком безвозмездно (?) ты для нас
Создала, за что поклонимся великому богу,
Поэтому тебе спасибо, матушка моя, говорю,
Много жить тебе бог дай прошу [11: 225].

Приветственное слово Екатерине II на удмуртском языке представляет собой рифмованное четверостишие, автор которого на сегодняшний день не установлен. Произведение организовано в соответствии с требованиями построения стихотворной речи, что свидетельствует о поэтическом мастерстве составителя. Одновременно оформление текста в виде строфической организации было новационным приемом для удмуртской словесности данной эпохи. Стих состоит из двенадцати слогов и скреплен парными рифмами в двустишии.

В приветственных стихах на марийском, чувашском, удмуртском, мордовском и татарском языках обнаруживаются различия и сходства относительно формы и содержания. Обращает на себя внимание принцип строфической организации стихов. Так, тексты «По черемиски» и «По вотски» написаны четверостишием, отличие составляет графическое оформление. Текст «По чувашски»⁹ опирается на шестистиховую композицию строфы, написан в форме александрийского стиха – из шести шестистопных ямбических строк [8: 99]. Стихи на удмуртском и чувашском языках выделяются графическим оформлением в виде увеличенного абзачного отступа четной строфы. Марийский вариант текста построен на принципе симметрии с соблюдением канонической формы стихотворения. В графическом оформлении все строки параллельны друг другу. Для марийского сочинения характерно словесное единоначатие¹⁰. В начале трех стихотворных строк повторяется одно и то же словосочетание, а в последней строке наблюдается повторение созвучия. Приветствия «По мордовски»¹¹ и «По татарски» представляют собой прозаический текст, содержание которого, судя по переводам, созвучно предыдущим произведениям. Эти образцы А. П. Феоктистов квалифицирует как «стихи в прозе» [14: 174].

Современные исследователи сходятся во мнении, что для рассматриваемых текстов, написанных в XVIII веке на языках народов Поволжья,

характерны скудный образный язык, несогласованность слов, целый набор ошибочных написаний, недостаток знаков препинания [4: 182], [8: 99], [14: 176]. По наблюдениям Н. И. Ильминского, в печатный вариант «инородческих» текстов вкралось много опечаток и искажений, поскольку над изданием работали люди, не знавшие язык «инородцев», а удмуртское четырехстишие «страдает нескладностью» и допускает мысль о том, что «не был ли в школе вместо настоящего вотяка русский мальчик, долго живший между вотяками, но не вполне усвоивший инородческий склад речи»¹². Точного ответа, наверное, не найти. Но неоспоримо и ценно то, что стихотворение, посвященное Екатерине II, является одним из первых оригинальных поэтических текстов, написанных на удмуртском языке. Т. И. Тепляшина называет этот текст «первым памятником удмуртской стихотворной речи» [11: 225].

Стихи учеников Казанской новокрещенской школы представляют определенную сложность с точки зрения жанровой идентификации. Несмотря на существующие в национальной исследовательской практике различные жанровые определения данных сочинений, все исследователи обращают внимание на их панегирический характер повествования. Так, например, в приветствии на чувашском языке одни исследователи прослеживают параллель с чувашским молитвословием (*кѣлѣ сѣмахѣсем*)¹³ [10: 46], [13: 9], другие причисляют стихотворение к жанру панегирика, написанного обычным для того времени высокопарным стилем¹⁴. Нельзя не заметить и отрицать сходство всех вышеперечисленных стихов с молитвой. В свою очередь, обращает на себя внимание близость всех сочинений с выраженным в них пафосом, гиперболизацией и устоявшимися формулами, соответствующими хвалебной риторике (выражение жеста уважения, признательности). На основе фактического материала и эмпирических наблюдений можно добавить, что тексты на марийском, чувашском, удмуртском, мордовском языках написаны в жанре литературных посвящений или дедикаций панегирического характера. Подтверждением тому является и надпись, следующая за текстами разноязычных сочинений: «При сѣм в знак достодолжной благодарности ее Императорскому Величеству поднесена дедикация с такою надписью», в которой говорится о том, что «рифмом сложенный <...> великой Государыне Екатерине Алексеевне Императрице и Самодержице Всероссийской, от всеподданнейших рабов Казанских новокрещенских школ из разных народов собранных учеников, в знак достодолжного благодарения поднесенный»¹⁵.

Другое стихотворение на удмуртском языке («Укъ шетгыскы таче зецъ потонъ шумесь...» – «Не нахожу такой доброй радости...») было написано по случаю открытия Казанского наместничества в 1781 году и опубликовано Н. И. Новиковым в 1782 году в сборнике панеги-

рического содержания под названием «Сочинения в прозе и стихах...»¹⁶. Открытие Казанского наместничества проходило в духе литературно-музыкального вечера: «По окончании открытия Казанского наместничества <...> назначено было 26 декабря 1781 года от <...> митрополита Казанского и Свияжского учинить в память сего происшествия торжество в семинарии. После открытия собрания ректором речью на русском языке следовал кант при музыке. Затем следовали пространные от двух студентов речи <...>. После чего читана ода; за сим говорены были юношеством <...> краткие речи в прозе и стихах на разных языках, т. е. на греческом, латинском, немецком, татарском, чувашском, черемисском, мордовском, вятском и калмыцком, коих содержание изъяснено тогда же было другими учениками порознь на российском языке при игрании в перемене оных речей симфоний. Наконец <...> префект заключил речью благодарность к собранию и поздравление о благополучном сего знаменитого происшествия окончании. В заключение сего пет был другой кант при музыкальных орудиях, а между тем <...> митрополит пригласил все собрание в свои покои <...> и притом петы и играны были нарочно сочиненные канты и концерты; и тем день сей кончился» [14: 176–177].

Вошедшие в «Сочинения в прозе и стихах...» поэтические строки на языках народов Поволжья были созданы казанскими семинаристами. К каждому тексту приложены русские переводы. «Речь по татарски» имеет визуальный облик прозаического текста; «Стихи вятские», «Стихи мордовские», «Стихи чувашские» и «Стихи черемисские» графически разбиты на строки. Все произведения вновь объединены образом Екатерины II.

Вариант на удмуртском языке в «Сборнике...» Д. А. Корсакова представляет собой десятистрочное стихотворение:

Укъ шетгыскы таче зецъ потонъ шумесь
Тасяно виль даурьшумъ потысесь
Кутъдырьями уань даженыхъ воз(ь)матыс(ь)комъ
Инмарь ужесь милямъ Эсей анайлысь ужьяськомъ
Возматыслысь милемлы шонеръ Терезъ
Алемъ воцякъ адамлысь кшандыресъ
Кудысь понна митаче шумъ адзиса
Въ есяс(ь)комъ инмарлы
Сомедъ та солысь али потысь ужесь юньматтыса
Ми понна сое воз(ь)матось зецлы¹⁷.

Анализ данного текста позволяет говорить о том, что его автор обладал поэтической техникой: первые шесть строк построены с учетом смежной рифмовки, а последние четыре строки – перекрестной. Авторы других текстов также владели азами стихосложения. Шестистрочные «стихи» на мокша-мордовском языке, по наблюдениям А. П. Феоктистова, написаны «без соблюдения размера, но в них обнаруживаются явные следы рифмовки. Так, конец первой строки рифмован с концом третьей: пякъ – анцякъ; вторая строка связана с четвертой парой: ванизьминъ –

видинь; и пятая строка с шестой: атыма – лама» [14: 177]. Рифмовка первых шести строк стихотворения на чувашском языке – смежная, форма текста – александрийская, то есть состоящая из шестистопных ямбов с соседними мужскими рифмами [8: 102]. В восьмистрочном стихотворении на марийском языке прослеживается опора на перекрестную рифмовку.

В удмуртском стихотворении прослеживаются неудачные согласования словосочетаний в предложении, искаженные формы слов, отсутствие знаков препинания. Подобные погрешности засвидетельствованы исследователями и в других текстах, написанных на языках народов Поволжья. Так, по утверждению Г. И. Комиссарова, стих на чувашском языке – «это очень неудачное творение», «в печатный текст стихотворения вкрались и типографские ошибки, искажавшие чувашские слова» [8: 101]. В мокша-мордовском тексте, по констатации А. П. Феокистова, «допущено большое количество ошибок, затрудняющих местами чтение этого первого в истории мордовской литературы стихотворного отрывка» [14: 177]. В результате таких неточностей тексты для современного читателя неудобочитаемы и непонятны. Разного рода искажения могли быть результатом типографских или корректорских опечаток; могли возникнуть в силу того, что тексты были сочинены лицами, владевшими языком нерусских народов в несовершенстве; ввиду того, что отсутствовала система правописания.

Сличая переводы этих стихотворений на другие языки, В. М. Ванюшев устанавливает, что «тема и тональность в них одинаковы, но образное решение различно» [3: 33]. В «Сборнике...» Д. А. Корсакова также высказано мнение о заключенной в текстах общей идее [14: 156]. Г. И. Комиссаров, сравнивая поэтические варианты на чувашском и русском языках, приходит к выводу, «что русский текст является не столько переводом, сколько оригиналом», при котором переводчик на чувашский язык заботился «не столько о точности передачи и правильности речи, сколько о получении формы стихотворения» [8: 101–102]. Преподавание поэтики и риторики в казанских учебных заведениях не могло не сказаться на художественных практиках воспитанников. При написании панегирических речей для встречи Екатерины II казанские семинаристы воспользовались советом учителей представить ее в образных определениях «Минервы, богини, образа Божьего»¹⁸. Воссозданный в стихах на удмуртском языке образ царицы-матери (*муми, Эисей анай*) глубоко символичен. Известно, что императрица «любила уверять подданных в своей “материнской любви”» [7: 41]. Этот образ был заимствован панегирической литературой, который реализовался и в приветственных сочинениях.

Рассматриваемые тексты, сочиненные в последней трети XVIII века на национальных язы-

ках, созданы с ориентацией на панегирические традиции русской литературы, которые, в свою очередь, были привиты в русскую культуру из опыта европейской филологии. Стихи в честь Екатерины II и в честь открытия Казанского наместничества – это первые опыты авторского стихосложения на удмуртском языке в популярном для данной эпохи жанре литературных посвящений.

Наступление XIX столетия ознаменовалось в России торжествами по случаю коронации императора Александра I. Соответственно, культурно-исторический контекст эпохи отразился и на литературном творчестве учеников Казанской духовной семинарии, а зачатки панегирических традиций получили свое дальнейшее развитие. Очередная проба пера неизвестного удмуртского семинариста по случаю коронации Александра I нашла свое воплощение в книге под названием «Жертва всерадостных чувствований...» (1801).

Вошедшие в сборник произведения на языках народов Поволжья, жанровая природа которых определена как «речи», представляют собой небольшие по объему прозаические тексты, дополненные «переводами». Так, «Речь черемисская» состоит из 10 строк, «Речь чувашская» – из 6 строк, «Речь вотятская» и «Речь мордовская» – из восьми строк. Все тексты (кроме чувашского) начинаются с обращения к Всемиловейшему Государю. Такая посвятельная формула, в которой указывается «дедикативный адресат» (кому посвящается) и «дедикативный объект» (что именно посвящается), является одним из обязательных элементов литературного посвящения. В качестве иллюстрации приведем «речь» на удмуртском языке с приложенным к нему переводом:

БАДЗІМЬ ЭКСЕЙ!

Дзець лэстэмесь тынадь ми понна со мында бадзімь,
кудзэ ми ози кизи дышетэмь кайкь, умь шётгыскэ кылзэ
вфраны, кудынызь уно возматысаль со милямь шумь
потонэзь. Кудызь ми пучкамь сайкатэ шудо туньне тонь
йрадь пуктэмь веницезь, ми Воцяхь лудэнь но, дынинь
но, милямь праздник дырча но, церикынь но, сюлмо
взяскомь йньмиресь, кудысь тонэ пуктызь ми выламь
утины, сойзэ шудо курдасьтэмь но мэдь ми улómь, тонэ
таза мэдь возматось улоньдунь¹⁹.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Милости твои для нас столь велики, что мы по простоте своей не находим слов, которые могли бы довольно выразить ту радость, которую в нас возбуждает благополучно совершившееся Твое Коронование. Мы все на полях, и в домех, и на празднествах наших, и во храмах всеусердно молим Бога, который Тебя оправдал над нами царствовать, чтобы Он к щастию нашему сохранил Тебя здрава и долголетна²⁰!

Сочинение «речей» по случаю коронации Александра I на языках нерусских народов с последующей их декламацией, вероятнее всего, входило в программу государственных мероприятий²¹. С другой стороны, не следует исключать и имевший место элемент конъюнктуры: встречая

коронованную особу, руководство духовных ведомств могло надеяться и на улучшение общего благосостояния их заведений²².

Произведение выдержано в том же эмоциональном ключе, что и вышерассмотренные стихотворения. Автор «речи» «эксплуатирует» привычную для данного жанра и обусловленную политической программой похвальную топикку: выражение народной радости, слов восторга и благодарности правителю. От имени субъекта панегирического монолога продекламированы слова благодарности за «милости» императора, изложена просьба божьей благодати и сохранения правителю «здрава и долголетна» (*тонэ таза мэдъ возматось улоньдунье*). Образ государя представлен как промысел божий: *вэсяскомь йньмиресь, кудысь тонэ пуктызь ми выламь утины* – молим бога, который тебя оправдал над нами царствовать²³. Описание божественного происхождения власти императора согласуется с запросами панегирического жанра.

При сравнении «речи» на удмуртском языке с приложенным к ней переводом обращает на себя внимание их смысловое тождество и тональность. Анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что переложение не является чисто механическим воспроизведением исходника. Создается впечатление, что так называемый перевод вотятской речи, напротив, явился базой для создания удмуртского текста. К аналогичным выводам приходит и А. П. Феоктистов, сопоставляя материал на мордовском языке с переводом. «“Речь мордовская” представляет собой не что иное, как перевод готового русского текста, нарочито озаглавленного “переводом мордовской речи”», – пишет он [14: 184]. Свои выводы автор аргументирует и тем, что сочинение на мордов-

ском языке грешит «предельной буквальностью», большим количеством корректорских и других ошибок», а синтаксис почти полностью перенесен из русского варианта [14: 184]. В «речи» на удмуртском языке также прослеживаются синтаксические, пунктуационные, орфографические и иные погрешности, что было скорее нормой, чем исключением, для письменных памятников данной эпохи.

Практика проведения церемониалов, торжеств, грандиозных общественных действий, как правило, получала предметно-материальное воплощение: выпускались памятные предметы нумизматики, публиковались различные издания, изобразительные материалы, изготавливались бытовые вещи с юбилейной символикой. Вышерассмотренные сборники «Духовная церемония...», «Сочинения в прозе и стихах...», «Жертва всерадостных чувствований...» были плодом подобных практик. Гипотетически можно трактовать, что издания духовно-светского содержания XVIII – начала XIX века, в которых были объединены произведения различных авторов на определенную тему, выражали идею единения людей разного социального, профессионального, национального статуса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что литературные памятники на удмуртском языке, созданные в последней трети XVIII – первой половине XIX века, стали отражением типичных предпочтений и доминирующих тенденций эпохи. Находясь у истоков формирования удмуртской словесности, они служили примером новаторских поисков в деле совершенствования письменно-литературных норм удмуртского языка, развития художественно-выразительных возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казанская академия в 1732 году была преобразована в семинарию, в 1797 году – вновь преобразована в академию. «Школа новокрещенских детей», по констатации Р. Р. Исхакова, была присоединена к ней с сохранением своего обособленного статуса и полиэтнического контингента учащихся [5: 79].

² Из документальных источников известно, что изучение еврейского, латинского, французского, немецкого, греческого языков было одним из главных занятий студентов Казанской академии (об этом см.: История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 г. / Сост. учитель казанской духовной семинарии А. Благовещенский. Казань: Университетская тип., 1875. С. 110–111).

³ Более подробно об этом см.: История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 г. С. 167.

⁴ См.: Ильминский Н. Попыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань: Тип. императорского ун-та, 1883. С. 342–343; Корсаков Д. А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. Казань: Университетская тип., 1908. С. 153–154.

⁵ К. Харлампович отмечает, что «это несколько скромнее встречи Елизаветы Петровны в 1743 году с александровскими семинаристами, которые были облечены в красные епанчи, на головах имели венки, в руках лавровые ветви» (об этом см.: Харлампович К. Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете. Приложение. Т. XIX. Вып. 3 и 4. 1903. С. 122–123).

⁶ Сам стих написан в 1767 году.

⁷ См.: Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского Величества Великой Государыни Премудрейшей Монархини и Попечительнейшей Матери Екатерины Второй в Казани, с приложенным при том словом о несравненном великодушии Августейшей Императрицы Самодержицы Всероссийской получившей благополучное от прививания оспы выздоровление. [СПб.]: При Имп. Акад. наук, 1769. С. 45.

⁸ См.: Ильминский Н. Указ. соч. 343.

⁹ Предлагаем чувашский текст в подстрочном переводе на русский язык, сделанный Н. Ильминским (см.: Н. Ильминский. Указ. соч. С. 342):

Не знаем мы, какой принести дар
Тебе, прекрасная Царица всех нас Мати,
За любовь твою к нам. Мы не знали доселе
Бога, Который на небесах. Узнавши же очень хорошо,

Дать за это – у нас нет ничего, душа только:

Да будет же она сама в дар тебе.

¹⁰ Исследователь Н. А. Федосеева предлагает современное прочтение марийского четверостишия в подстрочном переводе: «Ты нас нашла как заблудшего человека, ты нас обучаешь как своего сына, ты не оставила нас одних, мы учимся, пусть за это Бог даст тебе здоровья» [12: 102].

¹¹ Предлагаем перевод мордовского текста, сделанный Н. Ильминским: «Все мы каждый день (эрдчисте – эркъсь чистэ) прославляем (вернее – *шнатанокъ*, а кшнасынекъ – *шнасынекъ* значит: прославим) самого Бога и вас Царицу: Он наш хранитель <...>, а вы Государыня, очень добры. Вы стремитесь всех нас сделать умными, – все мы бы перед Богом хорошо жили бы и были бы всегда счастливы <...>» (см.: Н. Ильминский. Указ. соч. С. 343). А. П. Феоктистов рекомендует следующий перевод эрзя-мордовского текста на русском языке: «Все мы ежедневно восхваляем всей душой самого бога и вас, царицу. Он (? будучи для нас священным), вы, царица, очень добры. Вы печетесь (букв. вопите) всех нас умными сделать. Чтобы все мы перед богом хорошо жили бы и всегда счастливыми могли бы быть» [14: 176].

¹² См.: Н. Ильминский. Указ. соч. С. 343.

¹³ См.: Корсаков Д. А. Указ. соч. 103.

¹⁴ См.: Сироткин М. Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары: Гос. изд-во Чуваш. АССР, 1948. С. 10.

¹⁵ Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского Величества Великой Государыни Премудрейшей Монархини и Попечительнейшей Матери Екатерины Второй в Казани, с приложенным при том словом о несравненном великодушии Августейшей Императрицы Самодержицы Всероссийской получившей благополучное от прививания оспы выздоровление. [СПб.]: При Имп. Акад. наук, 1769. С. 49.

¹⁶ «Сочинения в прозе и стихах...» были переизданы в 1908 году Д. А. Корсаковым в «Сборнике материалов по истории Казанского края в XVIII веке» по рукописному экземпляру, приложенному в свое время к письму Казанского митрополита Вениамина князю А. А. Вяземскому, с добавлением вариантов из печатного издания 1782 года и некоего другого рукописного экземпляра из библиотеки П. Ф. Симсона в Ржеве.

¹⁷ См.: Корсаков Д. А. Указ. соч. С. 153–154. В данной книге предложен следующий перевод стихотворения без разбивки на строфы: «С настоящим нашим торжеством едва может другая каковая либо радость сравниться. Ибо Всемилостивейшая наша Монархиня к восстановлению общего блага, к прекращению же всякого зла учреждает премудрые законы. Из сего почерпая необычайную радость просим небесных стран Владыку, дабы сих Монархини нашей спасительных узаконений исполнение соответствовало Ее божественным начинаниям» (С. 154). Для сравнения предлагаем подстрочный перевод стихотворения, выполненный Т. И. Тепляшиной:

Едва ли можно найти (букв. не нахожу) такое важное торжество (букв. добро изливающее настроение)

Чем это новое ликование,

Во время которого всё уважение мы выражаем.

Божеские дела нашей государыни восхваляем,

Осуществляющей (букв. указывающий нам) нами справедливое руководство,

Уберегшей (букв. предупредившей) всех людей от несчастья,

За которое мы, испытывая такую радость,

Молимся усердно богу,

Чтобы он, теперь от нее государыни исходящее дело укрепив,

Ради нас это дело направил на добро [11: 228].

¹⁸ Харламович К. Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете. Приложение. Т. XIX. Вып. 3 и 4. 1903. С. 127.

¹⁹ Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству, всепресветлейшему и всемилостивейшему великому государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Первому, во всевожденнейший день торжественного венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской Академии 1801 года сентября дня. Москва: Университетская тип., у Христофора Клаудия. 1801. С. 33.

²⁰ Указ. соч. С. 33.

²¹ К. Д. Бугров приводит подборку панегириков, сопровождавших восшествие Александра I на престол в 1801 году и посвященных первым годам его царствования: тексты П. И. Берга («Ода его императорскому величеству Александру Первому, самодержцу всероссийскому, на случай новоизданных всевысочайших милостивых манифестов», 1801), Н. М. Карамзина («На торжественное коронование его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского», 1801), С. Н. Ливотова («Речь на вожденнейшее прибытие благочестивейшего государя императора Александра Павловича из Москвы в Санкт-Петербург, говоренная его императорскому величеству в Придворном Соборе», 1801), Н. Микулина («Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичный град Москву 1801 года», 1801), М. И. Невзорова («Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшего государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского», 1802) и Н. Г. Щеголева («Поздравительная песнь его императорскому величеству Александру Первому во всерадостный день священного миропомазания и коронования», 1801) [2: 232–233].

²² К примеру, Александр I в 1807 году «повелел удвоить отпускаемую на содержание духовных училищ сумму» (об этом см.: История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 г. / Сост. учитель казанской духовной семинарии А. Благовещенский. Казань: Университетская тип., 1875. С. 24).

²³ См.: Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству, всепресветлейшему и всемилостивейшему великому государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Первому, во всевожденнейший день торжественного венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской Академии 1801 года сентября дня. Москва: Университетская тип., у Христофора Клаудия. 1801. С. 33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашша Й. Венгерский язык / Пер. с венг. О. В. Громова, И. В. Салимона и Ю. И. Шишмолина; Ред., предисл. и примеч. К. Е. Майтинской. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 375 с.
2. Бугров К. Д. «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практ. конф., Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 231–237.
3. Ванюшев В. М. Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые стихотворные публикации на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 1. С. 32–39.

4. Дёмин В. И. Первые письменные памятники народов Поволжского региона // Регионология. 2015. Вып. № 1 (90). С. 181–187.
5. Домокош П. История удмуртской литературы / Пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.
6. Исхаков Р. Р. Развитие конфессионального образования крещеных татар в XVIII в. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 78–82.
7. Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. № 2. С. 36–71.
8. Комиссаров Г. И. Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Проблемы письменности и культуры: Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 85–104.
9. Матичак Ш. Истоки мордовской письменности // Финно-угорский мир. 2015. № 1. С. 24–35.
10. Родионов В. Г. Чувашская литература XVIII – XIX вв.: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. 172 с.
11. Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языковед., Отв. ред. В. И. Лыткин. Вып. 1. М., 1965. 324 с.
12. Федосеева Н. А. К вопросу об истории перевода молитвы «Отче наш» на марийский язык // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения X научно-богословской конф., 24–25 мая 2007 г. Йошкар-Ола, 2007. С. 138–143.
13. Федотова Е. В. Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII–XIX вв. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2006. 144 с.
14. Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 392 с.
15. Чураков В. С. Памятники письменности удмуртского языка начала XIX в. (речь по случаю коронации Александра I (1801) и удмуртская грамматика З. Г. Кротова (1816)) // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия: Сб. статей. Ижевск, 2016. С. 373–378.

Kamitova A. V., Federal State Budgetary Institution of Science “Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (Izhevsk, Russian Federation)

THE FIRST LITERARY MONUMENTS IN THE UDMURT LANGUAGE

The article deals with the first literary monuments in the Udmurt language in the context of the single Russian spiritual space and state events. The literary works in focus were created during the reign of Catherine II, Paul I and Alexander I. Chronologically, appearance of these works refers to the last third of the XVIII – first half of the XIX century. The purpose of the study is to compile an objective view of the initial stages of the Udmurt literature development. The research also aims to determine the role of the literary monuments in this process and to describe the “procedure” of the people’s national identity development. Fulfillment of the following tasks contributes to the achievement of the above mentioned goals: the use of contrastive-comparative analysis of poetic and prose works of panegyric content in the Udmurt language with the similar texts written in the languages of the Volga peoples; identification of the methods used by the Udmurt authors in poetics. The significance of this work lies in the research of the little-studied texts of the last third of the XVIII – first half of the XIX centuries. Literary works composed by students of Kazan New School and Spiritual Academy are considered in the context of all-Russian historical and cultural processes. The small texts in the Udmurt language are regarded as a “launching point” in the improvement of the emerging written and literary norms of the Udmurt language. They are also approached as a necessary “foundation” for subsequent literary experiments.

Key words: literary monument, Udmurt language, literary dedications, genre, Russian literature, translation

REFERENCES

1. Balashsha Y. Hungarian. Moscow, 1951. 375 p. (In Russ.)
2. Bugrov K. D. “Happiness of the common creator”: the panegyrics of the first years of the reign of Alexander I and the political tradition of Russian monarchism. *Document. Archive. History. Modernity: Materials of the VI International Conference*. Yekaterinburg, 2016. P. 231–237. (In Russ.)
3. Vanyushev V. M. Puzek-Grigorovich, Catherine II and the first poetic publications in the Udmurt language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2010. Issue 1. P. 32–39. (In Russ.)
4. Djomin V. I. The first written monuments of the peoples of the Volga region. *Regionologiya*. 2015. Issue 1 (90). P. 181–187. (In Russ.)
5. Domokosh P. History of Udmurt Literature. Izhevsk, 1993. 448 p. (In Russ.)
6. Ishakov R. R. Development of the confessional education of baptized Tatars in the XVIII century. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2015. No 3. P. 78–82.
7. Kleyn I. Praise to the master: Panegyric poetry and Russian absolutism. *Slovene. International Journal of Slavic Studies*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 36–71. (In Russ.)
8. Komissarov G. I. Writing in the Chuvash language in the 18th century. *The problems of writing and culture: Digest of articles*. Cheboksary, 1992. P. 85–104. (In Russ.)
9. Matichak Sh. Origins of Mordvinian writing. *Finno-ugorskiy mir*. 2015. No 1. P. 24–35.
10. Rodionov V. G. Chuvash literature of the XVIII–XIX centuries: Textbook. Cheboksary, 1999. 172 p. (In Russ.)
11. Teplyashina T. I. Monuments of the Udmurt writing of the XVIII century. Issue 1. Moscow, 1965. 324 p.
12. Fedoseeva N. A. On the history of translation of the prayer “Our Father” into the Mari language. *Christian Education and Russian Culture: Reports of the 10th Scientific and Theological Conference*. Yoshkar-Ola, 2007. P. 138–143. (In Russ.)
13. Fedotova E. V. Origins and formation of genres of Chuvash literature of the XVIII–XIX centuries. Cheboksary, 2006. 144 p. (In Russ.)
14. Feoktistov A. P. Essays on the history of the formation of Mordovian written and literary languages. Saransk, 2008. 392 p. (In Russ.)
15. Churakov V. S. Monuments of the Udmurt language at the beginning of the XIX century (speech on the occasion of the coronation of Alexander I (1801) and Udmurt grammar Z. G. Krotov (1816)). *Polyethnic world of Eurasia: problems of mutual perception: Digest of articles*. Izhevsk, 2016. P. 373–378. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.10.2017

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА КЛАДОВА

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы, методист, образовательный центр «Forward-school» (Москва, Российская Федерация)
natakladova@rambler.ruОТНОШЕНИЯ РОДСТВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Предпринята попытка выявить идею, организующую художественный мир романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» в единое целое, «цементирующую» сюжет произведения. Анализ системы отношений героев, соотнесенности фраз в их высказываниях, «смысловых рифм» событий и ситуаций позволил доказать наличие подобной сюжетообразующей идеи. В «Униженных и оскорбленных» все герои оказываются друг с другом связанными – родством генетическим или обретенным; одни предают родственную связанность, другие пытаются ее, напротив, восстановить. Именно родственные отношения героев играют идееобразующую роль в тексте Достоевского. Анализ художественного мира романа позволил уточнить смысл заглавия произведения. *Униженные и оскорбленные* – не только социальным неблагополучием, но и эгоизмом, жестокосердием (главным образом, неспособностью простить) конкретных, «частных» людей – причем самых родных. Романная действительность оказалась перевернутой: родных людей проклинают и отторгают, чужих принимают как родных. Понятия *родной* – *чужой* теряют в художественном мире Достоевского свою генетическую основу, наполняясь глубинным философским смыслом. Семантическое поле родства является важной идейной составляющей романа.

Ключевые слова: Достоевский, «Униженные и оскорбленные», роман, родственные отношения, художественная структура

Идейная основа романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» довольно подробно и с разных ракурсов исследована учеными (см., например, работы В. Н. Захарова [11: 195–200], И. Виноградова [3], С. Ю. Данилина [6], Т. И. Дубовой [8], Евфросиньи [9], О. А. Ковалева [12], Н. М. Фортунатова [19], С. Ф. Надывровой [15], О. В. Поваровой [16]). На наш взгляд, существует идея, которая не только является основной / главной, но и организует в единое целое романный мир произведения. Анализ ее художественной функции помогает обнаружить глубинный смысл «историй» героев, сюжетных ситуаций, понять художественную задачу автора.

Литературоведами предлагаются разные интерпретации основной, сюжетообразующей мысли произведения. Так, В. Н. Криволапов анализирует временные координаты и объясняет сюжетные ходы сакральным временем; в финале ученый видит героев, «победивших гордыню и встретивших Пасху Христову» [13: 291]. Е. Ю. Сафронова рассматривает событийную основу как «протокол судебного дела» [18: 135]. По мнению И. А. Алтуховой, ключевым в романе является мотив страдания [1: 284]. О. Д. Даниленко интерпретирует сюжет как «историю нравственного падения» [5: 91]. М. М. Рудакова ставит вопрос об «идейно-композиционной роли» образа Валковского [17]. В ряде научных исследований отмечено, что в структуре романа реализуется мотив блудного сына. Тема отцов и детей здесь, пишет Н. В. Живолупова, «связана с мотивом прощения, актуализирующим евангельскую

Притчу о Блудном Сыне, где идеальная позиция Отца – всепонимание и всепрощение, способное возродить падшую душу, вернуть ее к жизни» [10: 15]. Смит, с точки зрения ученого, – отец, не способный простить, Ихменев – отец, раскаявшийся в грехе гордыни. «Свобода от внутреннего зла достигается только духовным усилием “детей” – Наташи и Нелли – и благодаря “детям” совершается духовное прозрение “отца” – старика Ихменева» [10: 15]. В. И. Габдуллина считает мотив блудного сына сюжетообразующим и соотносит сюжетно-композиционную организацию романа с четырьмя основными фазами евангельского сюжета [4: 51–52]. М. О. Альтман сопоставляет мотив блудной дочери у Пушкина и Достоевского [2: 23–32]. Осмысление идеи произведения, полагаем, может быть плодотворным именно в ракурсе семантического поля родства, при этом данное понятие выходит за рамки частных семейных отношений, расширяясь до универсальных, архетипических моделей (см., например, замечания Е. М. Мелетинского об архетипических мотивах, связанных с родством людей [14: 46]).

Система образов романа «Униженные и оскорбленные» построена так, что все герои оказываются друг с другом связанными – родством генетическим или обретенным.

Иван остался в детстве сиротой, его из жалости приняли в дом помещики Ихменевы, у которых была дочь Наташа. «Мы росли с ней *как брат с сестрой*» (3: 178)¹, – характеризует герой отношение к нему в этом доме, используя

термины родства. Князь Валковский отправил своего ребенка (Алешу) в целях «исправления» к соседям Ихменевым, которые «приняли его как *родного сына*» (курсив мой. – Н. К.) (3: 183). Старик Ихменев, потеряв дочь (она ушла из дома к полюбившемуся Алеше), сказал Ивану: «Ваня, ты для нас был всегда как бы *родным сыном* <...> ты всегда вел себя с нами почтительно, нежно, как *родной*, благодарный сын» (курсив мой. – Н. К.) (3: 211).

Однако «отцы» не единожды в романе предадут «детей». Старики Ихменевы откажут Ивану в женитьбе на дочери по его бедности. Николай Сергеевич так и не предложит Ивану ехать вместе с ними, зная о его любви к Наташе. Дочь же им проклинается «навечно» в тот момент, когда подлость делает Валковский. Этот герой сманил «одну дочь у одного отца» (мать Нелли у Смита), обманул, украл у нее деньги отца и бросил. «Нравственный цинизм», «мелкое самолюбие» Валковского ярко явлены в следующем его рассуждении: «Я люблю деньги, и мне они надобны. У Катерины Федоровны их много; ее отец десять лет содержал винный откуп. У ней три миллиона, и эти три миллиона мне очень пригодятся. Алеша и Катя – совершенная пара: оба дураки в последней степени; мне того и надо. И потому я непременно желаю и хочу, чтоб их брак устроился, и как можно скорее» (3: 367).

Святость семейных уз предается поруганию. Примечательна оговорка, приведшая к подмене имени, в реплике Валковского о Наташе: «У меня голова трещит, когда подумаю о его будущности, а главное, о будущности *Анны Николаевны*, когда она будет его женой...» (3: 301). Наталья – ‘родная, природная’. Для него Наташа не может быть ‘родной», так как такое родство не предполагает экономической выгоды (не имеет денежной основы).

Итак, сына Валковский хочет женить на деньгах. Простодушный Алеша² разрешает ситуацию, прося помощи у назначенной ему невесты. Он признается Катерине Федоровне в том, что любит Наташу, – и Катерина отказывается от замужества. На метафизическом уровне подтекста романа герои «младшего поколения» пытаются создать истинную, евангельскую, семью. Когда Наташа уходит из дома к Алеше, Иван – ее любящий и отпустивший к другому, полюбившемуся ей, – становится связующей нитью между ею и ее родителями. Алеша клялся Наташе, что «любит Катю только *как сестру, как милую, добрую сестру*, которую не может оставить совсем» (курсив мой. – Н. К.) (3: 319). Катерина на мольбу Алешы отказаться от брака с ним просила передать Наташе, что уже любит ее *как сестру* и сама хочет быть *как сестра* ей (3: 243). Можно продолжить: «Мы с ней дали друг другу слово быть как *брат с сестрой*»; «И какое у ней сердце доброе! С ней так легко! Вы обе созданы *быть одна другой сестрами* и должны любить друг друга» (курсив мой. – Н. К.) – слова Алешы (Там же). И еще: «Мы будем все трое любить друг друга»

(3: 244). Правда, эту попытку построения семьи на братско-сестринских отношениях не способно поддержать «старшее поколение».

На единственном свидании двух «соперниц» Наташа и Катя пытаются решить, с кем будет более счастлив Алеша, и вместе с тем обе понимают предопределенность решения проблемы желанием князя Валковского. Они признаются друг другу в сестринской любви (3: 398). Ивану же Наташа говорит, что любила Алешу «почти как мать» (3: 400). Алеша простодушно попросит Ваню: «Друг мой, Ваня! Я перед тобой виноват и никогда не мог заслужить твоей любви, но будь мне до конца *братом*: люби ее, не оставляй ее, пиши мне обо всем как можно подробнее и мельче, как можно мельче пиши, чтоб больше уписалось» (курсив мой. – Н. К.) (3: 402). И Ваня не откажет.

У Алешы есть родная сестра Нелли, но между ними – никаких сюжетных пересечений; так же, как между Нелли и ее дедом (героиня появляется в художественном мире романа, когда ее дед уже умер), Нелли и ее матерью (которая умерла и существует в сюжете романа только через воспоминание о ней), Нелли и ее отцом Валковским. Нельза сказать, что Валковский не интересовался судьбой жены и дочери, однако интересовался с очень корыстной целью: ему нужна смерть его законной жены, для того чтобы жениться на генеральской дочке, «денежной девочке». Мы видим абсолютную вырванность Нелли из семейного круга. Родным для нее стал совсем незнакомый человек, поселившийся в квартире ее деда, – Иван. Доктор скажет о Нелли: «мне очень жаль эту девочку, *как дочь мою...*» (курсив мой. – Н. К.) (3: 434). Кроме того, Нелли и Александра Семеновна «полубили одна другую, *как две сестры* <...> Александра Семеновна во многом была такой же точно ребенок, как и Нелли» (курсив мой. – Н. К.) (3: 375).

Через некоторое время Нелли оставит Ивану записку: «Я ушла от Вас и больше к Вам никогда не приду. Но я Вас очень люблю. Ваша верная *Нелли*» (3: 380). У Ивана ей тяжело жить как сестре. Она побежала к старичку доктору просить взять ее в качестве прислуги, которая будет стирать и гладить. Не получив положительного ответа, героиня бросилась к Маслобоевым проситься «хоть в горничные, хоть в кухарки» (3: 382). Свое бегство от Ивана она объясняет: «Так, не хочу у него жить... не могу... я такая с ним всё злая... а он добрый... а у вас я не буду злая, я буду работать» (Там же). Нелли считает себя недостойной проявления родственных чувств к ней чужими людьми, а значит, такие чувства имеют в ее глазах очень высокую цену.

Вопрос Ивана о семье вызывает испуг Нелли: «– Что ж у тебя, семья, мать, отец?»

Она вдруг нахмурила свои брови и даже с каким-то испугом взглянула на меня. Потом потупилась, молча повернулась и тихо пошла из комнаты, не удостоив меня ответом, совершенно как вчера» (3: 254).

Вопрошание становится безответным.

Иван поселился в квартире умершего Смита, обрекшего себя и самых родных и близких себе на одиночество. Старик умер не простившим; символично, что он и живой был как *мертвый*: «мертвенное восьмидесятилетнее лицо»; «лицо его до того умерло, что уж решительно ничего не выражает» (3: 170); «безжизненный взгляд» (3: 171). Его собака Азорка «тоже оставалась неподвижно на весь вечер, точно умирала на это время. Казалось, эти два существа целый день лежат где-нибудь мертвые» (3: 171–172).

Умирая, старик «передал» Нелли Ивану. Иван – первый человек, в ком сирота Нелли почувствовала искреннюю любовь к себе, именно ему она позволила называть себя так, как называла ее мама, – *Нелли*, хотя до этого представлялась Еленой.

Судьба осиротевшей Нелли помогает собрать другую семью – Ихменевых, где сбежавшую к любимому дочь проклял отец. Примечательно, что изначальное желание отца было прямо противоположным – разъединяющим: заместить родную дочь Нелли (хотел взять Нелли в дом вместо дочери). И эта девочка осуждает Николая Сергеевича за то, что он не хочет простить дочь (3: 383). Данная ситуация явилась скопированной с судьбы ее собственной семьи. Мать Нелли оказалась такой «покинутой женщиной», «больной, измученной и оставленной всеми; отвергнутой последним существом, на которое она могла надеяться, – отцом своим» (3: 299–300). Отец (Смит) отказывал ей в прощении до последней минуты ее жизни и только в эту последнюю минуту опомнился и прибежал простить, но уже застал один холодный труп вместо той, которую любил больше всего на свете. Нелли рассказывает, как она шла к родному деду просить нищенское подаяние. Дед «бросил» семь гривен. После этого Нелли попросила у прохожего «денег, рубль серебром». Получив, она разменяла в лавочке на медные этот рубль, тридцать копеек завернула в бумажку для мамы, а семь гривен принесла дедушке, «размахнулась и бросила ему с размаху все деньги, так они и покатались по полу» (3: 417). Тридцать копеек имеют прозрачный подтекст: остаток от «подаяния» деда родной внучке – *предательская* сумма: дед *предал* самый главный закон – христианской любви. И какое же это подаяние, если оно возвращено?!

После рассказа Нелли Анна Андреевна воскликнула: «Я, я буду тебе мать теперь, Нелли, а ты мое дитя!» (3: 420). Николай Сергеевич собирался бежать к Наташе, но Наташа сама пришла к нему, «с криком бросилась перед ним на колена» (Там же). В радостном восторге никто не заметил, что Нелли ушла из комнаты...

Именно в этот момент – когда другие родные души соединились, когда все было прощено – ребенок-сирота, переживший предательство деда, почувствовал острую боль собственного одиночества... А ведь у нее есть *законный* отец – Валковский, который знает о дочери.

Несмотря на то что чужие люди смогли подарить Нелли столько любви, что «озлобленное сердце размягчилось и душа отворилась для всех» (3: 428) (в доме Ихменевых героиню стали почитать за *родную дочь* (3: 432)), в предсмертной агонии ее сознание занимал лишь один *сюжет*: «что дедушка зовет ее к себе и сердится на нее, что она не приходит, стучит на нее палкою и велит ей идти просить у добрых людей на хлеб и на табак» (3: 440). От родного человека она шла к чужим людям за *милостью*.

Есть и обратная сторона медали: Нелли отчасти сама обрекла себя на метафизическое сиротство, не дав отцу шанса искупить свой грех и заслужить прощение. Последняя ее просьба к Ивану: «Поди к *нему* (Валковскому. – *Н. К.*) и скажи, что я умерла, а *его* не простила. Скажи ему тоже, что я Евангелие недавно читала. Там сказано: прощайте всем врагам своим. Ну, так я это читала, а *его* все-таки не простила, потому что когда мамаша умирала и еще могла говорить, то последнее, что она сказала, было: “*Проклинаю его*”, ну так и я *его* проклинаю, не за себя, а за мамашу проклинаю...» (3: 441).

Однако Нелли искала смысл завещания матери, которая послала дочь к отцу с письмом, где поставила условие: «Если Вы не отвергнете Нелли, то, может быть, *там* я прошу Вас, и в день суда сама стану перед престолом Божиим и буду умолять Судию простить Вам грехи ваши. Нелли знает содержание письма моего; я читала его ей; я разъяснила ей *всё*, она знает *всё, всё...*» (3: 442).

Очень важный в художественной системе Достоевского тот факт, что прощение князь Валковский мог бы заслужить только признанием своего родства по отношению к Нелли.

Нелли не исполнила завещания: она знала все, но не пошла к князю и умерла непримиренная. Зло имеет цепную реакцию, отражаясь злом. Потерянную или разорванную связь с родной душой можно не успеть восстановить.

Последнее слово Наташи к Ивану и последнее слово всего романа: «Ваня, зачем я разрушила твоё счастье? И в глазах ее я прочел: “Мы бы могли быть навеки счастливы вместе!”» (3: 442).

Наташа, Иван, Нелли, Алеша – дети одной семьи. Но Алеша в эгоистической ослепленности предал братско-сестринские связи, оказался «выключенным» из этой семьи. Ихменев «выключает» из семьи и Ивана (по денежному критерию). Нелли умерла, принятая чужими как дочь, но не простившая родного отца.

Жизнь в углах и подвалах, нищета оказываются результатом не только социально-экономического уклада страны, но и эгоизма и жестокосердия (в конкретном проявлении – неспособности простить) конкретных, «частных» людей – причем самых родных. Это перевернутый мир: родных людей проклинают и отторгают, чужих принимают как родных. Понятия *родной* – *чужой* теряют в художественном мире Достоевского свою генетическую основу, наполняясь глубинным философским смыслом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 3. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.
- ² Алеша Валковский – прообраз будущего Мышкина, ставшего перед трагической невозможностью выбрать одну из двух. Но Алеша решает проблему: кого он больше любит (спрашивает и других об этом), Мышкин же мучительно пытается выбрать: кому он больше нужен. Мышкин из двух «любвей» – любви для себя и любви для другого – выбрал любовь для другого. Алеша Валковский из двух «любвей» – обе для себя – выбрал ту, которая подходила под эгоистические расчеты его отца. Кроме того, считаем интересным наблюдение Н. Г. Долининой: «Если бы Наташа разлюбила Алешу, покинула его для Ивана Петровича, тогда был бы Алеша готов и обнять соперника, и быть ему родным братом, другом? Представить себе это невозможно, потому что счастлив должен быть Алеша – он не умеет иначе» [7: 41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтухова И. А. Героиня Ф. М. Достоевского в минуты страданий (роман «Униженные и оскорбленные») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 283–286.
- Альтман М. О. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
- Виноградов И. Роман-прощанье, роман-предвестье. О книге Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Детская литература. 1989. № 1. С. 32–38.
- Габдуллина В. И. Притчевая основа романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 2 (5). С. 50–58.
- Даниленко О. Д. Социальные и философские символы в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 89–94.
- Данилин С. Ю. Лицо и маска в повествовании Ф. М. Достоевского (по роману «Униженные и оскорбленные») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1 (13). С. 64–67.
- Долинина Н. Г. Предисловие к Достоевскому. СПб.: Лицей, 1997. 237 с.
- Дубова Т. И. Христианские заповеди в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: Тема прощения // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 405–409.
- Евфросинья (Ибрагимова). Еще раз о «жестокоем таланте» Ф. М. Достоевского. По роману «Униженные и оскорбленные» // Литература в школе. 2010. № 3. С. 18–20.
- Живолупова Н. В. Семантическая ось «отец-сын» и замысел «Отцы и дети» в контексте творчества Достоевского (от «Униженных и оскорбленных» к «Подростку») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2005. № 1 (6). С. 14–18.
- Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. М., 2013. 456 с.
- Ковалев О. А. Автор, герой и читатель в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Философские дескрипты. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 94–106.
- Криволапов В. Н. О мифопоэтическом начале в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Словесное искусство Серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения») / Под ред. Л. Ф. Алексеевой, В. Н. Климчуковой, С. В. Крыловой. М.: МГОУ, 2015. С. 286–292.
- Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.
- Надырова С. Ф. Типология нарраторов в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Пятый этаж. Барнаул, 2015. С. 173–176.
- Поварова О. В. Мотив бегства из семьи в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 1 (70). С. 52–55.
- Рудакова М. М. Особенности сюжетостроения романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Актуальные проблемы филологии. Екатеринбург, 2015. № 12. С. 105–109.
- Сафронова Е. Ю. Наказание в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: метафизика воздаяния // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3 (87). Т. 1. С. 134–142.
- Фортунов Н. М. «Спор» Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова по поводу романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Друзья свободы и добра. Н. Новгород, 1990. С. 118–122.

Kladova N. A., Education center “Forward-school” (Moscow, Russian Federation)

KINSHIP RELATIONSHIPS IN DOSTOEVSKY'S NOVEL “HUMILIATED AND INSULTED”

This article attempts to identify the idea, which organizes the artistic world of the novel written by F. Dostoevsky “Humiliated and Insulted” and “cements” the plot of the work. The analysis of the system of relations among heroes, relatedness of phrases in their statements, “semantic rhymes” of events and situations allowed us to prove the existence of such plot-idea. In “Humiliated and Insulted” all characters are tied together by kinship relationships either genetic or acquired ones; some of them betray kindred ties, others, on the contrary, try hard to restore them. It is kindred relationships of the characters that play the central ideal role in the text by F. M. Dostoevsky. The analysis of the artistic world of the novel helped to clarify the meaning of the work’s title. “Humiliated and Insulted” speaks not only about social problems but also about selfishness and heartlessness of some people (mainly, the inability to forgive) including “private” people – the most dear family members. The reality of the novel is inverted: kindred people are cursed and rejected; strangers are accepted as their own. The concepts of the kin ones and strangers lose their genetic basis in Dostoevsky’s artistic world and get filled with the deep philosophical meaning. The semantic field of kinship is an important ideological component of the novel.

Kew words: Dostoevsky, “Humiliated and Insulted”, novel, relationship, artistic structure

REFERENCES

- Altkhova I. A. The heroine F. M. Dostoevsky in moments of suffering (novel “Humiliated and Insulted”). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2012. No 4 (108). P. 283–286. (In Russ.)
- Altman M. O. Dostoevsky. At milestones names. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)

3. Vinogradov I. Novel-parting, novel-the harbinger. About the book by F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Children's literature*. 1989. No 1. P. 32–38. (In Russ.)
4. Gabdullina V. I. Parable basis of the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2008. No 2 (5). P. 50–58. (In Russ.)
5. Danilenko O. D. Social and philosophical symbols in F. M. Dostoevsky "Humiliated and Injured". *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2012. No 6. P. 89–94. (In Russ.)
6. Danilin S. Y. Face and mask in the narrative of F. M. Dostoevsky (novel "Humiliated and Insulted"). *Humanities and social Sciences in Eastern Siberia and the far East*. 2011. No 1 (13). P. 64–67. (In Russ.)
7. Dolinina N. G. Preface to Dostoevsky. St. Petersburg, 1997. 237 p. (In Russ.)
8. Dubova T. I. The Christian commandments in the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted": the Theme of forgiveness. *Orthodoxy in the context of Russian and world literature*. Arzamas, 2006. P. 405–409. (In Russ.)
9. Evfrosinia (Ibragimova). Once again on the "cruel talent" of F. M. Dostoevsky. Based on the novel "Humiliated and Insulted". *Literature in school*. 2010. No 3. P. 18–20. (In Russ.)
10. Zhivolupova N. V. The semantic axis "father-son" and the concept "Fathers and Sons" in the context of Dostoevsky's work (from "The Humiliated and the Insulted" to "Teenager"). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2005. No 1 (6). P. 14–18. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The name of the author – Dostoevsky. Moscow, 2013. 456 p. (In Russ.)
12. Kovalev O. A. The Author, hero and reader in the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Philosophical description*. Barnaul, 2008. Issue 7. P. 94–106. (In Russ.)
13. Krivolapov V. N. On the mythopoetic principle in the novel by F. M. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Verbal art of the Silver age and the Russian Diaspora in the context of the era ("Smirnov's readings")*. Ed. by L. F. Alekseeva, V. N. Climacool, S. V. Krylova. Moscow, 2015. P. 286–292. (In Russ.)
14. Meletinskii E. M. About literary archetypes. Moscow, 1994. 136 p. (In Russ.)
15. Nadirova S. F. Typology of narrators in the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *The Fifth floor*. Barnaul, 2015. P. 173–176. (In Russ.)
16. Povarova O. V. The Motive of escape from the family in the novel of F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Bulletin of Cherepovets state University*. 2016. No 1 (70). P. 52–55. (In Russ.)
17. Rudakova M. M. Peculiarities of sweatstained novel F. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Actual problems of Philology*. Ekaterinburg, 2015. No 12. P. 105–109. (In Russ.)
18. Safronova E. Yu. Punishment in the novel by F. M. Dostoevsky "Humiliated and Insulted": Metaphysics of Retribution. *News of Altai State University*. 2015. No 3 (87). Vol. 1. P. 134–142. (In Russ.)
19. Fortunatov N. M. "Dispute" N. G. Chernyshevsky and N. A. Dobrolyubov about the novel by F. M. Dostoevsky "Humiliated and Insulted". *Friends of freedom and goodness*. N. Novgorod, 1990. P. 118–122. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.10.2017

АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА КОТОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
anastakot@gmail.com

ИСТОЧНИКИ И РЕЦЕПЦИЯ CATULL. 3 КАК СРЕДСТВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНТОНАЦИИ ТЕКСТА

Для понимания лирического текста важно улавливать его интонацию. Целью статьи является определение интонации третьего стихотворения сборника Катулла, которое написано на смерть птенчика Лесбии. Нередко в научной литературе эти стихи называют юмористическими или даже пародийными. Для определения интонации текста автор статьи опирается на доводы внешнего характера – анализирует, какое место *carm. 3* занимает в античной традиции стихотворений на смерть животных. В качестве источников рассматриваются эллинистические эпитафии домашним питомцам, которые в литературе делят на серьезно-сентиментальные, пародийные и «эпитафии с пуантой». Делается вывод о том, что *carm. 3* по своим мотивным и стилистическим характеристикам приближено к эллинистическим сентиментальным эпиграммам на смерть животных. Затем рассматривается рецепция стихотворения Катулла в латинской литературе на примере элегии Овидия (*Am. II, 6*), стихов Марциала и стихотворной надписи на мраморной плите II в. н. э. (CEL 1512). Весь проанализированный материал позволяет оспорить точку зрения о пародийности и ироничности *carm. 3* и заключить, что Катулл продолжает традицию эллинистических сентиментальных эпитафий на смерть домашних животных, а не пародирует ее; и именно так его стихи воспринимались античными читателями.

Ключевые слова: поэзия, римская литература, Катулл, *carmen 3*, рецепция, источники

Для правильной интерпретации художественного текста, особенно лирического, важно понимать его настроение, иначе говоря – интонацию. Между тем именно этот элемент труднее всего передается читателям других эпох и культур.

В статье речь пойдет о настроении стихотворения на смерть птенчика Лесбии – *Catull. 3*. Среди ученых нет единого мнения относительно характера этих стихов: *carm. 3* определяют как пародию на плач [7: 110–111]¹, ироническую стилизацию [9: 200], [16]², любовную лирику [6: 92], [12: 32]³.

В данной статье для определения интонации текста мы будем опираться на доводы внешнего характера – иными словами, рассмотрим, какое место стихи Катулла занимают в античной традиции стихотворений на смерть животных. Комментаторы не раз возводили стихи на смерть птенчика Лесбии к эллинистическим эпитафиям домашним питомцам [6: 92]⁴, многочисленные образцы которых сохранила седьмая книга Греческой Антологии (189–216). Своеобразная мода на них возникает в начале III в. до н. э., отвечая таким образом тенденциям эллинистической поэзии, как интерес к «домашним» сюжетам и эмоциям частных лиц, расширение рамок привычных жанров, сочетание сентиментальности и литературности (эпиграммы на смерть животных строятся по тем же законам, что и эпикидии по людям). Наряду с книжными эпитафиями, мы располагаем и подлинными эпиграфическими

стихотворениями, найденными на надгробиях домашних животных⁵.

Родоначальницей жанра эпитафий животным считается Анита из Теги, аркадская поэтесса IV–III в. до н. э. Под ее именем дошли пять эпиграмм такого рода: о лошади, павшей в бою (*AP VII, 208*), о собаке, умершей от укуса змеи (*Poll. V, 48*), о цикаде (*AP VII, 202*), о выброшенном на берег дельфине (*AP VII, 215*)⁶ и о саранче с цикадой (*AP VII, 190*). Всем этим эпиграммам свойственен мягкий тон, чувствительность и идиллический сельский колорит⁷.

Герхард Херрлингер в диссертации, посвященной античным эпикидиям по животным, разделяет эпиграммы на смерть домашних питомцев на три группы:

– серьезно-сентиментальные, куда он относит стихотворения Аниты, Никия из Милета (*AP VII, 200*), Памфилия (*AP VII, 201*), Симия Родосского (*AP VII, 203; Poll. V, 48*), Мнасалка из Сикиона (*AP VII, 212; 192; 194*), Леонида Тарентского (*AP VII, 198*), Стация (*Silv. II, 5*) и др.;

– пародийные, к которым причисляются эпитафии Мелеагра (*AP VII, 207*), Марка Аргентария (*AP VII, 364*), Катулла (*carm. 3*), Овидия (*Am. II, 6*), Стация (*Silv. II, 4*) и др.;

– «эпитафии с пуантой», каковыми он считает стихотворения Антипатра Сидонского (*AP VII, 209–210, 216; IX, 417*), Германика (*AP IX, 18*), Марциала (*IV, 32*) и др. [11: 14–39].

Последние из перечисленных эпитафий риторичны (в отличие от второй группы, где риторика обслуживает пародию, здесь она самоцельна) и ситуативны: иными словами, главный акцент в них делается на необычности, даже фантастичности обстоятельства смерти⁸. Поэтов интересуют не похвала умершему и не описание чувств скорбящих, а изложение нетипичной ситуации. Хотя Х.-Я. Ван Дам и называет границы между этими тремя группами «размытыми» [15: 337], в целом классификация Херрлингера кажется нам рациональной; иначе обстоит дело с распределением конкретных стихотворений по группам. Как мы видели, Херрлингер относит Catull. 3 к числу пародийных эпикаидиев; однако между катулловским стихотворением и «серьезно-сентиментальными» эллинистическими эпиграммами на смерть животных можно найти целый ряд сюжетных и мотивных параллелей. Во-первых, их объединяет мотив ухода покойного по дороге в подземное царство:

ψῆχο γὰρ πνύαταν εἰς Ἀχέρωντος ὁδόν (AP VII, 203); σὰ δ' ἦθεα τὸ σὸν ἠδὲ / πνεῦμα σιωπηραὶ νυκτὸς ἔχουσιν ὁδοί (AP VII, 199); νῦν δὲ τὸ κείνου / φθέγμα σιωπηραὶ νυκτὸς ἔχουσιν ὁδοί (AP VII, 211) – qui nunc it per iter tenebricosum / illuc, unde negant redire quemquam.

Во-вторых, в «серьезных» эллинистических эпитафиях животным встречается мотив слез хозяйки: παρθένιον στάξασα κόρα δάκρυ (AP VII, 190) – flendo turgiduli rubent ocelli. Кроме того, о домашнем питомце, которого хозяйка носила в складках одежды (ἐν κόλλοις στέργουσα διέτρεφεν ἄ γλυκερόχρως / Φανίον (AP VII, 207) – nec sese a gremio illius movebat), говорится как о радости для нее: δισσὰ γὰρ αὐτὰς / παίγνια (AP VII, 190); речь идет о двух питомцах: цикаде и саранче) – deliciae meae puellae.

Напротив, другие стихотворения, которые Херрлингер относит к пародийному разделу, содержат ряд общих черт, отсутствующих у Катуллы. Это, во-первых, утрированная риторичность (в стихах Катуллы о птенчике риторичности нет вовсе); во-вторых, нарочито преувеличенные похвалы покойному (воспеваются не только его смеяленность и преданность хозяевам, но и добродетель, воздержанность, мудрость, любовь к искусству и т. п.); в-третьих, упоминание мифологических имен (умершего встречают боги подземного царства, он сравнивается с великими героями). В сущности, пародийные эпитафии этого рода строятся по одной модели: комический эффект возникает из-за того, что стандартная схема эпикаидия по человеку применяется к животному⁹.

Для того чтобы определить, какой виделась интонация катулловского стихотворения римским читателям, обратимся к его рецепции в лагинской литературе. Стихотворения о птенчике (Catull. 2 и 3) еще в античности были, по видимому, самыми известными из всех произведений Катуллы – упоминания о passer или

Лесбии, оплакивающей своего покойного питомца, неоднократно встречаются у авторов.

Во вторую книгу «Amores» Овидия входит пространная элегия на смерть попугая Коринны (II, 6), которая воспринимается читателями на фоне Catull. 3 [5: 337], [14: 108]¹⁰; некоторые исследователи¹¹ даже говорят – на наш взгляд, неосторожно – о прямом подражании Овидия Катуллу¹². В то же время заметим, что в элегии Овидия – при всей любви этого автора к интертекстуальным отсылкам, игре с цитатами и всякого рода поэтическим состязаниям – нет прямых переключек с Catull. 3 (и Catull. 2)¹³. В противоположность своей обычной практике Овидий предпочитает полностью дистанцироваться от своего знаменитого предшественника. Чем это вызвано? На наш взгляд, именно тем, что стихи двух поэтов, схожие по тематике, абсолютно различны по интонации: Овидий пишет риторическую пародию, в которой ассоциации с трогательным стихотворением Катуллы оказались бы лишними¹⁴.

Сравним Catull. 3 и Ov. Am. II, 6. Овидий применяет простой, но эффективный метод: он создает надгробную речь по попугаю, как по человеку¹⁵ [14: 108]. В его элегии присутствуют все характерные элементы, предписываемые традицией для oratio funebris: exordium (призыв скорбеть; стт. 1–16), laudatio et lamentatio (стт. 17–42), descriptio morbi et mortis (стт. 43–48), consolatio (стт. 49–58), descriptio sepulcri (стт. 59–62)¹⁶.

Катулл же не придерживается подобной структуры. В противоположность элегии Овидия (и, кстати говоря, поэме «Culex») в его стихотворении отсутствует сколько-нибудь развернутое описание загробного мира. К тому же, в отличие от попугая и комара, которые попадают в Элизиум, птенчик Лесбии разделяет долю *каждого* человека: qui nunc it per iter tenebricosum / illuc, unde negant redire quemquam.

Кроме того, Овидий, в отличие от Катуллы, многословен и риторичен: к примеру, О. Риббек именно в этом утрированном красноречии видит доказательство ироничного характера Am. II, 6¹⁷.

Кажется, что если бы Овидий подражал Catull. 3 или состязался с ним, то он хотя бы частично использовал его лексику. На деле же поэт намеренно отдаляет свою элегию от стихотворения Катуллы – как справедливо заметил Фергюсон [5: 353], Овидий не взял у предшественника ничего, кроме идеи. В Am. II, 6, на наш взгляд, следует скорее видеть пародию на целую традицию эпитафий животным.

Больше всего упоминаний о «Птенчике» / птенчике Катуллы находим у Марциала: I, 7, 3–5; 109, 1; IV, 14, 14; VII, 14, 4; XI, 6, 16; XIV, 77. В одних случаях слово passer обозначает саму птичку, в других – диптих Catull. 2 и 3, который Марциал объединяет одним заглавием¹⁸.

Так, в I, 7 речь идет о поэме Стеллы «Голубка», которая лучше «Птенчика» Катуллы:

Columba <...> vicit <...> Passerem Catulli; в эпиграмме IV, 14, посвященной поэту Силию Италику, говорится: Sic forsан tener ausus est Catullus / magno mittere Passerem Maroni («Так, пожалуй, и нежный Катулл посмел / “Птенчика” послать великому Марону»); в XI, 6 поэт обращается к возлюбленному: Da nunc basia, sed Catulliana: / Quae si tot fuerint, quot ille dixit, / Donabo tibi Passerem Catulli («Теперь покрой меня поцелуями, но покатулловски: / Если их будет столько, сколько он сказал, / Я дам тебе “Птенчика” Катулла»). Собачка Публия Исса в I, 109 «est passere nequior Catulli» («озорнее воробья Катулла»). Apophoreton XIV, 77, представляющее собой надпись на клетке из слоновой кости, звучит так: Si tibi talis erit, qualem dilecta Catullo / Lesbia plorabat, hic habitare potest («Если у тебя будет тот, о ком плакала милая Катулла / Лесбия, он может жить здесь»).

В этой связи обращает на себя внимание цитата из Catull. 3, 1 в марциаловских стихах на смерть Париса (XI, 13, 7–8): ...atque omnes *Veneres Cupidinesque* / hoc sunt condita, quo Paris, sepulchro («...и все Венеры и Купидоны / похоронены в одной с Парисом могиле»). Если бы стихи о птенчике Лесбии имели репутацию пародийных или хотя бы юмористических, намек на них в эпитафии казненному актеру, искусство которого Марциал оплакивает всерьез, был бы вызывающе неуместным.

В обценной эпиграмме VII, 14 речь идет о девушке, которая лишилась возлюбленного. Стихотворение начинается так, будто героиня потеряла некоего домашнего питомца и глубоко скорбит:

Accidit infandum scelus nostrae, Aule, puellae; / amisit lusus deliciosae suas: / non quales teneri ploravit amica Catulli / Lesbia, nequitiis passeris orba sui / vel Stellae cantata meo quas flevit Ianthis, / cuius in Elysio nigra columba volat... («Авл, наша девушка стала жертвой неслыханного злодейства; / она утратила свою забаву и услугу: / не такие, о каких рыдала возлюбленная нежного Катулла / Лесбия, лишившись ласк своего птенчика, / и не такие, какие оплакала Иантида, воспетая моим Стеллой, / чья черная голубка порхает в Элизуме...»).

Заключительная часть эпиграммы, однако, переворачивает ситуацию с ног на голову: оказывается, героиня и не стала бы плакать из-за таких пустяков, как Иантида или Лесбия (non capitur nugis neque moribus istis), ее утрата серьезнее – двадцатилетний любовник, *mentula cui pondum sesquipedalis erat*. Как представляется, юмор Марциала основан на том, что стихи на смерть птенчика имели репутацию чувствительных, а не иронических: ведь поэту необходим как можно более резкий контраст между зачином эпиграммы и ее финалом¹⁹.

Наконец, катулловское *carm.* 3 хорошо знал анонимный автор гендекасиллабов на смерть собачки Мии, которые высечены на мраморной плите II в. н. э., найденной в 1865 году в местечке Ош на юге Франции (CEL 1512). Многочисленные реминисценции из Катулла отмечаются комментаторами единогласно [3: 409], [6: 92–93], [16], однако относительно интонации эпитафии единого мнения нет. К. Квинн называет ее «a charming parody»²⁰; К. Р. Уолтерс считает, что эпитафия пропитана иронией и является (так же, как и *carm.* 3) пародией на погребальный плач по умершему питомцу. По мнению Уолтерса, автор строк вовсе не оплакивает смерть Мии, а, несомненно, рад избавиться от нее потому, что она мешала его любовным забавам [16]. Исследователь словно бы забывает, что перед нами не литературная эпитафия, а подлинное надгробие: нелюбимым собакам не ставят памятников, а литературные пародии не высекают на камне. Мы не можем согласиться с Уолтерсом; на наш взгляд, если автор эпитафии и почувствовал в стихотворении Катулла улыбку, то улыбку умиления – было бы странно, если бы при сочинении надписи на смерть питомца он стал опираться на текст, имеющий репутацию пародии.

Внешние доводы позволяют заключить, что стихотворение Катулла на смерть птенчика Лесбии по своим мотивным и стилистическим характеристикам приближено к сентиментальным эпиграммам на смерть животных, написанным в эллинистический период. С другой стороны, оно резко отличается от иронических греческих эпитафий на тот же сюжет, а также от стихотворения Овидия на смерть попугая Коринны, гиперболизация и риторичность которого не оставляет сомнений в его пародийном характере. Характер цитат из *carm.* 3 у Марциала и в эпитафии CEL 1512 также указывает на то, что в последующей традиции эти стихи не воспринимались как юмористическая стилизация или пародия.

Оспаривая распространенную точку зрения, согласно которой *carm.* 3 является юмористическим или даже пародийным, мы не предлагаем взамен считать его трагическим или скорбным. Мы постарались показать, что по своим мотивным и стилистическим характеристикам *carm.* 3 тесно связано с эллинистическими сентиментальными эпитафиями на смерть домашних животных: Катулл продолжает и развивает эту традицию (например, вводя любовный мотив), а не пародирует ее. Именно так, по нашему мнению, воспринимали катулловское стихотворение его античные читатели – Овидий, Марциал и неизвестный автор эпиграммы CEL 1512.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А также: Катулл. Книга лирики / Пер., вступ. ст. и примеч. А. И. Пиотровского. Л.: Academia, 1929. С. 140; Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. С. 214; Катулл. Лирика / Пер. с лат. М. Амелина. М.: Время, 2005. С. 154.

- ² А также: C. Valerii Catulli Veronensis Carmina / Ann. perpet. ill. F. G. Doering. Altonae: Sumtibus I. F. Hammerichii, 1834. P. 3; Catullus / Ed. with a text. and interpret. comm. by D. F. S. Thomson. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2003. P. 207.
- ³ А также: Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. London: Macmillan Classical Series, 1973. P. 96.
- ⁴ А также: C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. Leipzig; Berlin: Teubner, 1929. S. 5.
- ⁵ Все сохранившиеся стихотворения такого рода собраны и проанализированы в [11].
- ⁶ Херрлингер отмечает замечательную симпатию греков к мотиву утопленников и потерпевших кораблекрушение. Также в AP VII, 215 очевидна любовь эллинизма к «Genrebild», жанровой картинке (дельфин, лежащий на берегу) [11: 3].
- ⁷ См. комментированное собрание: [8].
- ⁸ Для примера перескажем AP IX, 18: заяц, спасаясь от собак, прыгнул в море, где был съеден хищной рыбой – «морской собакой»; теперь он сетует, что в мире нет безопасной для него стихии – включая небо, потому что там тоже есть Большой Пес.
- ⁹ Еще в одном случае выбор Херрлингера не кажется нам бесспорным. В пародийный раздел он относит эпитафию Мелеагра из Гагары (I в. до н. э.) питомцу возлюбленной поэта – зайцу, умершему от переедания (AP VII, 207) [11: 29–30]. Д. Л. Пейдж также расценивает эти стихи как пародию на предшествующую традицию, выдвигая два аргумента: сюжетный и языковой. Первый заключается в «непоэтичной» причине смерти; второй – в торжественности, даже высокопарности языка. Контраст величавой лексики и нелепой ситуации придают стихотворению насмешливый характер [10: 642]. Однако говорить о языковых особенностях этой конкретной эпитафии, на наш взгляд, непродуктивно: после Леонида Тарентского эллинистическая эпиграмма самых разных жанров вырабатывает единый язык, среди характерных черт которого – слова и выражения, встречающиеся в эпосе и драме. В этом отношении AP VII, 207 ничем не отличается от «серьезно-сентиментальных» эпитафий животным: ταχύλους (AP VII, 207, 1 и Eur. Troad. 232; IT 1270; Bacch. 169), ἀνθεῖν εἰαρινόισιν (AP VII, 207, 4 и Hom. II. II, 89), πικνυαῖς πτερύγεσσιν (AP VII, 202, 1 и Hom. II. XI, 454; Od. V, 53), μελεδάϊος (AP VII, 208, 1 и Hom. II. XII, 247; XIII, 228), ἐν νομίῳ ὄλης (AP VII, 203, 3 и Hom. Od. X, 159). Другая постоянная особенность постлеонидовской эпиграммы – пристрастие к составным эпитетам: в одном ряду с ταχύλους и γλυκερόχροος из AP VII, 207 стоят πολύρριος, φιλόφθογγος (Anyte ap. Poll. V, 48, ст. 2), μελεσίτερος, πανέστερος (AP VII, 194, 1; 3), νεοσοκόμος (AP VII, 210, 1, 3), δροκοίτης (AP VII, 190, 1), ποδήνεμος (AP VII, 212, 1) и др.; о каком-то особенно торжественном тоне в эпитафии Мелеагра говорить неуместно. Таким образом, на наш взгляд, пародийной интонации в этих стихах нет, и по сути они не отличаются от эпитафий из «серьезно-сентиментального» раздела. Необычные обстоятельства смерти (переедание), с одной стороны, вносят в стихотворение реалистическую черту, а с другой, подчеркивают заботу, которой Фанион окружила питомца: «Я даже о матери своей не скучал, – говорит заяц, – да и умираю от обильной пищи».
- ¹⁰ Должно быть, Овидий хорошо знал стихи на смерть птенчика и почтил их автора, который успел за свою недолгую жизнь достичь поэтического совершенства, обращением docte Catulle (Am. III, 9, 62); см. об этом: [1: 397].
- ¹¹ Catullus / Ed. E. T. Merrill. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1893. P. 6; C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. Leipzig; Berlin: Teubner, 1929. S. 5; Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. С. 215.
- ¹² По мнению Э. Лефевра, Овидий как бы воскрешает катулловского птенчика, только делает его во всех отношениях лучше: его птица (а) больше по размеру; (б) не простая, а экзотическая; (в) превосходит катулловского героя талантами, так как умеет говорить; (д) после смерти отправляется в Элизиум, в отличие от passer [13: 111–114].
- ¹³ Только в одном месте можно заметить своего рода полунамеки: в стихе optima prima fere manibus rapiuntur avaris (v. 39) Овидий имеет в виду руки Смерти, но эксплицитно этого не выражает. Эту трудность пытались преодолеть с помощью конъектур (avaris] Avernis N. Heinsius, manibus] Parcisi sive fati L. Müller и др.) или просодически неправдоподобного предположения, будто manibus вызывает ассоциации с Mānibus; подробнее см.: [14: 132]. На наш взгляд, Овидий, не договаривая до конца, отсылает читателя к стихам «malae tenebrae / Orci, quae omnia bella devoratis» из Catull. 3, 10–11.
- ¹⁴ Непонимание этого принципиального различия художественных задач порой приводит исследователей к необоснованным упрекам Овидию. Так, Дж. Фергюсон называет элегию на смерть попугайчика «бесчувственной»: Овидий придает словесное выражение чуждому опыту, заимствует у Катулла эмоции, чтобы облачить их в собственные слова; Катулл же заимствует выражения (из греческой традиции, например), чтобы выразить свои чувства [5: 353–356]. Ср. также: «В стихах Катулла сочетаются искусство и жизнь, Овидий же жизнь вычеркивает» [13: 116].
- ¹⁵ В таком же духе написаны пародийные эллинистические эпитафии животным. По мнению Б. В. Бойд, и Катулл, и Овидий в равной мере обаяны эллинистическим эпиграммам [2: 201].
- ¹⁶ Происхождение такого строго структурированного типа плача не установлено. Эпикидии писали Арат, Эвфорион и Парфений (его эпикидию по жене Арете подражал друг и литературный соратник Катулла Лициний Кальв в плаче по своей жене Квинтилии). От эпикидиев дошли совсем немногочисленные фрагменты, поэтому не представляется возможным оценить, насколько сильно эллинистические эпитафии повлияли на римских поэтов; см. об этом: [14: 109]. О жесткой структуре римского стихотворного эпикидия и ее пародировании у Овидия см. прежде всего: [4: 121 ff.].
- ¹⁷ Ribbeck O. Geschichte der Römischen Dichtung. Bd 2. Stuttgart: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1889. S. 230.
- ¹⁸ Также carm. 3 упоминается у Ювенала (VI, 7–8), где о Лесбии перифрастически говорится: cuius / turbavit nitidos extinctus passer ocellos («[та], чьи блестящие глаза омрачил умерший птенец»). В статье цитаты приводятся в переводе автора.
- ¹⁹ Попутно отметим, что эта марциаловская эпиграмма свидетельствует против гипотезы Полициано о том, что катулловский passer = mentula (см.: Gruterus J. Lampas, sive Fax artium liberalium. T. 1. Francofurti: e Collegio Paltheniano, sumtibus Ioniae Rhodii Bibliopole, 1602. P. 16–17).
- ²⁰ Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. London: Macmillan Classical Series, 1973. P. 96.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. Т. 1. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2002. 704 с.
2. Boyd B. W. The Death of Corinna's Parrot Reconsidered: Poetry and Ovid's «Amores» // The Classical Journal. 1987. Vol. 82. P. 199–207.
3. Courtney E. Musa Lapidaria: A Selection of Latin Verse Inscriptions. Atlanta, GA: Scholars Press, 1995. X. 457 p.
4. Esteve-Forriol J. Die Trauer- und Trostgedichte in der römischen Literatur nach ihrer Topik und ihrem Motivschatz. München: A. Schubert, 1962. XI. 175 s.

5. Ferguson J. Catullus and Ovid // *The American Journal of Philology*. 1960. Vol. 81. P. 337–357.
6. Fordyce C. J. *Catullus: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 1961. XXX. 422 p.
7. Forsyth P. Y. *The Poems of Catullus*. Boston: University Press of America, 1986. 569 p.
8. Anyte. *The Epigrams / A crit. ed. with comm. by D. Geoghegan*. Roma: Ateneo, 1979. 192 p.
9. Goold G. P. *Catullus 3. 16 // Phoenix*. 1969. Vol. 23. P. 186–203.
10. *The Greek Anthology. Hellenistic Epigramms / Ed. by A. S. F. Gow, D. L. Page*. Vol. 2. Cambridge: University Press, 1965. V. 716 p.
11. Herrlinger G. *Antike Tier-Epikeden: Inaug.-Diss.* Stuttgart: W. Kohlhammer, 1929. 56 s.
12. Johnson M. *Catullus 2b: The Development of a Relationship in the Passer Trilogy // The Classical Journal*. 2003. Vol. 99. P. 11–34.
13. Lefèvre E. *Die Metamorphosen des catullischen Sperlings in einen Papagei bei Ovid (Amores 2, 6) und dessen Apotheose bei Statius, Strozzi, Lotichius, Beza und Passerat // Ovid: Werk und Wirkung / Festgabe für M. von Albrecht zum 65. Geburtstag*. Frankfurt u. a., 1999. Bd 1. S. 111–135.
14. McKeown J. C. *Ovid. Amores: Text, proleg. and comm.* Vol. 3. Leeds: Francis Cairns, 1998. 433 p.
15. Van Dam H. -J. P. *Papinius Statius. Silvae. Book II: A Commentary*. Leiden: Brill, 1984. 539 p.
16. Walters K. R. *Catullan Echoes in the Second Century A. D.: CEL 1512 // Classical World*. 1976. Vol. 69. P. 353–359.

Kotova A. V., Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine (St. Petersburg, Russian Federation)

SOURCES AND RECEPTION OF CATULL. 3 AS MEANS OF DEFINING THE TEXT'S MOOD

It is very important to understand the mood of the lyrical text for its correct interpretation. The aim of this article is to define the mood of Catullus' *carm. 3*. Scholars often describe it as humorous and even derisive. To define the mood of the text the author examines external factors affecting *carm. 3*. The text is written in the ancient tradition reflected in the poems on the death of animals. Hellenistic epitaphs to pets are analyzed as sources. In scientific literature these epitaphs are divided into three groups: sentimental, mockery and "pointierte" epitaphs. The author concludes that Catullus' poem on the death of the *deceased* has common features with Hellenistic sentimental epitaphs. The perception of *carm. 3* in Latin literature is examined on the example of Ovidius's lamentation for Corinna's dead parrot (*Am. II, 6*), Martial's epigrams and an inscription in memory of the dog Myia (CEL 1512). The analysis of these materials allows the author to argue against assertion that *carm. 3* is parodic and ironic by nature. The author comes to a conclusion that Catullus carries on a tradition of Hellenistic sentimental epitaphs on the death of pets, and his poem was understood this way by ancient readers.

Key words: poetry, Roman literature, Catullus, *carmen 3*, reception, sources

REFERENCES

1. Albrecht M. von. *History of Roman Literature / Translated by A. I. Lyubzhin*. Vol. 1. Moscow, Yuriy Shichalin's "Museum Graeco-Latinum", 2002. 704 p. (In Russ.)
2. Boyd B. W. *The Death of Corinna's Parrot Reconsidered: Poetry and Ovid's «Amores» // The Classical Journal*. 1987. Vol. 82. P. 199–207.
3. Courtney E. *Musa Lapidaria: A Selection of Latin Verse Inscriptions*. Atlanta, GA: Scholars Press, 1995. X. 457 p.
4. Esteve-Forriol J. *Die Trauer- und Trostgedichte in der römischen Literatur nach ihrer Topik und ihrem Motivschatz*. München: A. Schubert, 1962. XI. 175 s.
5. Ferguson J. *Catullus and Ovid // The American Journal of Philology*. 1960. Vol. 81. P. 337–357.
6. Fordyce C. J. *Catullus: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 1961. XXX. 422 p.
7. Forsyth P. Y. *The Poems of Catullus*. Boston: University Press of America, 1986. 569 p.
8. Anyte. *The Epigrams / A crit. ed. with comm. by D. Geoghegan*. Roma: Ateneo, 1979. 192 p.
9. Goold G. P. *Catullus 3. 16 // Phoenix*. 1969. Vol. 23. P. 186–203.
10. *The Greek Anthology. Hellenistic Epigramms / Ed. by A. S. F. Gow, D. L. Page*. Vol. 2. Cambridge: University Press, 1965. V. 716 p.
11. Herrlinger G. *Antike Tier-Epikeden: Inaug.-Diss.* Stuttgart: W. Kohlhammer, 1929. 56 s.
12. Johnson M. *Catullus 2b: The Development of a Relationship in the Passer Trilogy // The Classical Journal*. 2003. Vol. 99. P. 11–34.
13. Lefèvre E. *Die Metamorphosen des catullischen Sperlings in einen Papagei bei Ovid (Amores 2, 6) und dessen Apotheose bei Statius, Strozzi, Lotichius, Beza und Passerat // Ovid: Werk und Wirkung / Festgabe für M. von Albrecht zum 65. Geburtstag*. Frankfurt u. a., 1999. Bd 1. S. 111–135.
14. McKeown J. C. *Ovid. Amores: Text, proleg. and comm.* Vol. 3. Leeds: Francis Cairns, 1998. 433 p.
15. Van Dam H. -J. P. *Papinius Statius. Silvae. Book II: A Commentary*. Leiden: Brill, 1984. 539 p.
16. Walters K. R. *Catullan Echoes in the Second Century A. D.: CEL 1512 // Classical World*. 1976. Vol. 69. P. 353–359.

Поступила в редакцию 11.08.2017

ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА МАТЮШКИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Ekaterina-matyush@yandex.ru

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ» ПОЭТА: РОМАН Б. ОКУДЖАВЫ «СВИДАНИЕ С БОНАПАРТОМ»

Рассматривается произведение Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» как пример исторической «прозы поэта», которая характеризуется наличием в романном тексте метризованных, рифмованных фрагментов, то есть внедрением стихового начала, а также яркой субъективностью и эмоциональностью повествования. Историческую «прозу поэта» Б. Окуджавы отличает лирическая стилизация, которая определяется не только присутствием мотивов стихотворений и песен самого автора, внутритекстуальных включений, но и наличием лирического субъекта – носителя основных мировоззренческих концепций. Дневники героев-рассказчиков являются внутренним монологом, исповедью, где представлены ключевые темы творчества писателя. Для Б. Окуджавы важен не сам исторический факт, а то, как он отражается в сознании отдельного человека. Прошлое в романе неизменно проецируется на современную писателю реальность, то есть возникает созвучие удаленных эпох. Форма дневника дает возможность обратиться к теме «глотка свободы», к раскрытию которой в своем последнем историческом романе «Свидание с Бонапартом» писатель подходит иначе, чем ранее. Автором статьи выдвигается предположение, что в контексте анализа данного произведения уместнее говорить о цене свободы в судьбе случайного свидетеля поворотных событий в истории России.

Ключевые слова: Б. Окуджава, исторический роман, «проза поэта», лиризм, лирический субъект

Свои исторические романы Б. Окуджава называл «историческими фантазиями», именно в них отразился его особенный стиль, узнаваемый совершенно неповторимой иронией, сложным сочетанием документальности повествования с глубоким чувственным переживанием прошлого. Исследователи и критики пытаются дать разные жанровые определения, называя прозу автора то «историческим романсом» [6: 164], то произведением «притчеобразного типа» [8: 33]. По точному замечанию известного литературоведа Г. Белой, «на глазах читателя» рождается «поэтически новый образ мира», на одном из полюсов которого – «факты реальности», «на другом <...> попытка понять их высший, сокрытый в течение обычной жизни смысл» [1: 12–13]. Для Б. Окуджавы как для поэта, обратившегося к прозе, остро чувствующего драматизм своего времени, свойственно лирическое мироощущение, всегда личностное осмысление исторических событий.

В современном литературоведении «проза поэта» рассматривается как особое жанровое образование, находящееся в тесной связи с поэзией. Возникновение данного феномена исследователи традиционно связывают с именами А. Пушкина и М. Лермонтова. Переломный момент или расцвет «прозы поэта» в русской литературе относится к периоду Серебряного века (А. Белый, А. Блок, М. Цветаева и др.). Анализируя стиховое начало в прозе, Ю. Орлицкий отмечает: «Русская

проза XX века развивается под несомненным влиянием стиха, причем стиховое начало постоянно вторгается в прозу, деформируя ее структуру на разных уровнях» [7: 36]. При анализе «прозы поэта» важно понять: взаимосвязаны ли проза и поэзия в творчестве одного автора или они представляют собой разнонаправленные понятия. Так, можно уверенно говорить о том, что существует неразрывная связь между историческими романами и поэзией Б. Окуджавы.

«Свидание с Бонапартом» (1983) – последний исторический роман Б. Окуджавы, который можно считать итогом его творческих исканий. Время работы над произведением С. Бойко определяет как «период скепсиса» в творчестве писателя, при этом отмечая, что он «ознаменовался разочарованием в человеке, его возможностях, его роли в мире и в обществе» [2: 28]. Исторический роман в эпоху застоя развивается особенно активно, становясь своеобразной трибуной, с которой автор мог говорить о своем времени. В этом случае исторические произведения являются не столько отражением прошлого, сколько авторского настоящего.

Действие «Свидания с Бонапартом» развивается в период с 1812 по 1826 год. Ретроспективно упоминаются сражение под Аустерлицем (1805), Итальянский поход А. Суворова (1799), Великая французская революция (1789–1794). Позднее творчество Б. Окуджавы связано

с осознанием цены «глотка свободы» в судьбе человека, неизменно заканчивающегося трагедией или ощущением пустоты. Нельзя не согласиться с В. Выдриной: «В связи с этим романы Окуджавы можно назвать центростремительными, ибо в них автор все пространство эпохи подчиняет раскрытию характеров, выяснению индивидуальных судеб» [3: 127]. Генерал-майор Опочинин, желавший «облагородить искаженный лик истории», устроив торжественный обед, в ходе которого он должен был убить Наполеона, погибает от пули французского драгуна. Французская «певичка» Луиза Бигар, оказавшаяся в центре горящей Москвы, в итоге против своей воли должна покинуть Россию. Идеи Тимоши Игнатьева, племянника Опочинина, увлеченного декабризмом как воплощением духа свободы и равенства, в конце романа трактуются как «смерть и разрушение». Важно учесть, что подобные настроения присутствуют и в поздних стихотворениях Б. Окуджавы, созданных одновременно с романом: «Да здравствует Великий Понедельник!» (1977), «Примета» (1983), «Дерзость, или Разговор перед боем» (1984) и др. В произведении 1982 года «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант...» появляется образ розы, который для поэта символизирует творчество и надежду. Однако в конце стихотворения делается горький вывод:

Я эмигрант с Арбата. Живу, свой крест неся...
Заледенела роза и облетела вся (392)¹.

Исторические романы в творческом сознании Б. Окуджавы во многом являются продолжением тем и мотивов его лирических стихотворений и песен. Строки из романа «Свидание с Бонапартом»: «Когда же в руках барабанщика просыпаются кленовые палочки» (1: 280)² заведомо отсылают к стихотворению 1957 года «Веселый барабанщик»: «Ты увидишь, ты увидишь // как веселый барабанщик // в руки палочки кленовые берет» (138). Большая часть музыкальных инструментов, перечисленных Опочининым, представлена в известном стихотворении «Песенка о ночной Москве» (1963). Но если в поэтическом произведении труба, кларнет, фагот, барабан, флейта составляют «надежды маленький оркестрик // под управлением любви» (245), то в ро-

мане делается неутешительный вывод: «ослепительные надежды превращаются в фарс» (1: 283), в этих словах чувствуется некое разочарование, свойственное позднему периоду творчества автора. С помощью музыкальных метафор передается душевный мир человека, его «боль», «восхищение», «ужас и гордость по случаю пребывания <...> в доме гениев войны» (1: 279). Чувства и эмоции героя уподобляются музыкальным звукам, обладающим разнообразным набором выразительных средств. Например, литавры своим торжественным звучанием наводят Опочинина на размышления о смысле жизни:

Мы медленно живем и незаметно, покуда не накапливается в нас постепенно сухой, огнеопасный порох прожитых дней, чтобы внезапно всплеснуться синим пламенем и грянуть и возвестить, что вот оно, наконец свершилось то, ради чего все и накапливалось (1: 281).

Появление ритма в прозаической речи, непривычных для романного жанра интонационно выделенных фраз и целых абзацев становится вполне объяснимым при анализе исторической «прозы поэта». Принципиально важным в этом отношении является подход к определению силлабо-тонического метра в прозе, предложенный Ю. Орлицким: «Метром в прозе называется фрагмент текста, не противоречащий его трактовке как аналога строки или группы строк силлабо-тонического стихотворного текста» [7: 48].

В «Свидании с Бонапартом» «случайные» метры неоднократно повторяются без стихотворной графики. При этом звуковая организация фрагмента отражает особое лирическое восприятие Опочининым окружающего:

Хотелось хоть краем глаза увидеть тебя, Варвара, жесткие черты твоего лица и догадаться, каким он был, твой гений злой, покуда пеплом и золой меня, как снегом, заносило, покуда смерть нас всех косила... Еще очень старый зверь с деревянной лапой плакал в сиреневой тени – все было в прошлом (1: 348).

За пределами романа размышления оживают «под батальонный барабан» уже в отдельном произведении «Из стихов генерала Опочинина 1812 года» (1989). Можно сравнить метризованный фрагмент из романа и отрывок из стихотворения:

«Свидание с Бонапартом» (1983)	«Из стихов генерала Опочинина 1812 года» (1989)
«Ах, Аустерлиц, Аустерлиц! И юношеские года, и лет военных череда – все представляется мне вздором, но лед Зачанского пруда – во сне иль наяву – всегда перед моим потухшим взором...» (1: 290).	И юношеские года, и лет покойных череда – всё кажется минутным вздором. Лишь лед Зачанского пруда (во сне иль наяву) всегда перед его потухшим взором (445).

Б. Окуджава предлагает читателю своеобразную игру, широко используя цитаты в своем романе, при этом автор старается растворить

«чужое» слово в тексте произведения: «Любимец барышень уездных, огнем сраженья опален, им сгоряча казался он явившимся из сфер

межзвездных...» (1: 296). Данный отрывок явно отсылает читателя к пушкинскому «Евгению Онегину». Часто Тимоша говорит Опочинину – «Скажи-ка, дядя», так писатель обращается к эрудиции своего читателя, предлагая ему вспомнить произведение М. Лермонтова «Бородино».

В «Свидании с Бонапартом» форма дневника позволяет выдвинуть на первый план субъективные переживания и размышления героев (Опочинин, Бигар, Волкова), а также становится единственным звеном, рассказывающим читателю о событиях Отечественной войны 1812 года: пожар Москвы (1812 год), партизанское движение, ополчение. При композиционном разграничении образов героев-рассказчиков читатель понимает, что границы явно размыты, так как стилистика всех дневников весьма однородна, в читательском ощущении они могут звучать как тексты, созданные одним автором.

К наиболее типичным признакам «прозы поэта», обнаруживаемым в романе, принадлежит особое взаимодействие автора и героя. Р. Якобсон обратил внимание на то, что «лирический импульс <...> задается “я” (“мною”) поэт <...> лирический герой пронизывает все измерения бытия, и все эти измерения должны совместиться в герое» [9: 328]. Именно поэтому в историческом романе, написанном поэтом, доминирующее звучание имеет голос лирического субъекта, являющегося своего рода концентрацией эстетических позиций автора. В итоге на протяжении повествования автор и герой многократно меняются местами. В одном из интервью Б. Окуджава заметил:

У меня есть такая склонность – перевоплощаться, она мне очень нравится. Поэтому все герои моих произведений – это я сам. И женщины, и мужчины, и дурные и хорошие. Но я никогда не писал исторических романов, как пособий по изучению истории, я писал о себе на историческом материале, вот и все. И в прозе, и в стихах я просто стремился выразить себя. Именно поэтому мой лирический герой все время один и тот же. А если он менялся, то только потому, что менялся я³.

Опочинин наиболее близок к лирическому герою писателя, даже возраст героя и автора на момент начала работы над произведением примерно совпадает: «Мне пятьдесят пять. Шутка ли?» (1: 267). В. Маркович, говоря о характерных признаках автобиографического взаимоотношения героя и автора, пишет о том, что «автор здесь предельно близок к герою» [5: 159]. Показательно, что в романе только «заметки из собственной жизни» Опочинина содержат в себе метризованные фрагменты. Именно на страницах дневника этого героя, представляющего приготовление торжественного обеда, в ходе которого он собирается убить Наполеона, писатель размышляет о музыке, смысле жизни, истории: «Все завершается: империи гибнут, благородные порывы

угасают <...> от царей остаются гробницы, победителя ждет возмездие» (1: 283).

В романе Б. Окуджавы можно наблюдать структурную децентрализацию лирического «я», которая представляет собой воплощение единого мировидения в последовательно развивающихся различных, но равноправных повествовательных инстанциях. А. Карстен справедливо отмечает: «Лирический принцип постижения мира реализуется в преобладании стиля над сюжетом, в доминировании не прямых форм авторского присутствия в тексте» [4: 73].

В размышлениях всех героев звучит тоска и безысходность, будь то Опочинин со своей верой в идеалы, которые «превращаются в фарс» (1: 283), будь то Луиза Бигар, разочаровавшаяся в справедливости людей вообще: «Я ехала по Москве, и слезы катились по моим щекам, и, плача среди этого смрада и пепла, среди развалин, несправедливости и тихого ликования, я поняла, что уже ничего воротить невозможно» (1: 418), будь то Варвара Волкова – «атаманша в овчине, с потускневшей короной на голове», возглавившая партизанское движение, описывает снежную сцену:

...на которую бесшумно валятся один за другим все, все, где убийц убивают и их убийц убивают тоже, а за ними уже спешат новые... И тот, кто крутит это колесо, ввергает их в преступления, связывает их по рукам и ногам, и у них уже нет сил отрешиться... Каков соблазн! (1: 451).

Идеалы Тимоши Игнатъева – «справедливость и милосердие» – кажутся автору наивными:

Тимоша тоже когда-то тараторил о равных правах, а нынче его волнует справедливость, справедливость и милосердие, против чего возразить трудно, хотя при слове «милосердие» всякий раз вспоминается мне губинский пожар и их зверские лица (1: 445).

Становится очевидным, что существование различных персонифицированных, фрагментарных «я» не разрушает цельность и единство рефлектирующего лирического сознания. Герой-рассказчик в романе Б. Окуджавы оказывается своеобразной призмой, сквозь которую писатель предлагает смотреть на исторические события.

Спецификой романа «Свидание с Бонапартом» является лирическая стилизация. Это не только введение в прозаический текст поэтических элементов, аллюзий и реминисценций, но и преломление фактов истории в сознании лирического героя, носителя главных мировоззренческих концепций автора. В значительной степени постоянная иллюзия стихотворности, накладываемая на романский текст, а также лирическое отношение автора-поэта к исторической эпохе создают уникальность, неповторимость стиля Б. Окуджавы, его творческой манеры в прозе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения / Прим. В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с. В тексте в круглых скобках указаны страницы.
- ² Окуджава Б. Ш. Свидание с Бонапартом // Избранные сочинения: В 2 т. М.: Современник, 1989. Т. 1. С. 265–527. В тексте в круглых скобках указан том и через двоеточие страницы.
- ³ Окуджава Б. «Я – грустный оптимист...» (Неизвестное интервью Булата Окуджавы. Творческий вечер в Томске) // Новый Берег. 2004. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/bereg/2004/6/ok11.html> (дата обращения 15.08.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляя Г. Булат Окуджав, время и мы // Окуджава Б. Избранные произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 3–24.
2. Бойко С. С. Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 38 с.
3. Выдрин В. В. Проблема историзма и исторического романа в творческом сознании А. Пушкина и Б. Окуджавы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 125–131.
4. Карстен А. В. Семантическое наполнение мотива крови в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2011. № 1. Т. 11. С. 73–76.
5. Маркович В. М. Автор и герой в романах Лермонтова и Пастернака («Герой нашего времени» – «Доктор Живаго») // Автор и текст. Петербургский сборник. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 150–178.
6. Пискунова С., Пискунов В. Трагическая пастораль // Нева. 1984. № 10. С. 161–166.
7. Орлицкий Ю. Стихи и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. 685 с.
8. Оскоцкий В. Д. История глазами писателя: традиции и новаторство советского исторического романа. М.: Знание, 1980. С. 33–35.
9. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Matyushkina E. N., St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)

**“HISTORICAL FANTASIES” OF THE POET:
B. OKUDJAVA’S NOVEL “RENDEZVOUS WITH BONAPARTE”**

The article discusses the work by B. Okudzhava “Rendezvous with Bonaparte” as an example of historical “prose of the poet”. The novel is characterized by the presence of metered and rhymed fragments: the introduction of poetical beginning, vivid subjectivity, and emotionality of the narrative. Okudzhava’s historical “prose of the poet” is specified by the lyrical styling, which is determined by the presence of the author’s poems and songs, inner textual inclusions, and the presence of the lyrical subject – the bearer of the basic philosophical concepts. The diaries of the story’s characters represent an internal monologue or a confession of the key narrators. The diaries reveal the key creative themes of the writer. Okudzhava is not interested in the historical fact itself, but in the effect the event produces on the consciousness of the individual. The past in the novel is invariably projected onto the modern reality of the writer; as a result, the harmony of distant epochs becomes more apparent. The structure of the diary provided Okudzhava with the opportunity to refer to the topic “A ray of sunshine” (a sip of freedom). The author developed this theme in his latest historical novel “Rendezvous with Bonaparte” in a manner quite different from his previous experience. The author of the article assumes that the context of the given work analysis is appropriate for the discussion of the price of freedom in the life of an accidental bystander, who became an eyewitness of the pivotal events of the Russian history.

Key words: B. Okudzhava, historical novel, “prose of the poet”, the lyricism, a lyrical subject

REFERENCES

1. Belaya G. Bulat Okudzhava, we and the time. *Okudzhava B. Selected works*. Moscow, 1989. Vol. 1. P. 3–24. (In Russ.).
2. Boyko S. S. Creative evolution of Bulat Okudzhava and the literary process of the second half of the XX century. *Abstr. Doct. diss. (Philol.)*. Moscow, 2011. 38 p. (In Russ.).
3. Vydrina V. V. The problem of historicism and a historical novel in the creative minds of Pushkin and Okudzhava. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012. No 3 (118). P. 125–131 (In Russ.).
4. Karsten A. V. Semantics of the motif of blood in B. Okudzhava’s novel «Rendezvous with Bonaparte». *Izvestiya of Saratov University*. 2011. No 1. Vol. 11. P. 73–76. (In Russ.).
5. Markovich V. M. The author and the hero in the novels of Lermontov and Pasternak (“The Hero of Our Time” – “Doctor Zhivago”). *The author and the text*. Issue 2. St. Petersburg, 1996. P. 150–178. (In Russ.).
6. Piskunova S., Piskunov V. The tragic pastoral. *Neva*. 1984. No 10. P. 161–166. (In Russ.).
7. Orlicskij Y. U. Poetry and prose in Russian literature. Moscow, 2002. 685 p. (In Russ.).
8. Oskotskij V. D. History through the eyes of a writer: tradition and innovation the Soviet historical novel. Moscow, 1980. P. 33–35. (In Russ.).
9. Jakobson R. Works on poetics. Moscow, 1987. 464 p. (In Russ.).

Поступила в редакцию 17.10.2017

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА МУСАНОВА

кандидат филологических наук, методист центра развития этнокультурного образования, Коми республиканский институт развития образования (Сыктывкар, Российская Федерация)

musanova_svetlan@mail.ru

РУССКИЙ ПЕСЕННО-ИГРОВОЙ РЕПЕРТУАР ЛУЗСКИХ КОМИ*

Рассматривается песенно-игровой репертуар лузских коми, выявленный в Фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (ФА СГУ). Исследуемая микролокальная традиция Прилузского района Республики Коми охватывает обширную территорию с несколькими группами поселений в бассейне р. Луза (приток р. Юг). Песни были зафиксированы в нескольких поселениях, ранее принадлежащих сначала Лальскому, затем Усть-Сысольскому уезду Вологодской губернии. В результате фольклорных экспедиций и практик сотрудников и студентов СГУ было зафиксировано 10 песенно-игровых сюжетов в 40 вариантах записи и более 30 описаний молодежных собраний. Практически все песни, входящие в лузский игровой репертуар, были усвоены из русских традиций. Репертуар игрищ на Лузе включал в себя песни игровые, хороводные, хороводно-игровые (исполнялись в кругу и в хороводе «ряд на ряд»). Выявлено небольшое количество песенных сюжетов, но вместе с тем среди них встречаются уникальные, не содержащиеся в других архивах. Поскольку фиксация текстов происходила в довольно позднее время (1990-е – 2000-е годы), многие из них представлены в виде фрагментов, пересказов, номинальных фиксаций (на уровне воспоминаний о тексте в одной-двух строках).

Ключевые слова: архив, песенно-игровой фольклор, вариант, традиция

Изучение песенно-игровых традиций отдельных регионов является одним из перспективных направлений современной фольклористической науки. В последние полтора-два десятилетия появился ряд работ, посвященных выявлению специфических черт песенно-игрового фольклора отдельных местностей [4], [6], [7], [10], [14], [17], [18], [19], [20]. Особенности игровых, хороводных и плясовых песен проявляются в многообразии их локальных вариантов. К таковым относятся традиции Прилузского района Республики Коми, расположенного на юге Республики Коми и граничащего с Архангельской и Кировской областями, с Сысольским и Койгородским районами Республики Коми. На территории Прилузья можно условно выделить как минимум две коми традиции: лузскую – она охватывает обширную территорию с несколькими группами поселений в бассейне р. Луза (приток р. Юг), и летскую – более компактную, она включает деревни, расположенные на р. Летка (приток р. Вятка)¹. Кроме того, особое место в данном районе занимает село Лойма с прилегающими деревнями – одно из пограничных сел с исконным русским населением, в 1921 году включенное в состав Коми области (до этого – в составе Устюжской земли, Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов)². Лузскую и летскую традиции³ различают сюжетный состав, особенности исполнения песен, степень сохранности материала.

В данной статье внимание сосредоточено на песенно-игровом репертуаре лузских коми⁴, вы-

явленном в Фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (далее – ФА СГУ). Песни записаны в Объячевском, Ношульском, Спаспурбском, Чёрнышском сельсоветах (поселениях). Стоит отметить, что эти поселения входили в состав сначала Лальского, затем Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии⁵. Мы имеем дело с поздними по времени фиксации текстами: основная часть была записана в конце 1990-х – начала 2000-х годов в результате фольклорных экспедиций и практик⁶. Самые ранние имеющиеся в нашем распоряжении записи из ФА СГУ были сделаны в 1974 году в д. Пожмадор Объячевского с/с в ходе фольклорной практики под руководством А. К. Микушева (2 текста)⁷. Всего в лузском репертуаре нами выявлено 10 песенно-игровых сюжетов в 40 вариантах записи и более 30 описаний молодежных собраний. Песенные тексты были записаны от исполнителей в возрасте 70–80 лет, юность которых выпала на первую треть XX века.

По сообщениям исполнительниц, самым актуальным периодом для молодежных собраний, с которыми в первую очередь связано бытование песенно-игрового фольклора, традиционно были святки. Для рождественских игрищ молодежь специально нанимала избу, при этом молодые люди расплачивались с хозяйкой деньгами, а девушки приносили пироги и шаньги⁸.

Главными участницами рождественских собраний являлись девушки. На игрищах они выступали в роли девушек на выданье, невест,

биологически и символически готовых к замужеству, отсюда их активность, раскованная манера общения с юношами в качестве игральщиц. Подобные игрища являлись своего рода смотринами, на которых молодые люди присматривали себе будущую жену, поэтому атмосфера молодежных гуляний была для девушек большим испытанием, носила для них знаковый характер. В одном репортаже исполнительница назвала весь комплекс рождественских игрищ девичьими гуляньями⁹. Молодые люди на таких собраниях играли пассивную роль – они сидели и смотрели на происходящее.

Большое внимание уделялось внешнему виду участников рождественских игрищ: *«А вот это 14-го числа Вэль Новой-тё год, Старой-тё год. Тогда розовый сарафан, красивый рубашка этим белыми вышивками, бусы туда всё повесим. Да и зимой тоже в этих, тапочки, не тапочки, а тупляки. Вот и пляшем, всю ночь пляшем. Вот и одинаковый костюмчик, одинаково оденемся и вот и всю ночь гуляем. Гармошка есть, гармошка и поём вот эти песни, песни-то всё поём, пляшем»*¹⁰. Девушки надевали сарафаны одинакового цвета, причем, по сведениям информантов, к каждому празднику цикла (Новый год, Рождество, Крещение) – разных цветов: *«Смотреть мы, дети, идём и смотрим. Они, значит, встанут все в одинаковых сарафанах. <...> И каждый вечер одевают все. В один вечер одного, скажем, красный сатин сарафан, все рубашки, в другой вечер зеленый. Если у девушки нет, возьмет у какой-нибудь женщины, чтоб обязательно все в одинаковых сарафанах. И вот так приплясывают целую неделю»*¹¹. В Рождество надевали бордовый сарафан, на Новый год – розовый, в Крещение – голубой¹². В последний день рождественских игрищ девушки наряжались в белые цветистые сарафаны. По замечанию исследователей, единообразие нарядов было связано со структурированием девичьей группы и демонстрировало ее единство: *«Обычай надевать платья одного цвета на определенные праздники или в дни святок давал возможность воочию подтвердить солидарность девичьей группы и создавал реальные предпосылки для ее консолидации»* [12: 93]. Наличие яркой цветовой гаммы в праздничной одежде участников заонежских бесед позволило Р. Б. Калашниковой сделать следующие выводы: *«Вся цветовая гамма использованных глубоких красок, прежде всего красного, голубого, зеленого, желтого, представляла символикой именно свадебной обрядности, готовности девушки и юноши к браку»* [4: 78].

В исполнительской терминологии песни, которые звучали на этих собраниях, обозначались как *«рöштво сыланкывьяс»* (рождественские песни): *«Тайö рöштвонад чукöртчисны да рöштво сыланкывьястö сылисны»*¹³ (Это в рождество собирались и рождественские песни

пели¹⁴). Добавим, что это обозначение не приурочено строго к Рождеству: исполнители включают игровые песни в репертуар любого времени года, называя их «рождественскими» [15: 74]. По словам исполнительниц, эти песни входили в репертуар молодежи, их пели, *«когда были молодье. Вот с пятнадцати лет, но и докуда замуж не выйдёшь»*¹⁵. По замечанию Н. И. Дукарт, у некоторых групп коми бытовал определенный круг песен (в основном плясовых), исполняемых только в Святки. В Прилузье, как отмечает исследовательница, такой песней стала *«Пивовар, пивовар молодой»* [3: 93]¹⁶.

Практически все песни, входящие в лужский игровой репертуар, по нашим наблюдениям, были усвоены из русских традиций. Как отмечает Г. С. Савельева, проблема игровых хороводных песен «тесно связана с проблемой фольклорных заимствований, которые во многом определили специфику как песенного фольклора коми в целом, так и игрового в частности. Севернорусский песенно-игровой фольклор, воспринятый вместе с основными формами праздничного поведения, стал органичной составляющей всей традиционной культуры коми» [16: 51]. Некоторая часть хороводно-игровых сюжетов лужских коми представляет собой лексически деформированные тексты – «кыдья роч» (букв. – русский с примесью).

Репертуар игрищ на Лузе включал в себя песни игровые, хороводные, хороводно-игровые (исполнялись в кругу и в хороводе «ряд на ряд» («воча-воча» – букв. «навстречу-навстречу»)). Кроме того, зафиксированы песни с припеванием пар. В данной статье не рассматриваются плясовые песни лужских коми («йöктан сыланкыв»), поскольку у нас нет достаточных сведений об их функциональной приуроченности.

К собственно хороводным нами отнесена песня «Собирались девушки да собирались красную», которая выявлена в единственном варианте в с. Чёрныш¹⁷. Близкие варианты из русских традиций позволили условно отнести ее к наборному хороводу. Текст строится на мотивах «девушки собирались в круг», «свекор-батюшка не прелесть». Песня демонстрирует «противостояние» двух сторон: с одной стороны, желание девушек погулять («собирались девушки да собирай своя девновой круг»), с другой стороны, образ свекра-батюшки, который запрещает гуляние. Отметим, что этот запрет реализуется в тексте через оригинальное словосочетание, характеризующее свекра: «секар-батюшко не прелесть». Контрастность в песне подчеркивается также через появление образа батюшки («каково была батюшко, таково же лютая секарö»). Мотив «девушки собирались в круг» сближает лужскую песню с вариантом из нижевычегодской традиции¹⁸.

В лужских записях выделяются игровые песни, исполнявшиеся в хороводах двух разновидностей: линейных и круговых.

При разыгрывании хоровода «ряд на ряд» («воча-воча») девушки становились двумя шеренгами друг напротив друга и поочередно подходили друг к другу. При этом в шеренги вставляли не в хаотичном порядке, а по голосам: «*Став парадн султб. Отигас отиг ряд, мөдорас тадзи. Сэсса вед гөлөсүд оз артмы, так на выбор. Коді ешө пөрысьджык ныльяссы, так на выбор. Выберитөнө: тэ татчы султ, тэ этчы султ. Или мөдорад колө этчы султны, сэтчы султ*»¹⁹ (Все встают по парам. В одном месте ряд и в другом также. Потом ведь голос не получится, так на выбор. Кто еще постарше из девушек, так на выбор. Выбирают: ты сюда становись, ты туда вставай. Или в другое место надо сюда встать, туда встань).

Хоровод «ряд на ряд» в исполнительской терминологии обозначался как «*радөн ветлыны*» (ходить рядами), «*воча-воча ветламө*» (ходим ряд на ряд), а также использовались русские слова, такие как «пласты» и «ширинки». Заметим, что слова «пласты» и «ширинки» употреблялись лишь в русскоязычных репортажах²⁰, когда собирателю, который не владел коми языком, исполнительницы пытались объяснить разыгрывание песни. Нами не были найдены близкие наименования этим хороводам в русских традициях. Возможно, слово «ширинки» возникло в речи информанта по аналогии с русским словом «шеренги». В местной традиции, таким образом, выработалась своя терминология для характеристики русскоязычных песенных текстов. Данный тип хоровода сопровождался песнями «Пөкөди да пөпляши» (Походи да попляши), «Каковой у вас доброй молодец да жениче?» (Каково у нас добрый молодец да женится?).

Песня «Пөкөди да пөпляши» (Походи да попляши), по словам исполнительниц, звучала второй на рождественских играх²¹. В ФА СГУ имеются лишь записи-пробы и упоминания этой песни²² из с. Объячево и д. Керос Объячевского с/с.

Песня была связана с возвратно-наступательными движениями, кроме того, предполагала поцелуйное завершение: «*Там тоже ширинка стоит, и тут девушки. Одинаково всё одето. Тадзи, тадзи. Вот кутчысьөнө, да сьылөнө, да йөктөнө* (Так, так. Вот держатся, и поют, и пляшут). *Поют, а потом обратно, потом обратно вот так. Очень хорошо. Ну ширинка-то, но какой комната. Сколько там девушки. В одну сторону девушки и другая*»²³; «*Ешө йөктитырийи тайө колө сьылны. Воча ставыс, кызь морт. Ся радын, гашик, дас вит морт, может, кызь морт. Да сямьд ешө воча, тадзи воча. <...> Воча-воча, радөн. Кык радьс. Отиг рад и мөд рад. Сэсса воча-воча ветлам. Сэсса нин менө кольельөнө тадзи. Сэсса первойсяныс окасыныс заводитчө сямь отиг морт. Көтшас ешө нывкаясөс сувтөдөнө, том нывкаясөс. Нывкаясөс и быть окал, окалөнө. Комын мортөс мукөд том мортыс сямь ритнас окалөнө, комын мортөс*»²⁴ (Еще приплясывая надо исполнять эту песню. Все [становятся] в ряд,

20 человек. В этом ряду, может быть, 15 человек, может, 20 человек. Да им напротив еще ряд, так вот ряд. <...> Ряд на ряд, рядом. Два ряда. Один ряд и второй ряд. Потом ряд на ряд ходим. Потом уже меня провожают так. Потом, начиная с первого, начинает целовать это один человек. К порогу еще девочек ставят, молоденькие девочки. Девочек и надо целовать, целуют. Тридцать человек некоторые молодые люди в этот вечер перецелуют, тридцать человек»²⁵; «*Сэсса весь народыд, коді желайтө, окасыны колө кыскыны, став йөзсө колө сьылөдны. Сямь сьылөдигад колө мөд мотив, мотивыс колө мөд*»²⁶ (Потом весь народ, кто желает, целоваться надо тянуть, всех людей надо припеть. При этом припевании надо другой мотив, мотив надо другой). Отметим, что самими исполнительницами осознается, что припевание осуществлялось на другой мотив. Добавим, что символическое «переjuvenивание» молодых людей со всеми присутствующими девушками – постоянная тема многих посиделочных игр [11: 72].

Несмотря на «размытый» в смысловом отношении текст, в нем отчетливо выделяются образы мужа, который не боится жены («төда не боюся жены»), и замужней женщины, которая не страшится своего свекра («төда не боюся жены да от того свекөра»). В песне просматривается тема разгульности, снятия запретов, что являлось характерной чертой для молодежных собраний. Кроме того, в тексте вычлениаются детали одежды («куни бөрья пуговики», «плетен шөлкөвөе»), что можно связать с раскрытием мотива величия молодцу. В песне развиваются призывы к движению, пляске, что связывает содержание текстов с действиями участников.

По сообщению исполнителей из сел Объячево и Читаево, третьей в хороводно-игровом комплексе звучала песня «Кругом-ко кругом да сөкөла летела». Текст песни зафиксирован лишь в отрывке: «Кругом-ко кругом да сөкөла летела, // Радөсь пө радөсь, солнце катетью...»²⁷. Возможно, это фрагмент хороводной игры, в которой юноша-сокол выбирает невесту. Близкий вариант, выявленный нами в традиции Архангельской области, имел зачин «Кругом кругом да солнце катилось, // Рядом рядом бояра все едут» [9: № 274]. Участники двигались по кругу: «*Да, потом кругом. Там сидят мужики, но кавалеры да что да. И мы им напоём, сьылөдам* (припоём). [Мужикам потом поете?] *Да, мужики сидят они. Мужики-то ведь сидят. "Кругом кругом да сокола летит, сокола летит". Ой, кузь сямь песнясы. Йөктан толькө, йөктан. Старбьасыд сьылөнө, йөктөнө, а ми видзөдам* (Ой, длинная это песня. Пляшем только, пляшем. Старые поют, пляшут, а мы смотрим) <...> *Парней вызываем. Там парни поют и некоторые*»²⁸.

При исполнении песни «Каковой у вас доброй молодец да жениче?» (Каково у вас добрый молодец да женится?), известной в разных селах Лузы²⁹, девушки вставляли рядами («пластами»)

и величали молодого человека³⁰: «Один ряд стоят, тут второй ряд стоят. Запевают, первой-то запевалки, потом повторяют»³¹; «Они, значит, встанут все в одинаковых сарафанах. В одну сторону и другую, друг против друга, ряд. Человек 10 в одну сторону и другую человек 10. И я только помню это, приплясывают и идут: “Каково у вас доброй, доброй молодец да женичей”. И обратно они отходят. А другие опять приплясывают, к ним идут: “А у нас-то женичей да молодичкой”»³². Заметим, что коми исполнительницы осознанно воспроизводят содержание песни: «Парень, с головы до ног одевают, женика, вот это пели в Рождество. [А какого парня, любого?]. Нет, вообще, там в песне идет, так просто. Сперва волосы кудреватая, ся рубашкой одевают, потом желёткой. До ног, до сапога, до портянки всё это одевают жениха. Мы соберёмся и вот так поём. <...> Раньше всё время пели, я еще девочкой маленькой была. Ходила, надо учиться нарочно»³³. В то же время указывалось, что количество участников в каждом ряду должно быть четным.

Текст песни обыгрывал тему «женитьба добра молодца». Его содержание связано с описанием внешности жениха: волос и одежды. Заметим, что образ кудрей («вёлсöй кудриватые») – знак готовности молодого человека к женитьбе. Общую последовательность описания молодца можно представить следующим образом: сначала описываются волосы молодца, а затем даются детали одежды. Всего из ФА СГУ нами выявлено 3 варианта данной песни из сел Объячево и Чёрныш³⁴, а также зафиксированы записи пробы и упоминания о ней³⁵. Описание одежды молодца в текстах варьируется. Так, среди общих деталей одежды в тексте присутствуют следующие элементы: **рубашка** («рубашки бумажные», «рубашкой Ольёксандровской» (Александровская)), **штаны** («штаничöй плисöвöй» (плисовые), «штаничеки да суконные»), **пояс** («поясöй да лендочкой», «пöячöй ёсьтöн кыём» (вязанный спицами), «поясöй нывъяслөн сетöма» (подаренный девушками), «пояски да солдатские»), **сапоги** («сапичей вытяжной» (вытяжные)), **шапка** («шапичöй сөбöлиновöй» (соболиная), «шапкачей круглой саратовской» (круглая саратовская)), **рукавицы** («рукавичöй шеретöвöй», «рукавичкöй ёсьтöн кыёма» (вязанные спицами)), **портянки** («портянки да суконные», «пöртянки калин бумажной»). Кроме того, в текстах встречаются такие детали, как **жилетка** («желётки да машинаөн вурöмөн» (шитая на машине)), **пиджак** («пиньшачи да магазинское» (из магазина)), **шабурка**³⁶ («шабуркой»), **галстук** («галстукöй ёсьтöн кыёма» (вязанный спицами)), **сюртук** («сюртучöй суконной» (суконный)), **чулки** («чулöчöй горечкöй»), **зипун** («зипунöй нижнегоречкöй» (нижегородский?)), **кушак** («кушачей красной борской» (красноборский?))³⁷.

По словам исполнительниц, после этой песни молодец, которого опедали, должен был целовать девушек³⁸.

Заметим, что вопросно-ответное построение сближает эту песню с русской песней «Бояра», которая строится на диалоге бояр и княгинь, а также включает описание внешности молодого человека³⁹.

К круговым хороводам мы отнесли песни «Расколися, N, на четыре грани», «По тискам я дубöвöй, дубöвöй» (По тискам я дубовой, дубовой). Они были связаны с выбором пары, содержали поцелуйную формулу – в конце песни паре необходимо было поцеловаться.

Песня «Расколися, N, на четыре грани» выявлена в 14 вариантах из д. Пожмадор Объячевского с/с и с. Объячево, а также упоминания о ней в некоторых интервью⁴⁰. Отдельные ее мотивы встречаются в сюжетах из русских традиций, в частности мотив приготовления постели (перины, подушки) [9: № 277]⁴¹. В целом сюжет популярен в Прилузье⁴².

При исполнении песни сначала припевали («сьылöдисны») девушку, которая находилась внутри круга:

Рёсколися, Марьюшка, да на четыре гранной,
Ок, ты любишь чужой грöш да тово душ Иванöй.
Стелю, стелю перина да стелю пукöвöй я,
Стелю, стелю пöдушечка, стелю пукöвöй я,
Кому дарю я платочек, тово поцелую⁴³.

После величания девушка подходила к молодому человеку, давала ему платок и целовала его. Данный момент поддерживался и на уровне текста: «Кому дарю я платочек, того поцелую». Один из образов, вокруг которого концентрируется действие, – это образ постели («Стелю, стелю перина да стелю пукöвöй я, // Стелю, стелю пöдушечка, стелю пукöвöй я»). Эта песня могла исполняться и для молодого человека. В этом случае в тексте возникает дополнительный мотив поиска жены. Тот, кого вызывали, плясал в кругу⁴⁴. Кроме того, мы можем наблюдать замену слова «гранной» на слово «бранной»:

Расколися, Иванушко, на четыре бранной, ...
Надö жену молодую, надö бöяриню,
Кому дарю я платочек, тово поцелую⁴⁵.

Отметим, что лужские слова «гранной» и «бранной» в русских вариантах этой песни звучат как «части»: «Расколися, сырой дуб, на четыре части!»⁴⁶

С опорой на близкие варианты из русских традиций к разряду хороводно-игровых мы отнесли несколько сюжетов. Так, в песне «Солнышко, да не стой высоко»⁴⁷ описываются жалобы-обращения девушки к отцу («почём пива не варишь дай замуж не даёшь»), к матери («почём пирог не пекла дай замуж не даёшь»), к сестре («забрал сестрица да забрал сестрица»). Исполнительницы добавляют, что текст этим не заканчивается – в нем появляются образы брата, крестного и крестной, к которым девушка также обращается с сетованиями об отказе в замужестве⁴⁸.

В эту же группу мы включили песню «Еще царю, по еще царю»⁴⁹, текст которой был выявлен

нами только в ФА СГУ. В тексте песни «опознается» сюжет поиска царевичем своей невесты, довольно широко распространенный в русских традициях⁵⁰. Отчетливо «считываются» образы царя, короля, но в целом невнятно передается сюжет поиска и нахождения невесты, образа которой не возникает. Образ города, вокруг которого ходит царевич, в лузской песне оформляется словами «ёна вед гөрöда, ёна вед широка».

Еще царю, пö еще царю,
Сон ю, мимо ю,
Королю ю, мимо ю.
Ёна вед гөрöда,
Ёна вед широка.

Мотив нахождения невесты реализуется в тексте словами «восыскачö» (возможно, русское «сыскал»), «поставлю в середине базара», «в середине широкого базара»:

Поставлю, поставлю
В середине базара,
В середине широкого базара.
Пöтез королю,
Восыскачö, восыскачö,
Да пöтерь сысарья⁵¹,
Да пöтери королю.
Черною, дрею на
Ношульскöй да базаровскöй⁵².

В песне появляются оригинальные детали: широкий базар, ношульский базар, король. Добавим, что малопонятное *ю* в лузском игровом тексте встретилось нам в плясовой песне «С кандалы ты ю дали»:

С кандалы ты ю дали,
Да ю да лы ты седалы,
Как нога ты седалы.
Ю не штук,
Двенадцать штук.
Ю ехали-переехали⁵³.

Возможно, для исполнителей слово *ю* имело определенное значение или они заменяли им другие слова, которые не удалось усвоить. Можно также предположить, что *ю* осмысливается исполнителями как пространственный образ, поскольку с коми языка это слово переводится как «река».

К рождественскому репертуару относится также песня «Пö шу морею да юсь по морю»⁵⁴. Она зафиксирована в четырех вариантах в с. Объячево и д. Пожмадор Объячевского с/с, а также в с. Чёрныш и не сопровождается сведениями о разыгрывании. В песне просматривается мотив встречи девушки и юноши, дается деталь одежды молодца (шапка соболиная). Финальный мотив песни – девушка сначала не кланяется, а потом кладет поклон молодцу. Близких вариантов в русских традициях нами не обнаружено. Возможно, здесь мы можем говорить о творческой обработке известного сюжета «Уж по морю синему» с мотивами «молодец убивает лебедь»,

«девушка собирает перья на подушку»⁵⁵. В песне «Пö шу морею да юсь по морю» привлекает внимание многократное нанизывание одних и тех же формул: «юсь по морю», «морею да синему», «едет сёды да доброй, доброй молодеч», «на нем шапка, шапка соболиновой» и др. Возможно, не усвоив известный русский сюжет «Уж по морю синему» целиком и выделив лишь отдельные образы, прилузские певицы создали свою оригинальную версию этого сюжета.

Припевание пар как одна из разновидностей игровых форм молодежной женитьбы было также характерно и для лузских молодежных собраний. Припевки в коми традиции имели устойчивое название *сьылöдчан* – «припевание». Основным признаком данной группы песенно-игрового фольклора является название по имени-отчеству молодца и девушки [1: 9], [8: 89]. Всего в ФА СГУ нами выявлена одна индивидуальная припевка в д. Керос Объячевского с/с, которая исполнялась на русском языке для девушки:

Светланушкай, любö,
Да Васильёвнай милö,
Ой, прия тебе любö,
Прия тебе корошо⁵⁶.

Таким образом, в Фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина нами выявлены хороводные, игровые, хороводно-игровые песни лузских коми, а также одна припевка. Основными местами записи послужили несколько поселений, среди которых лидируют села Объячево и Чёрныш. Тексты, записанные в 1990-е – 2000-е годы, представлены в основном в виде фрагментов, пересказов песен, номинальных фиксаций (на уровне воспоминаний о тексте в одной-двух строках). Если сравнить архивные материалы ФА СГУ и Научного архива Коми научного центра, то можно сказать, что записи ФА СГУ скромнее, в нем выявлено небольшое количество песенных сюжетов. Это связано, скорее всего, с поздней по времени фиксацией репертуара. Вместе с тем выявлены песенные сюжеты, которые встретились только в ФА СГУ. Ценность также представляют комментарии о характере исполнения песен и их приуроченности, поскольку они позволяют реконструировать сценарий молодежных игрищ.

Практически весь корпус произведений был заимствован из русского фольклора. Особенно много совпадений наблюдается с репертуаром Архангельской и Кировской областей, непосредственно граничащих с Прилузским районом. Исследование песенно-игрового репертуара лузских коми довольно перспективно в плане наблюдения за языковыми искажениями, кроме того, дает ценный материал при изучении других локальных традиций.

* Работа выполнена при поддержке Республики Коми и Российского фонда фундаментальных исследований: грант РФФИ и Правительства Республики Коми, № 17-14-11001а(р) «Русский песенный фольклор в коми традициях: системное описание и изучение (на материалах Фольклорного архива СГУ)».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Безусловно, возможно и более дробное выделение локальных очагов на территории Прилузья, см.: [2: 62], [21: 229].
- ² Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. С. 139.
- ³ О летской фольклорной традиции см.: [5].
- ⁴ О лужской лирике см.: [13].
- ⁵ См.: [22: 9–10].
- ⁶ Наиболее ранние записи лужского песенно-игрового репертуара были сделаны сотрудниками Коми филиала АН СССР в 1960 и 1963 годах: Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (далее – НА Коми НЦ). Ф. 1. Оп. 11. Д. 211 «а»; Ф. 1. Оп. 11. Д. 226.
- ⁷ ФА СГУ. РФ 13-VI-5, 7.
- ⁸ ФА СГУ. 1350-24, 1352-3, 1354-32.
- ⁹ ФА СГУ. 1348-4.
- ¹⁰ ФА СГУ. 1373-20б.
- ¹¹ ФА СГУ. 13110-58.
- ¹² ФА СГУ. 1350-24, 13103-19.
- ¹³ ФА СГУ. 1316.
- ¹⁴ Здесь и далее в тексте переводы с коми языка выполнены автором статьи.
- ¹⁵ ФА СГУ. 1373-20б.
- ¹⁶ К сожалению, Н. И. Дукарт не приводит текст этой песни.
- ¹⁷ ФА СГУ 1331-33, 36: с. Чёрныш.
- ¹⁸ ФА СГУ. 0811-16, 0817-2, 0831-6.
- ¹⁹ ФА СГУ. 1354-32.
- ²⁰ ФА СГУ. 1348-8, 11; 1373-23.
- ²¹ ФА СГУ. 1373-23.
- ²² ФА СГУ. АФ 1354-19, 29, 33, 33а, 35а (Пр.); АФ 1373 (дубль 13105-5)-20, 20а (Пр.).
- ²³ ФА СГУ. 1373-23.
- ²⁴ ФА СГУ. 1354-33а.
- ²⁵ Можно предположить, что, как в некоторых русских традициях, начинали целовать с маленьких девочек.
- ²⁶ ФА СГУ. 1354-29а.
- ²⁷ ФА СГУ. АФ 1373-18 (= 13105-8) (Фр.): с. Объячево.
- ²⁸ ФА СГУ. 1373-23, 24.
- ²⁹ ФА СГУ. АФ 1331-18: с. Чёрныш; АФ 1348-3; 1373 (= 13105-1, 2)-17, 17а; 13103-17, 18, 27: с. Объячево; АФ 13110-58: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская.
- ³⁰ Руководитель народного хора с. Объячево Е. В. Галева (1918 г. р.) добавила некоторые «нововведения» в исполнение этой песни и, в частности, появление корзины при описании одежды молодца: «Это на нем все одето. Если его нет, у них все в корзине. Они показывают. Когда поют, каждый друг к другу приплясывая подходит. Подходит, а потом шагом отходит. Приплясывая подходит, а шагом отходит. Отходит, не пляшет, просто шагом. [А если здесь этот молодой человек?] А он ничего. Он стоит или сидит. На нем не показывают» (ФА СГУ. 13103-27а); ««Каково» – в Рождество пели, это тоже без гармошки. Стояли друг против друга, парни сидели, не участвовали. Иногда сажали: одна сторона женщин садит вперед парня, чтобы показать, какой у нас жених. По несколько человек, по 5, скажем» (ФА СГУ. 1349-24).
- ³¹ ФА СГУ. 13103-17а.
- ³² ФА СГУ. 13110-58.
- ³³ ФА СГУ. 1348-3а.
- ³⁴ ФА СГУ. 1331-18, 13103-18, 27.
- ³⁵ ФА СГУ. 1348-3, 13105-1, 2, 13110-58.
- ³⁶ Исполнительница прокомментировала как пальто.
- ³⁷ Отметим, что в тексте из Научного архива Коми научного центра кроме деталей одежды упоминается также походка молодца, которая названа московской и купеческой («походка мѡсковскѡй да купечикѡй»): НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 293.
- ³⁸ ФА СГУ. 1348-11.
- ³⁹ Мотивы и подборка русских вариантов текста в кн.: [11: 177–182].
- ⁴⁰ ФА СГУ. АФ 1348-5, 5а, 5б, 7; 1354-11, 12; 1373-18 (= 13105-3, 3а, 4а); 13103-29, 30, 35, 36, 36а; 13104-12, 12а.
- ⁴¹ См. также: Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб.: Государственная тип., 1902. Т. 7. № 524–530.
- ⁴² Он был выявлен также в Научном архиве Коми научного центра (НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 198: с. Читаево, 1963 год) и архиве Национального музея Республики Коми (НМ РК. КП 12493. Л. 83: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1927 год).
- ⁴³ ФА СГУ. 1354-11.
- ⁴⁴ ФА СГУ. 1348-6, 11. Е. В. Галева, руководитель народного хора, добавила, что величание предварял игровой элемент: брали корзинку с предметами, кто вытаскивал кольцо, того величали: «Тая ичѡтик дозторас эм и тшунькытш, эм и лента, эм и гребенка, эм и помада. Бѡрйѡ нывьяс, бѡрйѡ нывьяс, асьыныд шудтѡ корсьѡ» (ФА СГУ. 1349-25) (В этой небольшой корзине есть и кольцо, и лента, и гребенка, и помада. Выбирайте, девушки, выбирайте, девушки, свое счастье ищите). Если нет кольца, берут платок: «Кодлы сюрас вот тайѡ платокыс, сѡялѡ мѡдам сьылѡдны» (ФА СГУ. 1349-25) (Кому достанется вот этот платок, его будем величать).
- ⁴⁵ ФА СГУ. 1354-12.
- ⁴⁶ Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб.: Государственная тип., 1898. Т. 4. № 120.
- ⁴⁷ ФА СГУ. АФ 1331-32.
- ⁴⁸ Добавим, что еще один вариант этой песни был выявлен в Научном архиве Коми научного центра. В тексте песни из с. Ношуль реализуется единственный мотив сетования на батюшку за отказ в замужестве.
- ⁴⁹ ФА СГУ. РФ 13-VI-7.
- ⁵⁰ Хороводная игра с символикой свадьбы «Царев сын, королев» проанализирована в книге И. А. Морозова, И. С. Слепцовой: [12: 415–418].
- ⁵¹ В оригинале (это рукописная запись) – Сысарья. Возможно: «сы сарья», «сарья» – от «царь».

⁵² ФА СГУ. РФ 13-VI-7.⁵³ ФА СГУ. РФ 13-VI-12.⁵⁴ ФА СГУ. РФ 13-VI-5; АФ 1331-25; АФ 13104-2; АФ 13163-15.⁵⁵ В Лузском районе Кировской области песня разыгрывалась следующим образом: «Она хороводна. Забирает круг девчат. Вот и ходят, поют. В середине круга девушка ходит и машет “крыльями” (руками) и два пацаненка идут за ней. Приходит парень. Эти уходят – парень убил их: в ладоши схлопнул. Выходит девушка. Она перья собирает, а парень ей в лицо сзади старается заглянуть. Она отворачивается, тогда он ей грозит. Она повернется, возьмет за руку и ходят во кругу»: Вятский фольклор. Народный календарь / Сост. А. А. Иванова. Котельнич, 1995. С. 147.⁵⁶ ФА СГУ. 1354-30. Отметим, что близкий вариант припевки из архива Национального музея Республики Коми был также зафиксирован в Объячевском с/с, но с обращением к молодому человеку: НМ РК. КП 12493. Л. 83.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в Усть-Цильме поют: традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент. А. Н. Власов, З. Н. Бильчук, Т. С. Канева. СПб.: Инка, 1992. 224 с.
2. Власов А. Н., Канева Т. С. Фольклорные традиции Европейского Северо-Востока России: полевые исследования СыктГУ // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. С. 60–73.
3. Дукарт Н. И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 91–103 (Труды ИЯЛИ. Вып. 20).
4. Калашникова Р. Б. Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 142 с.
5. Канева Т. С. Краеведческие материалы П. Г. Сухогозова в контексте изучения фольклорной традиции села Прокляевка Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: Сборник научных статей. М.: ГРЦРФ, 2008. Вып. 11. С. 260–266.
6. Канева Т. С. Песенно-игровой фольклор // Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (материалы к Своду русского фольклора) / Сост., подгот. текстов, статьи и комментарии А. Н. Власова, Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной; Отв. ред. А. Н. Власов. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 139–153.
7. Канева Т. С. Усть-цилемская «горка» и «горочный» фольклор (песенный репертуар в хороводно-игровом комплексе) // Фольклор: текст и контекст: Сборник статей. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 90–107.
8. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 284 с.
9. Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л.: Наука, 1973. 324 с.
10. Макашина Т. С., Фролова А. В., Тучина Т. А. Календарные и семейные праздники Русского Севера. М.: Звезда и крест, 2011. 260 с.
11. Морозов И. А. Женильба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женильбы». М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
12. Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.
13. Мусанова С. С. Русские лирические необрядовые песни лузских коми // Традиционная культура: Научный альманах. 2016. № 1. С. 85–98.
14. Савельева Г. С. Песенно-игровая традиция Выми: рождественские игрища Княжпогостского района // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения: Сборник научных трудов к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2006. С. 94–113.
15. Савельева Г. С. Песенно-игровой фольклор // Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986–1991 гг.): Исследования и материалы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1995. С. 74–108.
16. Савельева Г. С. Поэтика фольклорных заимствований: коми припевочные песни // Традиционная культура: Научный альманах. 2007. № 4. С. 51–60.
17. Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.
18. Фролова А. В. Русский праздник. Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века. М.: Феория, 2010. 152 с.
19. Швецова В. А. Пирилейки беломорских карелов: традиционный жанр на стыке двух культур // «PAX SONORIS»: Научный журнал. Астрахань: Полиграфком, 2013. Вып. VII. С. 35–39.
20. Швецова В. А., Лебедева О. В. Пирилейки беломорских карелов: проблемы терминологии и функционирования // Пирилейки Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2014. С. 3–7.
21. Шевченко Е. А. Отражение взаимодействия культур в структуре и семантике свадебного обряда (на материале лузской и прилузской традиции) // Слово и текст: история, культура, этнос: Сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 229–237.
22. Шевченко Е. А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010. 288 с.

Musanova S. S., Komi Republican Institute of Education Development (Syktyvkar, Russian Federation)

RUSSIAN SONG AND GAME REPERTOIRE OF LUZA KOMI

The article is concerned with the song and the game repertoire of Luza Komi. The collection was found in the Folklore archive of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. The studied micro local tradition of the Priluzskiy district of the Komi Republic covers an extensive territory with several groups of settlements in the Lusa River basin (inflow of the river South). The songs were recorded in several settlements, which earlier belonged to Lalsky and later to Ust-Sysolsky County of the Vologda Province. As a result of folklore expeditions and research practices of the employees and students of Syktyvkar State University 10 song and game plots in 40 recorded variants and more than 30 descriptions of the youth meetings were recorded. Practically, the whole song

and game repertoire of Luza Komi has developed from Russian traditions. The repertoire included game songs, singing and dancing in a ring, (songs and games were executed in a circle and in a round dance «a row on a row»). At the end of the expedition a small amount of song plots was revealed: among them were some unique songs unknown to other archives. The registration of the texts took place a long time afterwards (1990–2000) and as a result many of them are presented in the form of fragments, songs' narrations, and nominal fixation (at the level of recollection of one or two song lines).

Key words: archive, song and game folklore, variant, tradition

REFERENCES

1. In Ust'-Tsil'ma they sing: traditional song and game folklore of Ust'-Tsil'ma. St. Petersburg, 1992. 224 p. (In Russ.)
2. Vlasov A. N., Kaneva T. S. Folklore traditions of the European North-East of Russia: field studies of Syktyvkar State University. *Current problems of field folklore studies: Collection of scientific works*. Syktyvkar, 2008. P. 60–73. (In Russ.)
3. Dukart N. I. Late Christmas rituals of the Komi of the late XIX – early XX centuries. *Traditional culture and life of the people of the Komi*. Syktyvkar, 1978. P. 91–103. (In Russ.)
4. Kalashnikova R. B. Besyodas and besyoda songs of Zaonezhye in the second half of the XIX century. Petrozavodsk, 1999. 142 p. (In Russ.)
5. Kaneva T. S. Local history materials of PG Sukhoguzov in the context of studying the folklore tradition of the village Prokopievka of the Komi Republic. *Slavic traditional culture and modern world. The personality in folklore: performer, master, collector; researcher. Collection of scientific articles*. Moscow, 2008. Issue 11. P. 260–266. (In Russ.)
6. Kaneva T. S. Song and game folklore. *Musical and poetic folklore of the lower Vychegda (materials to the Arch of the Russian folklore)*. St. Petersburg, 2014. P. 139–153. (In Russ.)
7. Kaneva T. S. Ust-tsil'msky "hill" and "hump" folklore (the song repertoire in a round and game complex). *Folklore: text and context: Collection of articles*. Moscow, 2010. P. 90–107. (In Russ.)
8. Kolpakova N. P. Russian folk everyday song. Moscow, Leningrad, 1962. 284 p. (In Russ.)
9. Lyrics of the Russian wedding. Leningrad, 1973. 324 p. (In Russ.)
10. Makashina T. S., Frolova A. V., Tuchina T. A. Calendar and family holidays of the Russian North. Moscow, 2011. 260 p. (In Russ.)
11. Morozov I. A. Marriage of the good young man. The origin and typology of traditional youth entertainment with the symbol of "wedding" / "marriage". Moscow, 1998. 352 p. (In Russ.)
12. Morozov I. A., Sleptsova I. S. A circle of the game. Celebrations and games in the life of the North Russian peasant (XIX–XX centuries). Moscow, 2004. 920 p. (In Russ.)
13. Musanova S. S. Russian lyrical non-ritual songs of Luza Komi. *Traditsionnaya kul'tura: Nauchnyy al'manakh*. 2016. No 1. P. 85–98. (In Russ.)
14. Savel'eva G. S. The song and game tradition of Vymi: Christmas merrymakings of Knyazhpogostsky district. *National culture of the European North of Russia: regional aspects of studying: The collection of scientific works to the decade of department of folklore and history of the book*. Syktyvkar, 2006. P. 94–113. (In Russ.)
15. Savel'eva G. S. Song and play folklore. *Traditional folklore of Vilegodsky district of Arkhangelsk region (in records of 1986–1991). Research results and materials*. Syktyvkar, 1995. P. 74–108. (In Russ.)
16. Savel'eva G. S. Poetics of folkloric borrowings: Komi pripevochnye songs. *Traditsionnaya kul'tura: Nauchnyy al'manakh*. 2007. No 1. P. 51–60. (In Russ.)
17. Starodubtseva S. V. Russian round dance tradition of the Kamsko-Vyatka interflaves. Izhevsk, 2001. 421 p. (In Russ.)
18. Frolova A. V. Russian holiday. Traditions and innovations in holidays of the Arkhangelsk North XX – the beginnings of the 21st century. Moscow, 2010. 152 p. (In Russ.)
19. Shvetsova V. A. Piirileykki of White Sea Karelians: a traditional genre on a joint of two cultures. «PAX SONORIS»: *Nauchnyy zhurnal*. Astrakhan, 2013. Issue VII. P. 35–39. (In Russ.)
20. Shvetsova V. A., Lebedeva O. V. Piirileykki of White Sea Karelians: problems of terminology and functioning. *Piirileykki of White Sea Karelia*. Petrozavodsk, 2014. P. 3–7. (In Russ.)
21. Shevchenko E. A. Reflection of interaction of cultures in structure and semantics of a wedding ceremony (on material of luzsky and priluzsky tradition). *Word and text: history, culture, ethnos. Collection of scientific works of memory of Lidiya Yakovlevna Petrova*. Syktyvkar, 2009. P. 229–237. (In Russ.)
22. Shevchenko E. A. Wedding ceremony of the Luzsky district of the Kirov region (functional aspects of poetic genres). Syktyvkar, 2010. 288 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.09.2017

ЕВГЕНИЯ ИГОРЕВНА ВИЛКОВА

аспирант, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
gurova90@yandex.ru**О ВОЗМОЖНОМ УЧАСТИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В НАПИСАНИИ
РЕЦЕНЗИИ НА ЖУРНАЛ «УЧИТЕЛЬ»***

Статья посвящена проблеме авторства анонимной рецензии «Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей», опубликованной в № 6 журнала «Время» за 1861 год. Автором рассмотрены существующие гипотезы об ее принадлежности как М. И. Владиславлеву, так и П. А. Кускову или Ф. М. Достоевскому. Цель работы – провести идейно-тематический, стилистический и лингвистический анализ рецензии, дополнив ее сопоставлением с другими текстами упомянутых авторов. На основе проведенного анализа был сделан вывод о том, что автором рецензии на журнал «Учитель» не мог быть Владиславлев; высказана гипотеза о том, что текст рецензии принадлежит Кускову, однако в нем можно обнаружить редакторскую правку Достоевского, а также несколько приписанных им от лица редакции «Времени» фрагментов, прежде всего выделяющихся своей полемичностью и использованием редакторского «мы».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, П. А. Кусков, М. И. Владиславлев, «Учитель», атрибуция, «Время», анонимная статья

В 2014 году вышла статья А. Н. Першкиной «Анонимные тексты в журнале “Время”: опыт атрибуции» [18], в которой выдвинуты гипотезы, в некоторых случаях совершенно новые, относительно авторства 26 статей журнала. Они основаны на сведениях из приходно-расходного журнала Достоевских, ранее привлекавшегося к анализу Б. В. Томашевским¹, В. С. Нечаевой [16], [17], В. Н. Захаровым². В частности, Першкина полагает, что анонимная статья «Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей» («Время». 1861. № 6. С. 185–200) не могла быть написана М. И. Владиславлевым. Ранее на основании следующей записи в приходно-расходном журнале, сделанной 26 июня 1861 года: «За критику в 6 № “Времени” получил 70 р. Михаил Владиславлев»³, его авторство предположила Нечаева: «Вероятно, это оплата за № 120 и 121 (по росписи)» [17: 238, 263], то есть за упомянутую статью и предшествующую ей в том же номере рецензию «Энциклопедический словарь, изданный русскими учеными и литераторами. Т. I. СПб., 1861». Однако 70 рублей за оба текста, полагает Першкина, слишком маленький гонорар даже для начинающего автора, а за одного «Учителя...» вознаграждение получается чересчур большим. Гонорару же за «Энциклопедический словарь...», по ее расчетам, эта сумма вполне соответствует [18: 151]. При этом она допускает, что статью мог написать Ф. М. Достоевский.

Остальные аргументы исследовательницы таковы: «Для Владиславлева не характерен и стиль: рецензия бойкая, почти фельетонного характера вещь, написанная легко, без излишних повторов; тут много личных воспоминаний, психологических и игровых пассажей. <...> Кроме того, есть указания на некоторые факты биографии авто-

ра, не соответствующие тому, что происходило в жизни самого Владиславлева. Автор сообщает, что 10 лет назад он вращался в образованном обществе, потом был отрезан от него, а недавно вернулся. Владиславлев, родившийся в 1840 году, не мог про себя такого сказать. Говорится, что автор посещал воскресную школу и почти самостоятельно учил французский язык. В статье часто упоминается Гоголь; есть несколько речевых ошибок, вроде “убедюсь”» [18: 152–153].

Стиль статьи действительно не характерен для Владиславлева: его статьи – довольно сухие, строгие, аналитические, в них нет отвлеченных рассуждений. Например, в упомянутой статье «Энциклопедический словарь...» он последовательно и методично рассматривает преимущества и недостатки нового издания. К тому же Владиславлев не писал фельетоны, а рецензия на журнал «Учитель» очень близка этому жанру публицистики.

К сожалению, в работе Першкиной совершенно не учтено то, что в академическом «Полном собрании сочинений» Достоевского в 30 томах (далее ПСС) статья приписана П. А. Кускову [23: 250–251], [24: 418]. Аргументы для такой атрибуции в издании не представлены, но, вероятно, основанием для нее послужила стилистическая близость статей «Учитель...» и «Вместо фельетона» («Время». 1861. № 5). Последняя статья первоначально была атрибутирована Достоевскому О. ф. Шульцем³, затем эту гипотезу оспорил Б. В. Томашевский⁴, а позже В. А. Туниманов [23: 350] назвал автором статьи Кускова на основании обнаруженной в тексте прямой отсылки к предыдущему его фельетону «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов» («Время». 1861. № 4). На сегодняшний день существует еще одна атрибуция статьи «Вместо фельетона»:

по мнению В. Н. Захарова, «в фельетоне П. А. Кускова имеются развернутые вставки Достоевского со слов: “Во второй книжке “Отечественных записок”, в той самой, из которой мы выписали выше несколько строчек...” до слов: “Зачем же навязывать?”, а также со слов: “Нужен сильный самостоятельный талант...” до слов: “...отношение Дон Кихота к настоящему рыцарству”»⁵. К сожалению, основания для этой атрибуции в издании не приведены.

Авторство молодого, пытавшегося подражать Достоевскому и писать свои фельетоны образно и полемично Кускова представляется нам вполне вероятным. В настоящей статье мы хотим попытаться установить степень возможного участия Достоевского при подготовке к печати этой статьи как ее редактора. Ведь в тексте есть фрагменты, которые отмечены явными чертами, присущими его стилю. Например, это отрывок, насыщенный риторическими вопросами (один излюбленных для Достоевского приемов усиления полемики) и отмеченный некоторым налетом почвенничества: «По мнению журнала “Учитель”, нужно прежде всего познакомить учеников с предметами, ежеминутно ими видимыми, да на этом, пожалуй, и кончить. **Как так? Это, чтобы мужик, наш добрый, любопытный мужик, удовольствовался какими-то жалкими извержениями наших познаний?** (здесь и далее полужирным выделено мною. – Е. В.) Мне кажется, ему прежде всего нужно рассказать о том, чего он не видал никогда: это пробудит его фантазию, а фантазия пробудит и понимание всего того, что он видит. Всякое короткое знакомство с предметом убивает фантазию, делает ее невозможной. **Из-за чего же мы уьем человеческую фантазию какую-нибудь чумичкою или какими-нибудь онучами?**»⁶

Здесь мы видим «полемическое нагнетание риторических вопросов, которые аналитически разлагают предмет дискуссии на составляющие, формально не требуют ответа, но последовательным вопрошанием подсказывают ответ», что, по мнению В. Н. Захарова, характерно для публицистики Достоевского [13: 226]. Для Кускова же цепочки риторических вопросов – прием редкий и нехарактерный. Среди всех его прозаических текстов, опубликованных во «Времени», нами было обнаружено лишь три случая использования этого приема. В статье «Некоторые размышления...»⁷ употребление Кусковым цепочки риторических вопросов выглядит как неудачное подражание стилю Достоевского: сложные конструкции, многословие, повторы только запутывают мысль автора, а не служат для ее прояснения. Это, в свою очередь, снижает полемичность фрагмента, таким образом, эффект, которого добивался Достоевский, Кусковым не достигнут. В своем «Письме к “Русскому вестнику”»⁸ молодой сотрудник использует этот прием

уже гораздо лучше: ряд вопросов действительно усиливает полемику, но то, как Кусков перескакивает с одной темы (сила «Русского вестника») на другую (поэзия Полонского), выдает начинающего журналиста. Напомним: для Достоевского характерно «последовательное вопрошание» [13: 226], проясняющее мысль автора, а здесь мы видим, скорее, несколько придинок к «Русскому вестнику», высказанных в форме риторических вопросов и объединенных в один абзац. Третий случай употребления Кусковым цепочки риторических вопросов обнаружен нами в «Повести об одном сумасшедшем поэте»⁹, но целью автора здесь является усиление не полемического, а драматического эффекта, так что приводить этот пример мы не будем. Таким образом, насыщенные риторическими вопросами фрагменты в статье «Учитель» вряд ли могут принадлежать Кускову, в то время как стилистике Достоевского они соответствуют.

Вернемся к приведенному выше фрагменту из статьи «Учитель...». Как справедливо отметила Першкина, он близок статье «Книжность и грамотность»¹⁰ из цикла «Ряд статей о русской литературе», где автор разбирает «Читальник» Щербины не только по стилистическим особенностям, но и по мысли: «Взгляд на проблемы образования, выраженный в рецензии на “Учителя”, вполне соответствует известной позиции редакции: это, в частности, требование “не давить на ребенка”, и главное – особенное внимание к народному образованию. “Учитель” утверждал, что с мужиком надо говорить только о том, что входит в ограниченную сферу его повседневного опыта. Автор “Времени”, напротив, призывает пробуждать фантазию человека из народа. Это очень похоже на то, что позднее будет говорить Достоевский в статье “Книжность и грамотность”, разбирая “Читальник” Н. Ф. Щербины» [18: 152–153]. Эта же идея была высказана автором статьи «Вместо фельетона»¹¹, притом именно в той части, которая в «Полном собрании сочинений» под редакцией В. Н. Захарова приписана Достоевскому¹²; а также в статье «Противоречия и увлечения “Времени”»¹³, автором которой Л. П. Гроссман¹⁴, Б. В. Томашевский¹⁵ и редколлегия ПСС [24: 417] склонны считать Достоевского (однако для этого ими не найдены достаточные основания, поэтому в ПСС статья размещена в разделе Dubia). В. Н. Захаровым же «Противоречия и увлечения “Времени”» включены в основной корпус публицистики Достоевского «на основании идейно-тематических и стилистических признаков, подтвержденных многоаспектным лингвостатистическим анализом, в том числе на основании всех признанных методик определения авторства»¹⁶. Таким образом, одна и та же мысль о необходимости заинтересовать, увлечь ученика, а не толковать ему о давно знакомых предметах проходит сквозь

разбор «Учителя» и через еще три названные статьи «Времени», к написанию которых был причастен Достоевский.

Отдельно отметим использование автором статьи «Учитель...» слова «чумичка»: «Из-за чего же мы убьем человеческую фантазию какою-нибудь **чумичкою** или какими-нибудь онучами?»¹⁷ В повести «Дядюшкин сон» (<1859>) Достоевский шесть раз использует это редкое слово: «...князю необходима женитьба, конечно, не на этой **чумичке** Настасье»; «Эта **чумичка** Настасья прибегает ко мне испуганная...»; «Я у вас **чумичка**, я нищая...»; «Я покажу вам обеим, какова я **чумичка!**»; «Ишь! ни одного креста ведь не выслужил, **чумичка** ты этакая»; «Кресты, матушка, начальство дает, а я советник, а не **чумичка**» (3: 321, 323, 332, 360)¹⁸. Кроме того, «чумичка» один раз встречается в «Селе Степанчикове...» и дважды – в «Преступлении и наказании» (3: 294, 299). Аргоизм «чумичка» означает «половник», «поварешку» и только в переносном смысле – «грязнулю», «замарашку»¹⁹. Маловероятно, что молодой Владиславлев с его несколько «ученым» стилем или начинающий фельетонист Кусков могли бы его использовать. В строгих статьях Владиславлева нет художественных фрагментов, в которых допустимы были бы аргоизмы, а Кусков более тяготеет к высокопарной книжной лексике, чем к просторечию. Изучив все опубликованные во «Времени» прозаические тексты последнего, мы нашли сниженную просторечную лексику лишь в одном отрывке: в речи барина из статьи «Вместо фельетона» есть слова «тузить» и «оттузить»²⁰. На наш взгляд, этому может быть два объяснения. С одной стороны, нам кажется, что слово «тузить» все же более общепотребимо, чем «чумичка», и потому Кусков мог его использовать. С другой – известно, что статья «Вместо фельетона» подвергалась редактуре Достоевского²¹, и нельзя исключать возможность того, что речь барина была им подправлена.

Итак, по нашему мнению, использование аргоизма «чумичка» может быть расценено как дополнительное свидетельство того, что к написанию рассмотренного фрагмента был причастен Достоевский.

Еще одна стилистическая особенность, отмеченная ранее В. Н. Захаровым [13: 226] и упомянутая А. Н. Першкиной [18: 153], это свободное использование редакторского «мы», что типично для текстов, которые Достоевский писал или редактировал: «...и **мы**, как только узнали по нескольким статьям этих знаменитых людей, участвующих в «Учителе», так тотчас перестали читать сей добродушный старосветский журнал, решившись, на основании этих авторитетов, зажмуря глаза рекомендовать его публике. // И **мы** рекомендуем этот журнал...»²²; «Также все, что говорится в журнале «Учитель» о народной школе, кажется **нам** совершенно неудобоприменимым на русской поч-

ве»²³; «**Мы** от журнала «Учитель» именно и ожидали этого. **Мы** ожидали от него прежде всего мемуаров, серьезных, честных, без блесок...»²⁴.

Как верно заметила Першкина, «такое прямое выражение отношения редакции «Времени» к другим журналам можно встретить преимущественно в текстах ведущих сотрудников либо в статьях, в которые редакторы вносили исправления» [18: 152]. При этом в начале статьи повествование ведется от лица героя-рассказчика, и естественным выглядит авторское «я». Однако затем характеристика Мишеля оказывается символическим портретом журнала «Учитель», и там, где «Время» вступает в полемику с ним, появляется редакторское «мы». Возможно, после случая с «Некоторыми размышлениями...», на которые набросился с критикой «Русский вестник», посчитавший автором статьи самого Достоевского, ему, как редактору, приходилось тщательно следить за текстами молодых сотрудников.

Отдельно хотелось бы сказать о Дон Кихоте – важной для Достоевского фигуре, занимающей особое место в разборе «Учителя». В статье «Вместо фельетона», в том фрагменте, который атрибутирован В. Н. Захаровым Достоевскому, автор высказал следующую мысль: «Как мы смеялись над этим бедным рыцарем-самозванцем; и вот так мы теперь являемся новыми самозванцами-рыцарями, рыцарями науки! – Никто не почувствовал героя новейшего времени: он не Обломов, не Рудин; он **тот же самый старый наш друг Дон Кихот, только помешанный не на рыцарстве, а на просвещении**, и отношение его к этому просвещению то же самое, что отношение Дон Кихота к настоящему рыцарству»²⁵.

Ту же мысль видим и в «Учителе...», где «**Дон Кихотом в юбке**» названа мать Мишеля, которая, воспитывая сына, «делала глупости прямо от теплоты сердечной, прямо от торопливой горячности»²⁶, а далее в донкихотстве обвиняется сам журнал: «Совсем в другом положении находится наш «Учитель»: его никто не заставлял, его ничто не вызывало: он сам вышел, и **вышел прямо с убеждениями этой бедной матери** и со взглядами ее несчастного сына, перешедшими к сему последнему, вероятно, тоже от его родительницы. И он хочет, чтобы все поступали так, а не иначе. Но сколько смешного добродушия, **сколько чистосердечного донкихотства встречается также точно на его страницах!**»²⁷

Само упоминание Дон Кихота до некоторой степени является «маркером критики и публицистики Достоевского»²⁸. Термин «маркер критики и публицистики» означает, что слово не только часто встречается в творчестве писателя, но особенно характерно именно для его журнальных статей. Мы уже писали о том, что словари авторского языка можно использовать как дополнительное лингвистическое средство атрибуции [8: 35], и теперь хотим показать это на практике.

В рассматриваемой статье Дон Кихот не только упомянут: журнал «Учитель» даже изображен здесь через аллгорию этого персонажа Сервантеса: «Но случалось ли вам замечать, что иногда самая честная истина бывает смешна; и, выписывая это, я вижу того, кто говорит это: он сидит на тощей и безобидной флегме-лошади, щиплющей под ногами траву; в руках его длинное копьё и железный щит; честные, исхудалые ноги его, никогда не ходившие задними путями, чуть не касаются земли, и спокойное, **важно-доверчивое** лицо говорит ясно, что оно не знакомо ни с какими окольными, задними дорогами, и потому не знает, как можно не последовать такому доброму совету, когда он, кажется, совершенно ясен и прост»²⁹.

Кстати сказать, Достоевскому было свойственно использовать слово «важный» в значении «исполненный достоинства, горделиво-величавый, надменный, величавый»³⁰ для характеристики персонажей. Кроме того, в его текстах «важный» часто употребляется в составном сложном слове³¹, например: «Потом с **важно-благосклонно**, то есть чисто мусульманскою улыбкою <...> обратились ко мне...» (4: 54), «Помню, в первом часу пополудни я зашел тогда на площадь; толпа была молчалива и лица **важно-угрюмые**» (10: 253). В нашем случае объединились сразу два типичных для Достоевского словоупотребления.

В статье «Книжность и грамотность» Достоевский ссылался на рисунки с последних страниц журнала «Учитель»: «А то смотри: и игры-то у тебя какие неблагонравные. Вот, я слышал, ты еще до сих пор в бабки играешь, а я тебе вот журнал “Учитель” принес; посмотри, какие здесь все благонравные и поучительные игры: вот уточки нарисованы, – видишь, плавают? а вот подписана и загадка: плавало на воде пять уточек, охотник выстрелил, трех убил, много ль из пяти останется? ну вот ты и угадай, милое дитя... то бишь, милый мужичек, – чем в бабки-то играть»³². Как отметил еще В. А. Туниманов [23: 250–251], на них же ранее обратил особое внимание автор «Учителя...»: «Но в журнале “Учитель” заметно необычайное стремление приблизить российский народ к **немецкому началу**; он для этого на последних своих страничках не ленится даже рисовать целые ряды шляп, удочек, **уточек**, кувшинчиков, в разном количестве, для наглядного обучения арифметике, и Бог знает на какие хитрости поднимается он для развития в детях мысли»³³. При этом «Читальник» Щербины также обвиняется в статье Достоевского «Книжность и грамотность» в излишне «немецком» подходе к просвещению (например: «К чему смущать народ инфузориями? К чему прежде времени все эти **тайны немецкой науки**?») или «...такое необычайное, неслыханное происшествие совершенно не в привычках и не в нравах народа: это **что-то чудовищно немецкое**»³⁴. Есть

критика такого подхода и в приписываемой Достоевскому статье «Противоречия и увлечения “Времени”» [24]. С учетом всего этого упоминание уточек, на наш взгляд, можно расценивать не только как подхваченную Достоевским мысль Кускова, но и иначе: Достоевский мог сам дописать в кусковской статье этот фрагмент, а затем вернуться в «Книжности и грамотности» не к чужой, а к собственной мысли.

В разборе «Учителя» обращает на себя внимание то, как автор высмеивает формальный подход к знанию: «молитву можно разделить на три разряда: на молитву механическую... логическую... и эстетическую»³⁵; «все человеческие лица можно разделить на три категории...»³⁶; «Вообще, матерей можно разделить на три разряда...»³⁷; «Это происходит, как я заметил, от трех причин...»³⁸ и др. Нечто подобное мы видим в «Книжности и грамотности», где на протяжении всей статьи высмеивается структура «Читальника», в котором отделы расположены так, «чтоб один отдел выпускал из себя второй, а второй – третий...»³⁹. Меняется тема обсуждения, но автор постоянно возвращается в статье «Учитель...» к «трем типам вещей и явлений», а в «Книжности и грамотности» к «отделам, вытекающим из предыдущих и испускающим из себя следующие». Таким образом, в структуре этих двух статей обнаруживается общая черта: редкие, но регулярные повторы высмеиваемых особенностей изданий, которым посвящены разборы.

«Учитель...» логично встраивается в линию статей о народном образовании: идеи, намеченные в статье «Вместо фельетона», здесь осмысляются заново и полностью выражаются уже в «Книжности и грамотности», а затем проясняются и уточняются в «Противоречиях и увлечениях...». Если предположить, что и в статье «Вместо фельетона», и в «Учителе» Достоевский принимал то или иное участие, то редакторская работа над ними могла помочь ему написать затем развернутый материал на тему образования.

Не позднее 20-х чисел июня 1861 года Достоевским оставлена в записной книжке следующая заметка: «Непременно разборы: “Читальник”...»⁴⁰. Нижняя дата этой записи не установлена. Возможно, она сделана в самом начале июня, когда работа над шестым номером еще продолжалась (цензурное разрешение на его выход получено 22 июня). Эта запись подчеркивает интерес Достоевского как к «разборам», к которым относится и статья «Учитель...», так и к проблеме воспитания и народного образования, которая затрагивается в статьях «Вместо фельетона», «Противоречия и увлечения...» и, собственно, в «Книжности и грамотности». Учитывая идейно-тематические переклички между некоторыми фрагментами статей «Вместо фельетона», «Учитель...», «Книжность и грамотность» и «Противоречия и увлечения...»,

можно предположить, что две первых послужили своего рода импульсом для написания двух последующих.

Итак, в статье «Учитель...» есть ряд особенностей, которые свидетельствуют как минимум о редакторской правке Достоевского. Особенно много характерных для Достоевского черт обнаружено в следующих фрагментах: «Вообще же у журнала “Учитель” всего ярче замечаются три сотрудника: знаменитый Дон-Кихот ламанчский, всеми уважаемый Афанасий Иванович Товстогуб и наш новый знакомый Мишель, полного имени которого разоблачить я не получил еще права. Всему миру известны однако же их педагогические способности, и мы, как только узнали по нескольким статьям этих знаменитых людей, участвующих в “Учителе”, так тотчас перестали читать сей добродушный старосветский журнал, решившись, на основании этих авторитетов, замуря глаза рекомендовать его публике.

И мы рекомендуем этот журнал, и боимся только, что к г. Мишелю публика не имеет еще достаточного доверия, так как он все же человек новый»⁴¹, «Также все, что говорится в журнале “Учитель” о народной школе, кажется нам совершенно неудобоприменимым на нашей русской почве. По мнению журнала “Учитель”, нужно прежде всего познакомить учеников с предметами, ежеминутно ими видимыми, да на этом, пожалуй, и кончить. Как так? Это чтобы мужик, наш добрый, любопытный мужик, удовольствовался какими-то жалкими извержениями наших познаний? Мне кажется, ему прежде всего нужно рассказать о том, чего он не видал никогда: это пробудит его фантазию, а фантазия пробудит и понимание всего того, что он видит. Всякое короткое знакомство с предметом убивает фантазию, делает ее невозможной. Из-за чего же мы уьем человеческую фантазию какой-нибудь чумичкою или какими-нибудь онучами?»⁴².

«Но, в журнале “Учитель” заметно необычайное стремление приблизить российский народ к немецкому началу; он для этого на последних своих страничках не ленится даже рисовать це-

лые ряды шляп, удочек, уточек, кувшинчиков, в разном количестве, для наглядного обучения арифметике, и Бог знает на какие хитрости поднимается он для развития в детях мысли»⁴³.

«Мы от журнала “Учитель” именно и ожидали этого. Мы ожидали от него прежде всего мемуаров, серьезных, честных, без блесков: все даровитейшие люди приняли бы тогда в этом участие. А сколько готовых статей из иностранных литератур: каждый гений, каждый талант оставил кое-что о детстве своем; а политические люди, а вдохновенные романы и повести? Неужели гг. Паульсон и Вессель думают, что в их нравоучительных повестях больше смысла и важности, нежели напр. в исповеди Жан-Жака Руссо, в рассказах Гейне о своем детстве, в серьезных уголовных процессах, где всегда добираются адвокаты и судьи до детства, ища в нем обвинения или оправдания подсудимому? Но какой-то школьный дух царит у нас во всем, и никому в голову “Серьезных мыслей не приходит”.

Все является каким-то слабым, доморощенным, так что читаешь и смеешься, а потом грустно делается. Дети какие-то толкуют обо всем: все хитрят, в свои силы не веря, боясь насмешки, не веря в публику, думая, что ее все-таки поднадуть надо; что она не поймет хорошего; что для нее лучше похуже.

Да и сами-то себя надувают. Каждый журнал начинается с объявления, “что в публике-де чувствуется потребность и т. д., или так называемый пробел”. Оставьте вы публику в покое. Публика прежде всего чувствует потребность в том, чтобы ей служили только чувствующие в себе потребность служить ей; а потом, чтобы каждый служил ей именно тем делом, служба которому составляет так же точно неминуемую потребность собственной души его; другими словами, для службы публике требуется кое-что еще, кроме усердия»⁴⁴.

Таким образом, проанализировав статью и сравнив ее с другими текстами Достоевского, Владиславлева и Кускова, мы можем предположить, что перед нами – фельетон Кускова с развернутыми вставками Достоевского.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Томашевский Б. В. Достоевский редактор // Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений. Т. 13. М.; Л.: Государственное изд-во, 1930. С. 559–614.
- ² Достоевский Ф. М. ПСС: Издание в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты. Т. 5. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. 925 с.
- ³ Schoultz O. von. Ein Dostojewskij-Fund. Helsingfors: Helsingfors Centraltryckeri, 1924. P. 8.
- ⁴ Томашевский Б. В. Указ. соч. С. 610.
- ⁵ Достоевский Ф. М. ПСС: Издание в авт. орфографии и пунктуации... С. 852.
- ⁶ Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей // Время. 1861. № 6. С. 198.
- ⁷ Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов // Время. 1861. № 4. С. 143.
- ⁸ Кусков П. А. Письмо П. А. Кускова к Русскому вестнику // Время. 1861. № 7. С. 60–61.
- ⁹ Кусков П. А. Повесть об одном сумасшедшем поэте // Время. 1861. № 5. С. 244.
- ¹⁰ [Достоевский Ф. М.] Ряд статей о русской литературе. IV. Книжность и грамотность. Статья вторая // Время. 1861. № 8. С. 91–130.
- ¹¹ Место фельетона // Время. 1861. № 5. С. 1–14.

- ¹² Достоевский Ф. М. ПСС: Издание в авт. орфографии и пунктуации... С. 852.
- ¹³ Противоречия и увлечения «Времени» // *Время*. 1861. № 8. С. 135–142.
- ¹⁴ Гроссман Л. П. Комментарии. Дополнения: Забытые и неизвестные страницы // Достоевский Ф. М. ПСС: В 23 т. Т. 22. Пг.: Просвещение, 1918. С. XXV.
- ¹⁵ Томашевский Б. В. Достоевский редактор... С. 611.
- ¹⁶ Достоевский Ф. М. ПСС: Издание в авт. орфографии и пунктуации... С. 767.
- ¹⁷ Учитель. Журнал для наставников... С. 198.
- ¹⁸ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.
- ¹⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М.: Тов. М. О. Вольф, 1903. С. 1377, 1476.
- ²⁰ Вместо фельетона. С. 1.
- ²¹ Достоевский Ф. М. ПСС: Издание в авт. орфографии и пунктуации... С. 852.
- ²² Учитель. Журнал для наставников... С. 195.
- ²³ Там же. С. 198.
- ²⁴ Там же. С. 199–200.
- ²⁵ Вместо фельетона. С. 12.
- ²⁶ Учитель. Журнал для наставников... С. 189.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Статистический словарь языка Достоевского / Под ред. А. Я. Шайкевича, В. М. Андриющенко, Н. А. Ребецкой. М.: ЯСК, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cfrl.ruslang.ru/dost_cd0/dostoevski.htm (дата обращения 17.10.2017).
- ²⁹ Учитель. Журнал для наставников... С. 190.
- ³⁰ Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий / Гл. ред.: чл.-кор. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008–... Т. 1. С. 386.
- ³¹ Там же. С. 386.
- ³² [Достоевский Ф. М.] Ряд статей о русской литературе. IV. Книжность и грамотность. Статья вторая. С. 119.
- ³³ Учитель. Журнал для наставников... С. 199.
- ³⁴ [Достоевский Ф. М.] Ряд статей о русской литературе. IV. Книжность и грамотность. Статья вторая. С. 114, 121.
- ³⁵ Учитель. Журнал для наставников... С. 187.
- ³⁶ Там же. С. 188.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ [Достоевский Ф. М.] Ряд статей о русской литературе. IV. Книжность и грамотность. Статья вторая. С. 126.
- ⁴⁰ Достоевский Ф. М. Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 154.
- ⁴¹ Учитель. Журнал для наставников... С. 195–196.
- ⁴² Там же. С. 198.
- ⁴³ Там же. С. 199.
- ⁴⁴ Там же. С. 199–200.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь. СПб.: Алетейя: РНБ, 2001. Т. 1 (А–К). 576 с. Т. 2 (Л–Я). 544 с.
- Викторович В. А. К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 7. Л.: Наука, 1987. С. 197–200.
- Викторович В. А. Между «Бесами» и «Подростком»: журнализм как творчество // Достоевский и журнализм. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 129–142.
- Викторович В. А. Не стыдиться быть гражданином // Достоевский Ф. М. ПСС: В 18 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 2004. С. 609–622.
- Викторович В. А. Ф. М. Достоевский. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. (атрибуция и научный комментарий В. Викторовича) // Знамя. 1996. № 11. С. 153–155.
- Виноградов В. В. Из анонимного фельетонного наследия Достоевского // Виноградов В. В. Исследования по поэтике и стилистике. Л.: Наука, 1972. С. 185–211.
- Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Худож. лит., 1961. 614 с.
- Гурова Е. И. Методики атрибуции авторства в современной отечественной филологии // Новый филологический вестник. 2016. № 3 (38). С. 29–42.
- Жилякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск: Изд-во ТГУ, 1989. 272 с.
- Захаров В. Н. Вопрос об А. С. Хомякове в журнале братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Т. 1. М.: ЯСК, 2007. С. 305–320.
- Захаров В. Н. Гениальный фельетонист // Достоевский Ф. М. ПСС: Канон. тексты. Т. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 801–822.
- Захаров В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. ПСС: Канон. тексты. Т. 5. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 695–712.
- Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
- Захаров В. Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 3–17.
- Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 363 с.
- Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 320 с.
- Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 304 с.
- Першкина А. Н. Анонимные тексты в журнале «Время»: опыт атрибуции // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2014. № 1. С. 146–163.
- Песоцкая С. А. Гейне и Достоевский // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. С. 115–131.
- Сюйян М. Кавказский мотив в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского: сквозь призму полемики с М. Ю. Лермонтовым // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: язык и специальность. 2017. № 3 (в печати).
- Туниманов В. А. Творчество Достоевского, 1854–1862. Л.: Наука, 1980. 294 с.

22. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь: к теории пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198–226.
23. Фридлендер Г. М. [и др.] Примечания // Достоевский Ф. М. ПСС: В 30 т. Т. 19. Л.: Наука, 1979. С. 228–354.
24. Фридлендер Г. М. [и др.] Примечания // Достоевский Ф. М. ПСС: В 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 267–429.

Vilkova E. I., Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)

ON THE POSSIBLE INVOLVEMENT OF F. M. DOSTOYEVSKY IN WRITING THE REVIEW OF THE MAGAZINE “UCHITEL”

The article is concerned with the problem of authorship of the anonymous review under the title “Uchitel”. The magazine for mentors, parents and everybody who wants to deal with children upbringing and education”, which was published in the 6th edition of the magazine “Vremia” in 1861. The author analyzes existing hypothesis on the authorship of this review, whether it belongs to the pen of M. Vladislavlev, P. Kuskov, or F. Dostoyevsky. The purpose of the work is to conduct the ideological-thematic, stylistic and linguistic analysis of the review and to complete it by comparing this review with other texts of the above mentioned authors. On the basis of this study an assumption was made that Vladislavlev could not be the author of the review on the magazine “Uchitel”. In addition, in this work we hypothesize that the text of the review belongs to Kuskov, however, it is possible to detect editorial corrections carried out by Dostoyevsky and some fragmented notes written on behalf of the journal “Vremia”. The notes are, primarily, characterized by their polemical tone and the free usage of the editorial “we”.

Key words: F. Dostoyevsky, P. Kuskov, M. Vladislavlev, “Uchitel”, attribution, “Vremia”, anonymous article

REFERENCES

1. Belov S. V. F. M. Dostoyevsky and his surroundings. St. Petersburg, 2001. 2 vols. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. To the history of one of the ads in “Grazhdanin” 1873 yr. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. 1987. Vol. 7. Leningrad, 1987. P. 197–200. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. Between “The Possessed” and “A Raw Youth”: journalism like creativity. *Dostoevskii i zhurnalizm*. St. Petersburg, 2013. P. 129–142. (In Russ.)
4. Viktorovich V. A. Not ashamed to be a citizen. *Dostoevskii F. M. Polnoe sobraie sochineniy*. In 18 vols. Vol. 11. Moscow, 2004. P. 609–622. (In Russ.)
5. Viktorovich V. A. F. M. Dostoyevsky. New attributed articles of 1872–1874 (attribution and academic comments by V. Viktorovich). *Znamya*. 1996. No 11. P. 153–155. (In Russ.)
6. Vinogradov V. V. From the anonymous feuilleton legacy of Dostoyevsky. *Issledovaniya po poetike i stilistike*. Leningrad, 1972. P. 185–211. (In Russ.)
7. Vinogradov V. V. The problems of authorship and the theory of style. Moscow, 1961. 614 p. (In Russ.)
8. Gurova E. I. Methods of authorship attribution in modern Russian philology. *Novyy filologicheskii vestnik*. 2016. No 3 (38). P. 29–42. (In Russ.)
9. Zhiliakova E. M. Sentimentalism traditions in the early works of Dostoyevsky. Tomsk, 1989. 272 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. The question about A. S. Khomiakov in the brothers F. M. and M. M. Dostoyevsky magazine “Vremia”. *A. S. Khomyakov – myslitel’, poet, publitsist*. Vol. 1. Moscow, 2007. P. 305–320. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. Outstanding feuilletonist. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty*. Vol. 4. Petrozavodsk, 2000. P. 801–822. (In Russ.)
12. Zakharov V. N. Ideas of “Vremia”, works of “Epokha”. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty*. Vol. 5. Petrozavodsk, 2004. P. 695–712. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The name of the author – Dostoyevsky. Outline of works. Moscow, 2013. 456 p. (In Russ.)
14. Zakharov V. N. About the status of editorial articles in Dostoyevsky’s periodical. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 2017. No 1. P. 3–17. (In Russ.)
15. Kibal’nik S. A. Problems of Dostoyevsky’s intertextual poetics. St. Petersburg, 2013. 363 p. (In Russ.)
16. Nechaeva V. S. Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh “Vremia”, 1861–1863. Moscow, 1972. 320 p. (In Russ.)
17. Nechaeva V. S. Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh “Epokha”. 1864–1865. Moscow, 1975. 304 p. (In Russ.)
18. Pershkina A. N. Anonymous texts in the magazine “Vremia”: experience of attribution. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 9: Philology. 2014. No 1. P. 146–163. (In Russ.)
19. Pesotskaya S. A. Heine and Dostoyevsky. *Problemy metoda i zhanra*. Tomsk, 1991. P. 115–131. (In Russ.)
20. Siuian M. Caucasian motif in F. Dostoyevsky’s “The house of the Dead”: through the prism of polemics with M. Lermontov. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya*. 2017. No 3. (In Russ.)
21. Tunimantov V. A. Works of Dostoyevsky, 1854–1862. Leningrad, 1980. 294 p. (In Russ.)
22. Tynianov Iu. N. Dostoyevsky and Gogol: to the theory of parody. Tynianov Iu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moscow, 1977. P. 198–226. (In Russ.)
23. Fridlender G. M. Comments. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy*: In 30 vols. Vol. 19. Leningrad, 1979. P. 228–354. (In Russ.)
24. Fridlender G. M. Comments. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy*: In 30 vols. Vol. 27. Leningrad, 1979. P. 267–429. (In Russ.)

Поступила в редакцию 18.10.2017

ИЛЬЯС РУСТЭМОВИЧ ГИМАДЕЕВ

аспирант кафедры классической филологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
eliasgimad@mail.ru

НАЗВАНИЯ РЫБ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (на примере поэзии Горация)

Объектом исследования стали термины, обозначающие рыб, упомянутых Горацием. Предметом работы является комплексный анализ слов *scarus*, *rhombus*, *passer*, *acipenser*, *mullus*, *lupus*, *muraena*, *thynnus* и сопоставление их с биологическими видами, принятыми в современной таксономии. Новизна подобного рода анализа, на стыке филологии и биологии, обусловлена отсутствием какой-либо специальной литературы о рыбах у Горация в отечественной и зарубежной литературе. Комплексно до настоящего времени изучался только гастрономический опыт поэта в целом. Актуальность обусловлена тем фактом, что латинская кулинарная лексика, описывающая виды рыб, – малоизученный раздел латинского словаря. Наименования рыб, описанных в классической латинской литературе, не ассоциируются у современного читателя с конкретным видом, из-за чего мы плохо представляем себе античную ихтиофауну или неверно истолковываем те или иные названия. Подобное недопонимание сильно затрудняет чтение латинских писателей и работу с эпиграфическим материалом. С быстрым развитием в XX–XXI веках биологической науки появилось множество нового материала, который до сих пор мало использовался в классических штудиях, а накопление знаний о терминах, обозначающих виды рыб, делает проблему систематического описания данной лексики актуальной. Иллюстративный материал помогает представить стол богатого современника Горация. Исследование дополняет комментаторскую традицию, которая почти не уделяла внимания морским обитателям.

Ключевые слова: Гораций, рыба, скар, ромб, камбала, осетр, барабулька, лаврак, мурена, тунец

Многочисленны и разнообразны морские обитатели: *in piscibus dissimilis muraena lupus, is soleae, haec merulae¹ et mustelae* (Varr. l. L. IX 113)², отчего наименования рыб часто трудно отождествить с тем или иным известным нам биологическим видом и тем самым представить в подробностях описываемые у Горация рыбные яства. Упоминаемые им *scarus*, *rhombus*, *passer*, *acipenser*, *mullus*, *lupus*, *muraena*, *thynnus* представляли мало интереса для комментаторов, которые ограничивались краткими пояснениями. Мы попытаемся отождествить и описать упоминаемых Горацием рыб на основе всей совокупности имеющихся источников³.

Scarus⁴

Лат. *scarus* (гр. σκάρος⁵) – небольшая (30–50 см) рыба: средиземноморский попугай (*Sparisoma cretense* Linnaeus), морской попугай или средиземноморская лора⁶.

Хотя в Италии скар долго оставался неизвестен, в других областях античного мира его почитали за деликатес. Он водился у берегов Крита и близ Киклад, а также в Карпатском море, между Критом и Родосом (Plin. n. h. IX 62), но не заходил севернее мыса Лект в Мисии, отсутствовал в заливе близ города Пирры на Лесбосе (Arist. HA 621b). Колумелла (VIII 16, 9), родившийся примерно через 12 лет после смерти Горация, замечает, что скар обитает у побережий Малой

Азии, Греции и вплоть до Сицилии. В Иберийском море его ловят редко, а в Лигурийском – никогда. Лукиан (hist. conscr. 28) сообщает об уловах у берегов Северной Африки. Хвалили также скар (Archest. 41⁷) в Эфесе. Энний (var. 40 V.) сообщает: *Quid scarum praeterii ce<r>ebrum Iouis paene supremi: / Nestoris ad patriam hic capitur magnusque bonusque⁸*. Афиней дает описание рыбы (VIII 355c).

В Западное Средиземноморье скар был завезен около 50 г. по Р. Х. при императоре Клавдии, по поручению которого префект Мизенского флота Ти. Юлий Опат Понциан перевез его и выпустил в Тирренском море между Остией и побережьем Кампании. Промысел скара был запрещен пять лет, поэтому он распространился к 60–70-м годам, когда разрешили его отлов⁹. С тех пор скар становится деликатесом в Риме. Авл Геллий (VI 16) и Петроний (ар. Masgob. sat. XIX 33) предпочитают скара с Сицилии. Марциал одобряет скара, но некоторое недовольство у него вызывает только его запах (ep. 13, 84). Плиний (n. h. IX 62; XXXII 151) отдает скару первое место. Итак, Италия близко познакомилась с заморской рыбой.

Но вернемся во времена Горация, когда у италийских берегов не ходили косяки скаров. Упомянув *scarus* в epod. II 50 (*scari, siquos Eois intonata fluctibus / hiems ad hoc uertat mare¹⁰*), поэт указывает на важную деталь – в его время

подавали скара, только если тот случайно оказывался в сетях. Следовательно, скар был еще редкой рыбой; даже по прошествии многих лет Петроний, умерший в 66 году, совсем незадолго до распространения скаров в Италии, вторит (Petr. 93, 2, 5–6) Горацию, подтверждая, что эта рыба могла быть только случайным гостем на пире. Также Порфирион (ad l. c.) объясняет, что скары водились только на востоке и едва ли можно было поймать скаров, если их не принесло сильной бурей: *Intellegi uult scaros pisces in orientali mari esse, et difficile fieri, ut circa Italiam capiuntur, nisi quos inde uiolentia tempestatis adduxerit*¹¹. Читая сатиры (II 2, 22), мы уже не сомневаемся в том, что перед нами изысканное угощение, потому что упоминается оно вместе с устрицами (*ostrea*) и белой куропаткой (*lagois*): *tu pulmentaria quaere / sudando: pinguem uitii albumque neque ostrea / nec scarus aut poterit peregrina iuuare lagois*¹².

Rhombus¹³

Rhombus (нар. форма *rumbus*: schol. Cornut. ad Iuu. 4, 34; гр. ῥόμβος¹⁴ или ψῆττα). Встречаются и другие обозначения камбаловидных рыб: *pisces planus, solea*¹⁵ (βούλωσσος), *passer* (στρουθός¹⁶), *citharus* (κίθαρος), ἔσχαρος¹⁷. Насколько точно латинскому термину соответствует гр. ῥόμβος, неизвестно. Афиней (VII 330b) сообщает: Ῥομβαῖοι καλοῦσι τὴν ψῆτταν ῥόμβον [римляне называют «камбалу» ромбом].

Рыба-ромб Горация может соответствовать гладкому ромбу (*Scophthalmus rhombus* Linnaeus) или большому ромбу (*Scophthalmus maximus* = *Psetta maxima* Linnaeus). Оба вида принадлежат к семейству *Scophthalmidae* отряда камбалообразных (*Pleuronectiformes*). У взрослых особей камбалообразных глаза смещены на одну сторону, при этом в Средиземном море не распространены рыбы с глазами на правом боку. *Scophthalmus rhombus* и *Scophthalmus maximus*, наоборот, имеют зрительный орган с левой стороны. *Scophthalmus maximus* достигает метра в длину и веса 25 кг, *Scophthalmus rhombus* – 75 см и 8 кг.

Скорее всего, *rhombus* римляне называли любую камбаловидную рыбу, напоминающую ромб своими очертаниями¹⁸. На такую мысль наводят слова Плиния (n. h. XXXII 146) о том, что кифар¹⁹ есть наилучший вид ромбов. Однако *rhombus* не следует переводить и словом «камбала» (*Pleuronectes platessa* Linnaeus), потому что последняя мало распространена в Средиземноморье и обитает больше на севере²⁰. О размерах ромба стоит упомянуть отдельно. Рыбак, не дерзнув продать или съесть такое диво, приносит в дар огромного ромба Домициану, который созывает государственный совет, потому что ромб был столь велик, что не смогли найти для него подходящего блюда (Iuu. 4, 39 sqq.). Если бы рыбак сам не подарил огромную рыбку цезарю, на него,

скорее всего, донесли бы (Iuu. 4, 48 sq.), рыба-де кормилась в домициановых садках, а потом сбегала, отчего ее нужно вернуть господину (Iuu. 4, 49–52). Похожий образ рисует Марциал, у которого ромб также шире блюда (Mart. XIII 81), а в другой эпиграмме находим строки о разведении домашней рыбы в прудах, благодаря чему даже в бурю стол не скудеет ею (Mart. X 30, 21; cf. Colum. VIII 16, 7; 17, 9).

Гораций упоминает ромба в числе изысканных яств вместе со скарами и моллюсками из Лукринского озера (epod. II 50), вместе с павлином, повторяя свою излюбленную мысль о том, что голодному человеку достаточно простой пищи (sat. I 2, 116). Фунданий, описывая пир у Назидиана, вспоминает, как его потчевали брюшками палтуса и ромба (sat. VIII 29 sq.). Обжорам же, из-за чрезмерного пресыщения деликатесами и, как следствие, расстройства желудка, и кабан, и свежий ромб кажутся протухшими (sat. II 2, 42 sq.). Морские просторы всегда давали пищу ромбам, утверждает поэт (sat. II 2, 48), но в прежние времена римляне довольствовались малым и не стремились к излишества. Ромбам и аистам в своих гнездах ничего не угрожало, пока некий *auctor praetorius* (sat. II 2, 49 sq.) не приучил к ним гастрономов. Псевдоакрон (ad sat. II 2, 50) под *auctor praetorius* понимает либо некоего Азеллия, бывшего претором, который ввел обычай поедать аистов (и, по-видимому, ромбов, хотя прямо схолиаст об этом не говорит), либо, со ссылкой на Порфириона, претора Семпрония Руфа, примеру которого поедать птенцов аистов последовало утонченное общество. В выражении *grandes rhombi* мы находим недвусмысленное подтверждение огромных размеров ромбов, которых выносят на блюдах (sat. II 2, 95). Хозяину, по мнению поэта, должно быть стыдно за подобные излишества, а непомерные цены на таких великанов неизбежно принесут разорение.

Passer²¹

Passer (στρουθός²²) – еще один представитель камбаловидных рыб. Элиан (XIV 3) упоминает рыбу *στρουθός*, которую принято отождествлять с *passer* и переводить «камбала», подразумевая морскую камбалу (*Pleuronectes platessa* Linnaeus). Однако, как было уже отмечено, морская камбала мало распространена в Средиземном море, что доказывают Д. Льеонарт и Г. Фарруджо. Они полагают, что все античные упоминания *passer* и других плохо отождествляемых камбаловидных (к последним никак не относится вполне понятный нам ромб) следует связывать с *Platichthys flesus* Linnaeus, то есть с речной камбалой. *Platichthys flesus* и *Pleuronectes platessa* родственны, но имеют разные повадки, окрас и среду обитания. Речная камбала размножается в море, но обитает большую часть времени в солоноватой или пресной воде, достигая 50 см и 3 кг.

Позволим себе считать passer речной камбалой. Гораций упоминает ее один раз в процитированном месте о подаче рыбных брюшек или потрошков, когда Фунданий, перечисляя Горацию разнообразные блюда, поданные у Назидиана, говорит: cum passeris atque ingustata mihi porrexerit ilia rhombi (sat. II 8, 29)²³. Кисслинг²⁴ метко замечает, что Гораций использует для неиспробованного блюда ἀπαξ λεγόμενον ingustata, что создает красивую игру смыслов.

Acipenser²⁵

Род осетры (Acipenser Linnaeus), насчитывающий 19 видов²⁶, и род белуги (Huso Brandt), представленный собственно белугой и калугой, относятся к семейству осетровых (Acipenseridae Bonaparte) из отряда осетрообразных (Acipenseriformes Berg).

Очень подробно слово acipenser у Плиния комментирует Салмазий²⁷. Старательно разобрав отличительные черты осетровых: sturio²⁸, acipenser, (h)elops, ὄζύρρυχος²⁹, он постарался дать соответствия в греческом языке. Архестрат (Athen. VII 294f) полагает, что родосская акула – это та самая рыба, которую у римлян подают под звуки свирелей в венках, и называет ее ἀκκλήσιος. Однако ему тут же возражают, объясняя, что рыба ἀκκλήσιος меньше, имеет более вытянутый нос и скорее походит на треугольник (Athen. ibid.), при этом самые маленькие рыбки стоят не меньше 1000 аттических драхм. Ссылаясь на грамматика Апиона, Афиной (ibid.) пишет, что ἀκκλήσιος есть то же самое, что ἔλλοψ, последнее соотносится с указаниями авторов на распространение ἔλλοψ близ о. Родос (Plin. IX 169: elops Rhodi; Varr. г. г. II 6 2: helops ad Rhodon), ничего однако не доказывая.

Слово acipenser употребляется очень редко, но при этом всегда о деликатесе, который уже со времен Плавта был хорошо известен (Plaut. fr. Vas.) и считался благородной морской (Plin. n. h. XXXII 145; cf.: Cic. fat. fr. 5) рыбой. Если когонибудь из близких коснулось горе, ему скорее нужно предложить сократическое сочинение, нежели осетра (Cic. Tusc. III 43). В I в. по Р. X. осетр уже не в чести, что вызывает изумление у Плиния Старшего, ведь он так редко встречается (n. h. IX 60), с чем согласен Цицерон, описывая подачу осетра Сципиону (de fat. fr. 5). Марциал употребляет редкую форму acipensis³⁰, предлагая отправлять его на столы богачей, живущих на Палатине, пускай, мол, это редкое подношение послужит украшением амброзийской трапезы (Mart. XIII 91). О сравнении acipenser с (h)elops (ἔλλοψ³¹) Плинием высказываются разные точки зрения. В одном месте мы находим высказывание о том, что некоторые отождествляют двух рыб (Plin. n. h. IX 60), в другом – что данное сравнение недопустимо, так как, согласно Овидию, (h)elops не водится в наших водах (Plin. n. h.

XXXII 153), из чего явствует, что acipenser как раз в водах Средиземного моря был распространен, и это не входит в противоречие со строкой, где Овидий подчеркивает, что осетр особенно распространен в чужих морях (Ou. halieut. 134). Последнее вовсе не обозначает его отсутствия в Средиземноморье.

Считается, что acipenser (ἀκκλήσιος, скорее всего, передача формы acipensis Mart.) – это атлантический осетр (Acipenser sturio Linnaeus) и ему соответствует ἔλλοψ³². Севрюге (Acipenser stellatus Pallas) и другим видам из рода Acipenser, которые обитали и обитают в реках, впадающих в Черное море, соответствует ἀντακάιος, которого солили и отправляли в другие области греческого мира³³.

Гораций, вспоминая времена Луцилия, который громил глашатая Галлония за излишества в еде (Cic. fin. II 8, 25), рассказывает о том, как сервируют осетра: haud ita pridem / Galloni praeconis erat acipensere mensa / infamis (sat. II 2, 47)³⁴. Схолиасты сходятся в том, что Галлоний первым предложил сотрапезникам отведать редкую рыбу. Отождествляя рыбу, упомянутую у Горация, с Acipenser sturio, нужно представлять на столе самого крупного из существующих осетров, длина которого достигала 6 метров. Очень редко в реках Италии также можно встретить адриатического осетра (Acipenser naccarii), а в Адриатическом и Эгейском морях севрюгу (Acipenser stellatus). Последние два вида гораздо меньше, но и они могли присутствовать на римских пиршествах.

Mullus³⁵

Античный mullus – обыкновенная султанка (Mullus barbatus Linnaeus: подвид Mullus barbatus barbatus – рыба длиной 20–30 см весом до 680 г) и средиземноморская султанка (Mullus surmuletus Linnaeus длиной до 40 см и весом до 1 кг)³⁶. Римские писатели почти не различают два вида барабульки, для них самым главным был их размер и место, где она была выловлена. Больше за особенную питательность и особый вкус (Hippocr. Alim. 485 13–17) ценилась крупная рыба, поэтому предполагают, что античную классификацию, основанную на различных вкусовых ощущениях и размере рыбы, можно соотносить с современным разделением у зоологов на Mullus barbatus и Mullus surmuletus³⁷. Все виды барабулек имеют окрас от бледно-розового до оранжевого, при этом, испытывая волнение, они способны усиливать интенсивность цвета (Plin. n. h. IX 66, Sen. nat. quaest. III 18, 4 sq.)³⁸. Овидий, описывая барабульку, называет ее цвет как tenui sanguine (Ou. halieut. 123).

Латинскому mullus соответствует τρίγλη³⁹. Свою популярность у греков рыбка завоевала в эпоху поздней республики и империи⁴⁰. Афиной подробно (Athen. VII 324c–325f) говорит

об этимологии *tríγλη*, описывает ее особенности и повадки.

Римляне часто придавали крупной барабульке большое значение, на что сетует Ювенал, упоминая рыбину за 6000 сестерциев (Iuu. 4, 15 sq.), и дает совет не покупать такую рыбу, когда деньги есть только на пескаря (Iuu. 11, 37: *gobius*). Тиберий вынужден был издать законы против роскоши, когда прослышал о непомерных ценах на коринфские вазы и о трех барабульках, купленных за 30000 сестерциев (Suet. Tib. 34, 1). Непомерные султанки (*immodici mulli*) покрывают золоченые блюда Кандида (Mart. II 43, 11), красоту которых не пристало портить барабулькой меньше двух фунтов (Mart. XIV 97, 1), а Каллиодор продал раба за 12000 сестерциев, чтобы поставить на стол всего-то одну барабульку в четыре фунта (Mart. X 31, 3). При императоре Гае консуляр Азиний Целер истратил 8000⁴¹ сестерциев на одну рыбку (Plin. n.h. IX 68). Нашлись бы горячие головы, готовые выложить 80 фунтов золотом за фантастическую барабульку того же веса, выловленную в Красном море (Plin. n.h. IX 68).

Краснобородка редко вырастает больше двух фунтов даже в садках (Plin. n.h. IX 64; о ее искусственном разведении Mart. X 30, 24)⁴². Более крупные особи встречаются в северо-западной части [Атлантического океана] (Plin., *ibid.*). Хорошо проиллюстрирован известный нам донный образ жизни краснобородки. Она питается водорослями, улитками, тиной и мясом других рыб (Plin., *ibid.*). Краснобородка, питающаяся илом (*lutarius*), и та, что живет у берега, ценится невысоко, но мясо прочих, самых ценных рыбин напоминает по вкусу моллюсков (Plin. n.h. IX 64). Несколько рецептов приготовления барабульки сохранил Апиций: он предлагает жарить ее со спаржей на сковороде со сладкими напитками *passum* и *mulsum* (Apic. IV 2, 22) и готовить разные соусы к ней (Apic. IX 10, 9; X 1, 11 sq.). Не забывает об известном кулинару и Плиний, упоминая его изобретение, *sociorum garum* («союзнический гарум»), в котором следует морить (*pesari*) краснобородок (Plin. n.h. IX 66), и галекс (*ālēs*, (*h*)*allēs*, (*h*)*allex*) из печени этой рыбы⁴³.

Гораций упоминает *trilibrem*⁴⁴ *mullum* (sat. II 2, 34), то есть барабульку весом почти в килограмм, хотя Марциал почтительно за роскошь подать даже двухфунтовую (Mart. III 45, 5; XI 49, 9), упомянув, впрочем, и трехфунтовую (Mart. X 37, 7 sq.), а в другом месте рыбу в четыре фунта (Mart. X 31, 3) как знак непопозволенной роскоши, которая только приводит к болезням (Mart. XI 48, 9). Гораций порицает человеческую глупость и жадность. Прельщенный размерами и ценой султанки старается раздобыть ее, чтобы показать гостям свое богатство, не думая, что вскоре вынужден будет разделить ее на части, хотя мог бы купить лаврака (Hor. sat. II 2, 36), который

гораздо больше, а стоил, по-видимому, дешевле. Излюбленный в Риме деликатес мало интересовал Горация, поэтому *mullus* у него встречается только один раз.

Lupus⁴⁵

Лаврак (*Dicentrarchus labrax* Linnaeus), а именно с ним отождествляют *lupus*, принадлежит к семейству Мороновых (*Moronidae*), роду *Dicentrarchus* (сибас от англ. *sea bass*, морской волк)⁴⁶. Достигает 103 см в длину, вес доходит до 12 кг, но обычно не превышает 50 см.

Греки называли морского волка *λάβραξ*⁴⁷, откуда происходит одно из наших названий. Встречается также *ἀκαρνάν*⁴⁸ (= *ἀκάρναξ*: Hsch.), которую тоже отождествляют с *λάβραξ*. Скорее всего, подразумевается рыба из Акарнании, то есть региональное название лаврака⁴⁹. Сюда же относится форма *ἀχάρνα*, чему в латинском соответствовало *ac(h)arna*⁵⁰, *acernia*⁵¹.

Афиной подробно описывает лаврака (Athen. VII 310e–311e) и приводит мнение Аристотеля о том, что эта хищная рыба нерестится в реках зимой (Arist. HA 543b; cf.: 591a, 610b), что можно соотнести с современными данными: сегодня считается, что *Dicentrarchus labrax* нерестится зимой раз в год, а на юге иногда весной. Рыба обладает не только хорошим вкусом, но и смекалкой, когда речь идет о спасении, поэтому Аристофан называет ее умнейшей из всех рыб (Kock I 543) и считает, что лучших лавраков ловят близ Милета (Aristoph. *equit.* 361 cum schol.), в чем с ним согласен Архестрат (Archestr. H 45 Brandt), а особенно вкусна его голова (Kock I 487; Kock II 204; Lucil. 1176 Marx). Лавраки из Милета явно славились, из-за их прожорливости даже появилось выражение *λάβρακες Μιλήσιοι*, обозначавшее жадных людей. Лавраков принято было подавать целиком, слегка обжарив (Archestr. H 45 Brandt).

Римляне любили больше так называемых *lupi lanati*, то есть «мягких как шерсть» лавраков, за белизну и нежность мяса (Plin. n. h. IX 61). Высоко ценился также лаврак, выловленный между мостами в Риме, что описывает не только Гораций, но и многие другие авторы (cf.: Plin. n. h. IX 169; Macrobian. sat. III 16, 16; Colum. VIII 16), однако у нас нет четкого понимания, о Свайном ли и Фабрициевом мостах идет речь или о Свайном и мосте Цестия (sat. II 2, 31: *unde datum sentis, lupus hic Tiberinus an alto / captus hiet? pontisne inter iactatus an amnis / ostia sub Tusci*⁵²). Титий, современник Луцилия, предвосхищает слова Горация, спрашивая в недоумении, почему предпочитают лаврака (*lupum germanum*), пойманного между двух мостов. Таким образом, обитая возле Тибрского острова, рыба жила совсем недалеко от места, куда выходила *cloaca maxima*, где прекрасно себя чувствовала, поедая нечистоты. Ювенал описывает подачу рыбы, которая разжирила, питаясь в клоаке (Iuu. 5, 104–106).

Гораций продолжает укорять сибаритов, нахваливающих неестественно огромных барабулек в три фунта весом, за которых отдают до 12000 сестерциев⁵³, и пренебрегающих лавраком (sat. II 2, 36: *ducit te species, uideo: quo pertinet ergo / proceros odisse lupos?*⁵⁴), чьи естественные размеры достаточно внушительны, но едва ли привычный местный продукт может так дорого стоить и вызывать восхищение у гостей.

Muraena⁵⁵

В Средиземном море из семейства Muraenidae рода Muraena обитает только европейская мурена (*Muraena helena* Linnaeus)⁵⁶. Достигает 150 см в длину, а вес 6,5 кг, но обычно размеры не превышают 80 см.

Латинское *muraena* заимствовано из греческого *μύραινα*⁵⁷, существовал также термин *fluta*, согласно OLD восходящий к *πλωτή*⁵⁸, которым обозначали самых лучших мурен (Var. г. г. II 6, 2; cf. ap. Macro. III 15, 8; Colum. VIII 17, 8). К Colum. VIII 17, 8 существует чтение *plautas* вм. *flutas*.

Томсон полагает, что под *muraena*, которую разводили в садках, можно понимать миногу, а Хиггинботам, по мнению Дадли, ошибочно понимает под *muraena* угря (англ. eel), который принадлежит к другому роду *Anguilla* Schrank, и дает к слову *muraena*, по его мнению, синонимы – *anguilla* и *conger* (*γόγγυρος*⁵⁹). Этими тремя терминами он обозначает рыбу, которую разводили в прудах, и считает *muraena* наиболее общим словом. Таким образом, согласно Хиггинботаму, словом *muraena* в античности могли обозначать рыб разных семейств отряда Угреобразные⁶⁰, то есть рыб семейства Muraenidae, куда относится европейская мурена; род рыб монотипического семейства (*Anguillidae* Rafinesque) речных угрей (*Anguilla* Schrank) и различных рыб семейства конгеровых, или морских угрей (*Congridae* Kaup), а кроме того, миног (*Petromyzontida* Bonaparte). Хиггинботам даже называет конкретный вид последних (*Petromyzon marinus* Linnaeus). Хотя по античным представлениям для *muraena* родными водами было Тартесское море⁶¹ и Карпатское, но она хорошо себя чувствовала и в других водах (Colum. VIII 16, 10), ловили ее, к примеру, на Сицилии (Iuu. 5, 99–102; Mart. XIII 80, 1–2), что, по мнению Хиггинботама, иллюстрирует попытку древних объяснить необычайно сложные пути миграции речного угря (*Anguilla anguilla*⁶²).

Вслед за Дадли мы, анализируя Афиня (VII 312b–e), полагаем не вполне уместным отождествлять *muraena* с морскими и речными угрями, а также миногами. Феофраст (ap. Athen. VII 312b–c) отличает *μύραινα* и *ἔγχελυς* (по-видимому, речной угорь), а Гикесий (ap. Athen. VII 312c; cf. Epich. *ibid.*; Archestr. fr. 16–18) дает прямо современную классификацию, разделяя угреобразных на *μύραινα*, *ἔγχελυς* и *γόγγυρος* (морской угорь). Подобное мы находим и в латинском материале

(Plaut. aul. 398–399; Persa 110–111: *conger* и *murena*). Плинию хорошо было известно о существовании *muraena*, *conger* и *anguilla* (Plin. n. h. IX 73–77).

Гай Гиррий, первым построив садки для мурен, предоставил для празднования триумфа Юлия Цезаря безвозмездно шесть тысяч мурен. Его вилла приносила такой большой доход, что стоила четыре миллиона сестерциев (Plin. n. h. IX 171). В I в. по Р. Х. в рыбных садках с пресной водой стали разводить уже не только кефаль (*mugil*) и скара⁶³, но и таких морских рыб, как мурена и лаврак (Colum. VIII 16, 1), по всей видимости, массово. Когда на море неспокойно и рыбак не может привезти свой улов, богатый хозяин спокоен – в бассейнах живет ромб и лаврак, к распорядителю (*ad magistrum*) плывет *delicata murena*, а номенклатор кличет кефаль (*mugil*) (Mart. X 30, 23). Ведий Поллион приучал своих мурен к человеческой крови, а затем в наказание бросал к ним провинившегося раба (Sen. de clem. I 18, 2). Красс также горько оплакивал свою домашнюю мурену, как Домициан своих трех жен (Plut. de soll. animal. 976a), рыдал о своей мурене и оратор Гортензий (Plin. n. h. IX 172), а дочь Друза украсила свою мурену серьгами (*ibid.*).

У Горация речь идет как раз о домашних муренах, выращенных в садках: *fertur squillas inter murena natantis / in patina porrecta. sub hoc erus “haec grauida” inquit / “capta est, deterior post partum carne futura* (sat. II 8, 42–44)⁶⁴. Нерест мурены очень плохо изучен, так как она нерестится вдали от берега. Однако здесь не может быть описан угорь, который умирает после нереста, что опять же свидетельствует против мнения Хиггинботама об использовании термина *muraena* для обозначения всех угреобразных рыб. В данном пассаже упоминается именно *Muraena helena*.

Thynnus⁶⁵

В семействе скумбриевые (*Scombridae*) выделяется триба *Thunnini* Starks, куда включены 15 видов тунцов, относящиеся к 5 родам. Атлантическую пеламиду (*Sarda sarda* Bloch), относящуюся также к скумбриевым, но из трибы *Sardini* Jordan, также отождествляли с тунцом (Arist. NA 571a 11). Самый большой представитель трибы *Thunnini* – обыкновенный тунец (*Thunnus thynnus* Linnaeus), до 4,6 м в длину и 684 кг. А относительно небольшая пелагида, до метра длиной, по представлениям древних – молодая особь тунца: из небольшой *πηλαμύς* или *θύννις* вырастал взрослый *θύννος*, который, приобретая гигантские размеры, получал название *κῆτος* (Sostr. ap. Athen. VII 303b, c; cf. Plin. n. h. IX 47–48; *κῆτος*; Archestr. ap. Athen. VII 301f). Лат. *thynnus* (thun-) от гр. *θύννος*. Дадли также выделяет пелагид, обозначавшихся *amia*⁶⁶ (от *ἀμία*⁶⁷) и *πηλαμύς*⁶⁸, и классифицирует по биологическим

видам. Длинноперевого тунца (*Thunnus alalunga* Bonnaterre), по Дадли, именовали *αὐλωπίας* и *θυννίς*⁶⁹; обыкновенного, или синего тунца (*Thunnus thynnus* Linnaeus) – *θύννος*, *ῥρκυνος* (от *ῥρκυς*⁷⁰). Мальки тунца назывались (*σ*)*κορδύλη* (Arist. HA 571a 16), *cordyla* (Plin. X 47). Древние полагали, что *θύννος* происходит от *θύειν*, потому что он неистовствует в сетях, однако современные этимологи возводят к евр. *tannin*, что обозначало большое морское животное, кита или акулу⁷¹.

Тунец – морская рыба (Anan. ap. Athen. VII 282b), вес которой доходит до 15 талантов (Plin. n. h. IX 44), рубленную ее жарят (Athen. VII 295d, 330c), иногда смазав маслом (Athen. VII 303e), особенно предпочитая брюшки (ibid. 302d–f; 304a) и пренебрегая часто любимой у нас сейчас головой (ibid. 303a). Помимо брюшек хороша шея (*seguix*), а остальная туша идет на засолку, и куски ее называют *melandrya*, при этом из-за отсутствия жира части у хвоста ценятся меньше, чем куски, расположенные ближе к пасти (Plin. n. h. IX 48). Изысканную (Hippoc. 36+37 D) рыбу *θυννίς*, подобную своей красотой и видом бессмертным богам (*φύην καὶ εἶδος ὄμοια*), которую еще представляли самкой тунца, может испортить уксус (ibid. 303f). Апиций предлагает рецепт соусов к пеламиде и тунцу (IX 10, 9; X 2, 10; 11). Рассол, в котором солили тунца, мог сам служить

приправой (Mart. X 48, 12: *Et madidum thynni de sale sumen erit*⁷²).

Тунец у Горация упомянут иносказательно. В sat. II 5 Улисс обращается к предсказателю Тиресию с вопросом, как вернуть потерянное состояние (*res amissas*). Тересий без обиняков (*ambagibus missis*) предлагает Улиссу добиваться завещаний одиноких стариков, окружая их лестью и заботой, или следить, не захворал ли у кого сын, чтобы также попасть в завещание. Выражение *plures adnabunt thynni et cetaria crescent*⁷³ (Hor. sat. II 5, 44) – метафора приобретения богатства. Тунцы поплывут к Улиссу, то есть он разбогатеет, если будет усиленно хлопотать за одинокого богача, которого призвали к ответу на суде по какому-либо делу.

Встречающиеся у Горация деликатесные рыбы подчеркивают высокий социальный статус пирующих, оставаясь недоступными большинству римских граждан, современников Горация. Перечисляя редкие виды, поэт следует античной традиции описания окружающей фауны и демонстрирует этим свою эрудицию. Сопоставление рыб с биологическими видами, известными в современной таксономии, и иллюстрации дают возможность составить представление о яствах, присутствующих на столе поэта и его современников, и тем восстановить лакуны в комментаторской традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коньектура А. И. Солопова вм. неудовл. чтения «perene» [13].

² «Среди рыб отличается мурена от лаврака, лаврак от морского языка, а он от “губана” и миноги».

³ Далее зоологические описания даны по J. S. Nelson. *Fishes of the World*. 5th ed. Hoboken, New Jersey, 2016, или по базе данных Fishbase. В нужных местах даны ссылки.

⁴ Hor. epod. II 50; sat. II 2, 22. O. Keller, [9: 366]. A. Bullock, [4: 94–104]; J. Higginbotham, [7: 51–52].

⁵ LSJ: «*scarus*, perh. *Smaris vulgaris*». А. Баллок [4: 94–104] отмечает, что, в отличие от других *Sparisoma*, самки имеют яркую розовую окраску с желтыми вкраплениями, самцы, напротив, серые. За свою особенность пережевывать пищу получил название *μήρυξ*. LSJ: «*a ruminating fish, Scarus cretensis*».

⁶ Согласно базе данных Fishbase, сейчас распространена в восточной части Атлантического океана, в Средиземном море у восточного, южного и северо-западного побережий.

⁷ А. Баллок [4: 94–104] указывает также на fr. 13. Во fr. 13 находим *σπάρος* (морской карась) (LSJ: *bream, Sargus annularis*) вместо *σκάρος*. Здесь возможны разночтения.

⁸ «Что же обошел я стороной скара, который чуть ли не лучше мозга верховного Юпитера: близ родины Нестора ловят большого и доброго». *Cerebrum Iouis* есть грецизм. Cf.: LSJ s.v. *ἐγκεφάλιτης*: «*Διὸς ἔ.*, prov. of rare and costly food, ‘morsel for a king’».

⁹ A. Bullock. [4: 94–104]. Cf.: Plin. n. h. IX 29.

¹⁰ «Скары, если каких отнесет к этому морю зимняя буря, разразившаяся в восточных морях [*Eois fluctibus* можно понимать и *dat.*, однако остановимся на *abl. loc.*]». Здесь и далее текст Горация цитируется по: Quintus Horatius Flaccus: *Opera*. ed. Stephanus (= István) Borzsák, Leipzig: Teubner, 1984.

¹¹ «Хочет, чтобы поняли, что рыбы-скары есть в восточном море, и их тяжело поймать около Италии, разве что кого-нибудь из них случайно не занесет буйством моря».

¹² «Пробуди свой аппетит, работая до седьмого пота [для *pulentaria* в этом значении сегодня используется аперитив]: тому, кто от неумеренности ожирел и поблелел, не смогут помочь ни ракушки, ни скар, ни заморская куропатка».

¹³ Hor. sat. I 2, 116; II 2, 42; II 2, 48; II 2, 49; II 2, 95; II 8, 30; epod. 2, 50. O. Keller [9: 366–369]; A. Dalby [5: 147–148]; W. Thompson D’Arcy, *A Glossary of Greek fishes*, London, 1947, p. 223; J. Higginbotham [7: 50–51].

¹⁴ LSJ s.v. *ῥόμβος*: «*a species of fish, of which turbot and brill are varieties, so called from its rhomblike shape*».

¹⁵ *Solea* у Горация только в значении подошва, обувь. Однако у берегов Италии обитал и обитает морской язык, *solea* (*Solea solea* L.; *βούλωσσος*).

¹⁶ См. *passer*.

¹⁷ LSJ s.v. *ἔσχαρος*: «*a fish, = κόρις, perh. a kind of sole*».

¹⁸ OLD s.v. *rhombus*: «*2 A lozenge-shaped of flat-fish, the turbot*».

¹⁹ LSJ s.v. *κίθαρος*: «*kind of flatfish, sacred to Apollo*».

²⁰ Большинство переводов грешат подобной неточностью. Cf.: [11: 142].

²¹ Hor. sat. II 8, 29. J. Leonart, H. Farrugio [11: 141–147]; A. Dalby [5: 148]; W. Thompson, 295.

²² LSJ s.v. *στρουθός*: «*a flat fish, flounder, Pleuronectes flesus*».

- ²³ «Когда протянул мне неизведанные брюшки речной камбалы и ромба». Под *ilia* Кисслинг понимает печень, молюки и икру. Kiessling ad l. c.
- ²⁴ Kiessling ad l. c.
- ²⁵ Hor. sat. II 2, 47. O. Keller [9: 374]; A. Dalby s. v. Sturgeon; A. Guasparri [6: 50–52]; C. Salmasius [12: 1315 sqq.].
- ²⁶ Согласно данным Fishbase.
- ²⁷ C. Salmasius. [12: 1315 sq.].
- ²⁸ W.-H. s. v. sturio: «Stör» (mlt., rom.)... Einheimische Störarten sind acipenser...»
- ²⁹ LSJ s. v. ὄξύρρυγχος: «sharp-snouted: Egyptian fish, [Hes.] ap. Athen. III 116b».
- ³⁰ Heraeus-Borovskij дают *acipensis*. Vaan s. v. acu- указывает у Марциала форму *acupensis*, сообщая со ссылкой на Oniga 1999 и Guasparri 2000, что исходное *acupensis* (Mart.) приобретает склонение по типу *-is/-eris*, затем входит в общее употребление форма на *-penser*, встречающаяся у большинства авторов. Элемент *-pensis* (*ibid.*) можно рассматривать как *i*-основу к *rensum* «вес» (слово в подобном значении автору неизвестно). Гваспарри реконструирует значение «who possesses a weight of needles», основываясь на «needle-shaped barbels» осетра. Cf. A. Guasparri [5: 50–52]. Гваспарри утверждает, что подобно словам *cinis*, *cineris* (**cinisis*); *pulvis*, *pulveris* (**pulvisis*) *acipensis* могло получить gen. **acipensis*, с ротацизмом и изменением гласной перед *-r-*, давший форму *acipenseris*, под влиянием которой развился *nom. acipenser*. Разносклоняемые равносложные слова на *-is/-is* и неравносложные на *-is/-eris* засвидетельствованы Var. l. I. VIII 74.
- ³¹ LSJ s. v. ἄγνωστος: «an unknown sea-fish».
- ³² A. Dalby s. v. Sturgeon.
- ³³ Едва ли Гораций может упоминать черноморских осетров. Herod. IV 53; Lynceus F 1 (Athen. 132a); Ael. n. a. XIV 23, 26; Euthyd. ap. Athen. 116 a – d; Sopater ap. Athen. 118 d – 119 a; Arcestr. ap. Athen. 284 e = H 39 Brandt.
- ³⁴ «Не так давно стол глашатая Галлония пользовался дурной славой из-за осетра».
- ³⁵ Hor. sat. II 2, 34. O. Keller [9: 366 sq.]; W. Thompson 264–268; A. C. Andrews [3: 186–188]; A. Dalby [5: 280]; J. Higginbotham [7: 48–50].
- ³⁶ *Mullus barbatus* разделяется на два подвида. *Mullus barbatus barbatus*, по данным Fishbase, распространен в западной Атлантике от Британских островов до Дакара, в Сенегале, на Канарских островах и в Средиземном море. В Черном море распространен подвид *Mullus barbatus ponticus* Essipov. *Mullus surmuletus* распространен от западной Норвегии, Ламанша (редко в Северном море) до Дакара, встречается в Сенегале и на Канарских островах, а также в Средиземном и Черном морях, таким образом, имеет схожий ареал обитания.
- ³⁷ J. Higginbotham [7: 49].
- ³⁸ J. Higginbotham [7: 49].
- ³⁹ LSJ s. v. τρίγλη: «red mullet, *Mullus barbatus*».
- ⁴⁰ J. Higginbotham [7: 49].
- ⁴¹ Macrobius. Sat. III 16, 9 указывает 7000, а Tertullianus de Pallio V 6 говорит о том, что рыба Азинию Целеру обошла в 6000.
- ⁴² О споре Колумеллы и Плиния относительно разведения красноротки см.: J. Higginbotham [7: 50].
- ⁴³ О других блюдах из барабульки см.: Plin. n. h. IV 142; 160; X 455.
- ⁴⁴ В одном фунте 327,45 гр.
- ⁴⁵ Hor. sat. II 2, 31; 36. W. Thompson 6, 140; J. Higginbotham [7: 50]; A. Dalby. [5: 48].
- ⁴⁶ Согласно данным Fishbase, распространена в восточной Атлантике от Норвегии до Марокко, на Канарских островах и в Сенегале, в Средиземном и Черном морях. В Белом, Баренцевом, Балтийском и Каспийском морях лавраки не наблюдались.
- ⁴⁷ LSJ s. v. λάβραξ: «([etym.] λάβρος) a ravenous sea-fish, *Labrax lupus*, the bass».
- ⁴⁸ LSJ s. v. ἀκαρνάν: «a fish, prob. = λάβραξ».
- ⁴⁹ A. Dalby [5: 48].
- ⁵⁰ OLD s. v. ac(h)arna: «also -ē. [Gk. ἀχάρνα] an edible fish». Enn. var. 43 V.; Lucil. 50; Plin. n. h. XXXII 145.
- ⁵¹ Форма дается у A. Dalby [5: 48] со ссылкой на Cassiodorus var. XII 4.
- ⁵² «Откуда, ты думаешь, подано [блюдо]? Тибрский здесь лаврак разевает пасть или пойманный на глубине? Бросало ли его [течением] между мостов или возле устья Тусского потока [тусская или этруская река = Тибр]?»
- ⁵³ См. *mullus*.
- ⁵⁴ «[Внешний] вид тебя увлекает, понимаю. Так почему не можешь терпеть ты длинных лавраков?»
- ⁵⁵ Hor. sat. II 8, 42. O. Keller [9: 357–364]; W. Thompson 162–165; J. Higginbotham [7: 43–46].
- ⁵⁶ Распространена, по данным Fishbase, от южной оконечности Британских островов до Сенегала, включая Средиземное море, Азорские острова, Канарские острова, Мадейру и Кабо-Верде.
- ⁵⁷ LSJ s. v. μύραινα: «sea-eel or murrey, *Muraena Helena*».
- ⁵⁸ OLD s. v. fluta: «[ad. Gk. πλωτή] The name of a choice variety of murena». Cf. LSJ s. v. πλωτός: «πλωτοί ... π. ἐγγέλεις, so called because they float on the surface, Athen. I 4c; muraenae, Colum. VIII 17, 8 (prob.); but π. ζῶα water-animals generally». W.-H. s. v. fluta: «aus gr. πλωτή ...». Vaan слова не приводит.
- ⁵⁹ LSJ s. v. γόγγρος: «conger-eel».
- ⁶⁰ J. Higginbotham [7: 43–44].
- ⁶¹ По названию города Тартесс в южной Испании на территории современных Андалузии и Мурсии. Cf. Gell. VI 16, 5; Aristoph. Ran. 474–475, где также упоминается испанская (Tartesia) мурена.
- ⁶² J. Higginbotham [7: 44] приводит термин *Anguilla argentata*, ссылаясь на серебряный цвет особи, однако, по-видимому, термин такой в биологии не встречается, по крайней мере, не обозначает вида.
- ⁶³ *scarumque*, v.l. *scalumque* (от *squalus*). Что не вполне удовлетворительно. Весьма сомнительно, что на рыбных фермах разводили акул.
- ⁶⁴ «Приносят мурену, лежащую на блюде, вокруг нее плавают крабы. Хозяин говорит: была выловлена с икрой, после нереста похуже будет (мясом)».
- ⁶⁵ Hor. sat. II 5, 44. O. Keller [9: 382–393]; A. Dalby, s. v. tunny; W. Thompson 20, 89, 134, 185, 245.
- ⁶⁶ OLD s. v. amia: «or amias ... A kind if small tunny, bonito».
- ⁶⁷ LSJ s. v. ἀμία: «kind of A tunny, which ascends rivers, perh. bonito».
- ⁶⁸ LSJ s. v. πηλαμύς: «young tunny (of the first year, acc. To Arist. HA 571a11)».
- ⁶⁹ LSJ s. v. θυννίς: «young female tunny».
- ⁷⁰ LSJ s. v. ὄρκυς: «a large kind of tunny».
- ⁷¹ Frisk, Beekes s. v. θύννος.
- ⁷² «И вымоченное в тунцовом рассоле [свиное] вымя будет».
- ⁷³ «Приплывет много тунца, и тони возрастут».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дуров В. С. Гастрономический опыт Горация // Мнемон XIV. СПб., 2013. С. 301–312.
2. Нельсон Д. С. Рыбы мировой фауны: Пер. с 4-го англ. изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 876 с.
3. Andrews A. C. The Roman Craze for Surmulletts // The Classical Weekly. 1949. Vol. 42. No 12. P. 186–188.
4. Bullock A. Lo Scarus degli antichi: La storia dello Sparisoma cretense nel I secolo d.C. Il Mare. Com'era // Atti del II Workshop Internazionale HMAP del Mediterraneo e Mar Nero. Chioggia. 2006. P. 94–104.
5. Dalby A. Food in the ancient world from A to Z. London; New York, 2003. 408 p.
6. Guasparri A. Acipenser // Glotta. 76 Bd. 2000. P. 50–52.
7. Higginbotham J. Piscinae: Artificial Fishponds in Roman Italy. Chapel Hill; London, 1997. 285 p.
8. Horatius Quintus Flaccus: Opera. ed. Stephanus (= István) Borzsák, Leipzig: Teubner, 1984. 362 p.
9. Keller O. Die antike Tierwelt. 2. Bd. Leipzig, 1909–1913. 617 p.
10. Kiessling A., Heinze R. Q. Horatius Flaccus. 2. Bd. Dunlin; Zürich; Hidesheim, 1977–1984. 248 p.
11. Leonart J., Farrugio H. Pleuronectes platessa, a ghost fish in the Mediterranean Sea? // Scientia Marina. Vol. 76 (1). Barcelona, 2012. P. 141–147.
12. Salmasius C. Plinianae exercitationes in C. Iulii Solini Polyhistora. Parisiis, 1629. 1367 p.
13. Солопов А. С. Ad Varronis de lingua Latina libri IX pericopes 113 cruceм interpretum adnotatio critica (de piscibus a Varrone tractatis) // Индоевропейское языкознание и классическая филология XVII (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2013. С. 831–832.

Gimadeev E. R., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

THE NAMES OF FISH IN CLASSICAL LITERATURE (IN HORACE'S POETRY)

This article deals with the names of the fish mentioned in Horace's poetry. The author attempts to identify the ancient names of Mediterranean fish and compare them with their contemporary biological terms based on some previous research results obtained by O. Keller, A. Dalby, J. A. Higginbotham and others. It is often difficult or sometimes even impossible to make out with certainty what Horace means. The identification of the terms is quite complicated because of the deficiency in the information about fish in Horace's works; therefore, the author bases his research on other Greek and Latin sources. Horace writes about eight types of fish: scarus, rhombus, passer, acipenser, mullus, lupus, muraena, thynnus. Thus the scarus equals Sparisoma cretense; the rhombus is supposed to be Scophthalmus rhombus or Scophthalmus maximus; the passer is similar to Platichthys flesus; the acipenser might have been Acipenser sturio, Acipenser naccarii and Acipenser stellatus with the Aegean sea and the Adriatic sea as their habitat. The Mullus corresponds to Mullus surmuletus or Mullus barbatus; the lupus is undoubtedly Dicentrarchus labrax. The question of the muraena is a matter of discussion, but the author inclines toward the species of Muraena helena. The Thynnus obviously belongs to the tribe of Thunnini. This richly illustrated material provides a good picture of the fish diversity that was served and consumed in the Horace's epoch.

Key words: Horace, fish, scarus, rhombus, passer, acipenser, mullus, lupus, muraena, thynnus

REFERENCES

1. Durov V. S. Horace's gastronomical experience. *Mnemon XIV*. St. Petersburg, 2013. С. 301–312. (In Russ.)
2. Nelson J. S. Fish of the World. Moscow, 2009. 876 p. (In Russ.)
3. Andrews A. C. The Roman Craze for Surmulletts // The Classical Weekly. 1949. Vol. 42. No 12. P. 186–188.
4. Bullock A. Lo Scarus degli antichi: La storia dello Sparisoma cretense nel I secolo d.C. Il Mare. Com'era // Atti del II Workshop Internazionale HMAP del Mediterraneo e Mar Nero. Chioggia. 2006. P. 94–104.
5. Dalby A. Food in the ancient world from A to Z. London; New York, 2003. 408 p.
6. Guasparri A. Acipenser // Glotta. 76 Bd. 2000. P. 50–52.
7. Higginbotham J. Piscinae: Artificial Fishponds in Roman Italy. Chapel Hill; London, 1997. 285 p.
8. Horatius Quintus Flaccus: Opera. ed. Stephanus (= István) Borzsák, Leipzig: Teubner, 1984. 362 p.
9. Keller O. Die antike Tierwelt. 2. Bd. Leipzig, 1909–1913. 617 p.
10. Kiessling A., Heinze R. Q. Horatius Flaccus. 2. Bd. Dunlin; Zürich; Hidesheim, 1977–1984. 248 p.
11. Leonart J., Farrugio H. Pleuronectes platessa, a ghost fish in the Mediterranean Sea? // Scientia Marina. Vol. 76 (1). Barcelona, 2012. P. 141–147.
12. Salmasius C. Plinianae exercitationes in C. Iulii Solini Polyhistora. Parisiis, 1629. 1367 p.
13. Солопов А. С. Ad Varronis de lingua Latina libri IX pericopes 113 cruceм interpretum adnotatio critica (de piscibus a Varrone tractatis) // Индоевропейское языкознание и классическая филология XVII (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2013. С. 831–832.

Поступила в редакцию 16.10.2017

ЯНА ГУЛЮШКИНА

аспирант философского факультета Института восточно-европейских исследований, Карлов университет в Праге (Прага, Чешская Республика)
guljuskina@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере романа «Оправдание» Д. Быкова)

Современная литература рассматривается как возможность вернуться к тем историческим событиям, которые присутствуют в настоящем как травма, и – вопреки устоявшимся культурным и социальным стереотипам в отношении к прошлому – находить способы не только для постоянного «повторения» травмы, но и для ее «проработки» (поиска критической дистанции от травмы). Предметом для рассмотрения стал роман «Оправдание» (2005) Дмитрия Быкова, посвященный травматическому схождению в национальной памяти Второй мировой войны и сталинизма. В романе автор использует постмодернистскую поэтику парадокса и провокации для художественно заостренной постановки проблем мифологизации исторической памяти, трагических последствий сталинского террора, «оправданного» победой, для современного общества.

Ключевые слова: историческая травма, память о прошлом, современная литература, Дмитрий Быков, роман «Оправдание»

В истории каждого народа есть события, которые живо присутствуют в настоящем. Это победы и поражения, подвиги и унижения, эпизоды, о которых вспоминают с гордостью, и те, о которых хотелось бы забыть, но, к сожалению, это невозможно: «Исторические травмы, обусловленные не военными действиями, а актами эксплуатации людей, антигуманного обращения с ними и их уничтожения, не исцеляются забвением» [1: 48].

Травматическим прошлым не всегда становятся поражения. Иногда разгром может вызвать мощную волну национального подъема, укрепляя «чувство общности перед лицом внешнего давления» [1: 40], и наоборот, победа может препятствовать осмыслению преступлений, которые за ней скрываются.

В России под словами «война» и «победа» подразумевается Великая Отечественная война, Великая Победа. За многие годы в сознании людей укрепился определенный образ этой войны, она стала «элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мериллом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти – понимания настоящего и будущего» [4], стала «предметом мифологизации» [13].

Алейда Ассман пишет о травме в связи с немецким обществом, которое проявило беспредельное насилие по отношению к определенным группам лиц и целым народам и стало обществом не только побежденным, но и преступным. Но «бессознательная стратегия недопущения травмирующего события в сознание пациента» [1: 58] наблюдается и в обществе победителей, ведь российское общество настойчиво избегает осознания того факта, что победа была тесно переплетена со сталинским террором, беспредельным насилием над собственным народом. В личности победителя забыта личность палача, и факт массового истребления собственного народа стал травмой,

которая за собой влечет повторение неосознанного прошлого, так как именно отсутствие однозначного осуждения преступлений Сталина не дает «справиться с болью памяти ради общего и свободного будущего» [1: 44]. Наоборот, от высших политических представителей звучат слова об «излишней демонизации Сталина» [8].

Мемориальные акты в память о репрессированных не сравнимы ни с масштабом, ни с однозначностью празднования Победы. 30 октября отмечается День памяти жертв политических репрессий в СССР. В этот день в 2017 году был установлен мемориал «Стена скорби», но его безличные надписи «Помни» не указывают на осуждение и огласку виновного (своей неопределенностью они похожи на советское «Никто не забыт, ничто не забыто» – фразу из стихотворения О. Берггольц, которая стала общим лозунгом памяти о войне). Наоборот, День памяти жертв государственного террора, который отмечается 5 августа в карельском Сандормохе без участия официальных лиц, проходит с большими трудностями, так как не соответствует общепринятому подходу к прошлому. (Более того, продолжается судебное разбирательство над руководителем карельского отделения общества «Мемориал» Юрием Дмитриевым.)

Польский социолог П. Штомпка [10] пишет, что общество или настойчиво культивирует воспоминания, укрепляя этим старые образы, или стремится к культурной реконструкции, новому подходу к прошлому с возможностью осознать и отстранить историческую травму. Как показывает М. Липовецкий (на основе схемы американского культуролога Д. ЛаКапры) [7], аналогичные отношения с травматическим прошлым выстраиваются и в литературе. С одной стороны, это разыгрывание травмы (постоянное повторение), с другой – ее проработка (поиск критической

дистанции от травмы). Исторические катастрофы видятся как возможность попытаться проникнуть в «*другое* сознание и состояние» [7], и критическая дистанция в проработке исторических травм является ключевой, она возникает «из неравенства субъекта самому себе (а автора – герою или повествователю), из отказа от бинарных оппозиций; из неприятия ожидаемых, то есть стереотипных, решений; из ограничений, накладываемых авторами, принимающими сомнение в собственном высказывании в качестве главного эстетического и этического принципа» [7].

Наблюдается ситуация, в которой общество парализовано «частичной амнезией памяти» [11], прошлое конструируется с помощью стереотипов и оппозиций «мы – они», с чертами «компенсации и имитации» [5], война мифологизируется посредством героического дискурса и патриотических мотивов, определяющих «правильные жизненные ценности» [13], и в этом процессе «перманентной войны» [5] насилие в обществе воспринимается как привычная обыденность. Но, с другой стороны, существует глубокий культурный пласт, в котором нашли свое отражение страшнейшие моменты прошлого. Уже в военное время возникали тексты не только о подвигах и славе. После смерти Сталина снимались первые табу, писалось про стратегические ошибки, чистки в армии, потери, судьбы военных, которые из немецких лагерей попадали сразу в ГУЛАГ, жизнь советских евреев, поведение советских военных по отношению к гражданскому населению на территории Германии. Литература запечатлела жизнь в лагерях (В. Шаламов, А. Солженицын). Некоторые тексты официально выйти не могли, появлялись в самиздате, тамиздате или только в 90-х годах. Литература всегда открывала самые страшные события и их последствия, изменения в поведении общества, где табу остается фоном, основой, неизбежностью. Она не отставала от истории и постоянно возвращалась к личности самого Сталина.

Литературный интерес к советскому прошлому в настоящем тоже велик, подтверждение тому – новые произведения о старых травмах, которые в литературе уже нашли свое отражение. Эти книжки пользуются читательским спросом и становятся лауреатами литературных премий. К примеру, победителями премии «Большая книга» стали: роман «Зимняя дорога» Л. Юзефовича (описывает исторический период 1922–1923) – в 2016 году, книга Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (начинается ссылкой в 1930 году) – в 2015 году, роман З. Прилепина «Обитель» (Соловецкий лагерь 20-х годов) – в 2014 году.

Наблюдается даже стремление донести моменты прошлого до детского читателя. Юлия Яковлева задумала целую серию книг об истории под названием *Ленинградские сказки*, из которых о сталинских репрессиях повествует книга «Дети ворона» (2016), где глазами мальчика Шурки передается, что с его родными и страной тво-

рит «Ворон». Публикуются и переводы – книга русского художника Евгения Ельчина «Сталинский нос» (2013, перевод из английского *Breaking Stalin's Nose*), наряду с новыми изданиями старых текстов – «Девочка перед дверью» (2015, впервые 1976) М. Козыревой.

Если взглянуть на постсоветское литературное пространство в целом, то и здесь заметен интерес к советскому прошлому. В романе «Музей покинутых секретов» (2009, Музей брошенных секретов) украинской писательницы О. Забужко заново создается принудительно забытая история страны: прошлое неожиданно становится частью жизни в настоящем, требуя отдачи долгов, огласки давних преступлений и подвигов. Очень похожий подход к прошлому наблюдается и в творчестве эстонско-финской писательницы С. Оксанен: ее романы про историю Эстонии («Очищение», 2008; «Когда исчезли голуби», 2012) посвящены неоднозначности прошлого, моменту стихийности в человеческой жизни, сложной проблематике виновности. Польский журналист Яцек Хуго-Бадер в книге «*Dzienniki kołymskie*» (Колымские дневники, 2011) рассказывает о судьбах жителей Колымы, которую он посетил. Особый метод пересказа услышанного использует в своих книгах *Голоса утопии* и белорусская писательница Светлана Алексиевич, лауреат Нобелевской премии.

Литературу можно делить по-разному: на хорошую и плохую, на сложную и простую, на высокую и массовую, понимая при этом, что все рамки используются условно. Если придерживаться мысли, высказанной Липовецким про разыгрывание травмы и ее проработку, то первое можно наблюдать в успешных романах «Обитель» (2014) или «Зулейха открывает глаза» (2015). В романе про Зулейху после насыщенной первой части читатель вместе с героиней следует из татарского села в ссылку на Ангару, что как будто бы соответствует всем устоявшимся шаблонам про счастливую советскую жизнь. В отличие от этой книги роман «Оправдание» (2005) Дмитрия Быкова противоречит читательским ожиданиям в том, что касается изображения прошлого. Далее этот роман будет рассматриваться как одна из возможностей проработки травмы.

Дмитрий Быков (1967) – журналист, преподаватель, автор многих предисловий, послесловий, комментариев, такой «...универсальный чернорабочий российской словесности в самом широком понимании этого слова» [2]. Поэт и писатель. Упрекают его во многом: в спешке, с которой он пишет невероятное количество текстов, в неуважении к языку. По мнению С. Хазагеровой, например, именно в романе «Оправдание» Дмитрий Быков «продемонстрировал редкую нечувствительность к родному языку на всех его уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом» [9].

Кроме того, критики осудили Быкова за то, что он не придерживается исторических фактов.

Быков смешивает настоящих исторических персонажей и настоящие события с вымышленными и тем самым как будто бы искажает историю. В романе «Оправдание» появляется Исаак Бабель, которого на самом деле арестовали в 1939 году и расстреляли. Но в романе Бабель после ареста поступает в особый отдел смертников и после войны появляется в Москве, где он встречается с Ильей Эренбургом и Юрием Олешей. Не каждый готов признать за автором право поступать так с собственной национальной историей: «Читаешь и, можно сказать, глазам своим не веришь. Что это за парад уродов?! И почему реальная история и реальные люди должны быть марионетками в этом странном, безграмотном и безнравственном, садомазохистском балагане?!» [8].

Но если на вопрос «исторической правды» посмотреть с точки зрения «исторической травмы» (в понимании Липовецкого), то ее проработке способствует не повторение, а именно критическая дистанция. Был о неотъемлемом и несомненном прошлом предостерегает автору возможность в поиске причин давних злодеяний скорее задавать принципиальный вопрос о том, знаем ли мы на самом деле, что тогда было, хотим ли мы это знать: «...Автор выносит на рассмотрение колоссальную проблему – проблему отечественного понимания истины. Внутренняя противоречивость идейной и эстетической конструкции романа призвана, надо полагать, заострить внимание читателя на контрасте между нынешним мифологизированно-идеологизированным восприятием нашего дрящегося в настоящем прошлого и этим же прошлым/настоящим самим по себе» [6].

В романе «Оправдание» Быков возвращается к сталинским репрессиям, которые повлияли на все общество. Автор не ограничивается одним персонажем, плетет паутину общества, где слово «арестован» играет роль нити – берут не только молодых мужчин, берут и старух, и даже подростка-калеку. Эта паутина со временем только растет и влияет на жен и детей арестованных, даже на их внуков. Их тяготят давние события, приводя к вопросу о логике в выборе репрессированных, которые обвинялись в абсурдных преступлениях, подвергались жесточайшим пыткам и в сконструированных процессах приговаривались к смертной казни или десяткам лет тюрьмы. Как будто бы логика выбора жертв может внести в трагическое прошлое хоть какой-то смысл. Имя Сталина не упоминается, но для слова «он» «расшифровка не требовалась» (31)¹.

Роман предлагает объяснение, что чистки работали определенным фильтром для общества. Ведь советское общество нуждалось не в слабых, которых можно пытками принудить к любому признанию, а в тех, кто вопреки нечеловеческому испытанию настойчиво отказывается сознаться в том, что не совершал. Такие люди в определенном смысле рассматриваются как «сверхлюди», но также и как ходячие мертвецы. Они больше не заключенные, а смертники, лица, которых можно на случай войны использовать при выполнении

тех задач, с которыми бы простой смертный не справился: «Проверялась-то вовсе не способность терпеть боль: проверялась способность стоять на своем в заведомо безнадежной ситуации» (49).

Быков затрагивает тему расправы над невиновными людьми и показывает ее фатальность для всего общества. Стремясь найти логику в беспощадном прошлом, он показывает, что главное не ответы, а сами вопросы, сам взгляд назад. Игра с трагическим прошлым видится как возможность «критической дистанции», как о ней пишет Липовецкий, возможность не повторять заново много раз написанное, а подойти к репрессиям по-другому. Игровое начало проявляется не только в свободном отношении с историческими фактами, но и в саркастическом взгляде на советские реалии: «Он убежден был, что работает на благо Родины, что лучше его страны нет на свете, и что издеваться над людьми здесь не будет никто и никогда» (10), «И когда ему пригрозили, что возьмут жену, он опять не понял, потому что жене было двадцать два года, а дочери на двадцать лет меньше, и он представить себе не мог, чтобы в его стране были возможны такие фашистские методы дознания» (11).

Быков показывает, как пытки, аресты и дезинформация деформируют не только человека, но и само общество. Он приводит символическую параллель между прошлым и настоящим, когда главный герой историк Рогов в поселках под названием Чистое ищет следы «смертников», а находит тех, кто в настоящем добровольно живут как заключенные, сами себе создают бессмысленные правила, за нарушение которых придумывают себе наказания и в процессе пыток и боли испытывают извращенное наслаждение. Потребность общества в насилии остается, и образ парня, над которым издеваются в армии, можно понимать как метафору всего народа: «Жертва могла выжить только одним путем – сживаясь с этой ролью и находя в ней наслаждение, такую жертву никогда не добивали до конца, ибо она была нужна снова и снова» (91). Таким образом, вопреки игре с фактами и значениями, возникает вполне реалистичная картина современного мира, который, как и главный герой Рогов, безумен. Корни этого безумия вырастают из прошлого, которому вместо осознания присваиваются ложные объяснения и оправдания, где продолжает браться верх страшная сила, и «сила эта сильна до тех пор, пока мотив ее неясен и действия непредсказуемы» (86).

Роман строится на парадоксе (ведь очень серьезное и трагическое становится материалом для игры со смыслами), аллегории (психически больной главный герой, к тому же еще и историк, как аллегория большого общества и его истории), провокации (игра с реальными судьбами исторических личностей) и своего рода «игре в квадрате» (главный герой историк Рогов становится автором историй остальных персонажей). Выдумка здесь оправдана стремлением коснуться исторической травмы, заново ее открыть и увидеть. И это в данном контексте не так уж и мало.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Быков Д. Л. Оправдание: Роман; Орфография: Опера в трех действиях; Остроумов, или Ученик чародея: Пособие по левитации. М.: ПРОЗАИк, 2011. 992 с. Цитаты даются в статье в круглых скобках с указанием страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
2. Балакин А. Д. Быков. Блуд труда // Критическая Масса. 2003. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2003/2/balak.html> (дата обращения 01.07.2017).
3. Бержляйн Е. Прорвать заграждение: блокада Ленинграда как символ и опыт // НЛО. 2016. № 1 (137) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/1/prorvat-zagrazhdenie-blokada-leningrada-kak-simvol-i-opyt.html> (дата обращения 22.03.2017).
4. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html> (дата обращения 01.07.2017).
5. Зверева Г. Вечная война // Критическая Масса. 2005. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/zv7.html> (дата обращения 30.03.2017).
6. Иванецкая Е. Преступление и оправдание // Дружба народов. 2001. № 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/7/tech_ivan.html (дата обращения 06.02.2017).
7. Липовецкий М. Пейзаж перед // Знамя. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/5/114.html> (дата обращения 21.10.2017).
8. Соколов М. Сталин и Путин: нет места человеку // Радио Свобода. 23.6.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28575107.html> (дата обращения 01.07.2017).
9. Хазагерова С. «У них там были забавные представления о писательстве...» // Знамя. 2001. № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/9/hazger.html> (дата обращения 06.02.2017).
10. Штомпка П. Социальное изменение как травма: (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/19004905.html> (дата обращения 24.03.2017).
11. Khapaeva D. Geschichte ohne Erinnerung. Zur Moral der postsowjetischen Gesellschaft. Eurozine, 10.12.2008. Available at: <http://www.eurozine.com/articles/2008-12-10-khapaeva-de.html> (accessed 03.05.2017).
12. Kratochvíl J. Uvědomit si vzpomínky, to vyžaduje příběhy. HOST. 2014. Roč. XXX. Č. 2. S. 42–45. Available at: <http://casopis.hostbrno.cz/archiv/2014/2-2014/uvedomit-si-vzpominky-to-vyzaduje-pribehy> (accessed 27.04.2017).
13. Schlaraj M. Krieg als Norm? Russlands patriotische Erinnerung und heroische Diskurse // Zeitschrift für Slawistik. 59. 2. P. 222–237. Berlin: Akademie-Verlag, 2014.

Guljuškina J., Charles University in Prague (Prague, Czech Republic)

HISTORICAL TRAUMA IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE (based on the novel “Justification” by D. Bykov)

Contemporary Russian literature is seen as an opportunity to return to those historic events that currently appear as a traumatic experience. In contrast to the established cultural and social vision of the past, contemporary literary works find ways to replicate trauma, as well as to study it (through the search for a critical distance). To illustrate this, we focus on the novel “Justification” (2005) by Dmitry Bykov. The novel deals with the traumatic conjunction of the World War II and Stalinism in the national memory. In his work, D. Bykov resorts to the paradox and provocation, typical for postmodern works, to emphasize the problems of historical memory mythologization and the evils of Stalin’s Terror, which found “justification” in the victory over Nazi Germany.

Key words: Historical trauma, memory of the past, contemporary literature, Dmitry Bykov, the novel “Justification”

REFERENCES

1. Assmann A. The Long shadow of the past: Memorial culture and the politics of history. Moscow, 2014. 328 p. (In Russ.)
2. Balakin A. Dmitry Bykov. Forgiveness of labor. *Critical mass*. 2003. No 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/km/2003/2/balak.html> (accessed 01.07.2017). (In Russ.)
3. Bezhljan E. Break through the barrier: the blockade of Leningrad as a symbol and experience. *New literary review*. 2016. No 1 (137). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/1/prorvat-zagrazhdenie-blokada-leningrada-kak-simvol-i-opyt.html> (accessed 22.03.2017). (In Russ.)
4. Gudkov L. “Memory” about the war and the mass identity of Russians. *An emergency stock*. 2005. No 2–3 (40–41). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html> (accessed 01.07.2017). (In Russ.)
5. Zvereva G. Eternal war. *Critical mass*. 2005. No 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/zv7.html> (accessed 30.03.2017). (In Russ.)
6. Ivanitskaya E. Crime and Justification. *Druzhba narodov*. 2001. No 7. Available at: http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/7/tech_ivan.html (accessed 06.02.2017). (In Russ.)
7. Lipovetsky M. The landscape in front of. *Znamya*. 2013. No 5. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/5/114.html> (accessed 21.10.2017). (In Russ.)
8. Sokolov M. Stalin and Putin: There is no place for man. *Radio Svoboda*. 23.06.2017. Available at: <https://www.svoboda.org/a/28575107.html> (accessed 1.7.2017). (In Russ.)
9. Hazagerova S. “They had funny ideas about writing there...”. *Znamya*. 2001. No 9. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/9/hazger.html> (accessed 06.02.2017). (In Russ.)
10. Szto m p k a P. Social change as a trauma: Article one. *Social Studies*. 2001. No 1. P. 6–16. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/19004905.html> (accessed 24.03.2017). (In Russ.)
11. Khapaeva D. Geschichte ohne Erinnerung. Zur Moral der postsowjetischen Gesellschaft. Eurozine, 10.12.2008. Available at: <http://www.eurozine.com/articles/2008-12-10-khapaeva-de.html> (accessed 03.05.2017).
12. Kratochvíl J. Uvědomit si vzpomínky, to vyžaduje příběhy. HOST. 2014. Roč. XXX. Č. 2. S. 42–45. Available at: <http://casopis.hostbrno.cz/archiv/2014/2-2014/uvedomit-si-vzpominky-to-vyzaduje-pribehy> (accessed 27.04.2017)
13. Schlaraj M. Krieg als Norm? Russlands patriotische Erinnerung und heroische Diskurse // Zeitschrift für Slawistik. 59. 2. P. 222–237. Berlin: Akademie-Verlag, 2014.

Поступила в редакцию 21.11.2017

ЮЛИЯ ТАРАСОВНА ЛЕЙБЕНСОН

ассистент кафедры истории древнего мира исторического факультета Таврической академии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (Симферополь, Российская Федерация)
indrik-u-blues@rambler.ru

ПОЭТ ИСИЛЛ – БОСПОРСКИЙ ИЛИ ЭПИДАВРСКИЙ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Эллинистическая надпись из эпидаврского Асклепийона, найденная в 1885 году, привлекает внимание исследователей классической истории и филологии на протяжении почти полутора столетий. Разночтения вызвал вопрос о происхождении Исилла, автора надписи. Исилл подробно излагает обстоятельства своего прибытия в Эпидавр и упоминает, что пришел «с Боспора». Данная статья посвящена различным интерпретациям топонима «Боспор» эпидаврской надписи в историографии. Рассмотрены основные аргументы в пользу того, что под этим топонимом следует понимать Боспорское царство – античное государство в Северном Причерноморье, располагавшееся по обе стороны Керченского пролива (Боспора Киммерийского). Охарактеризованы употребления топонима, позволяющие признать такое понимание правомерным. Таким образом, надпись Исилла отражает связи Боспорского государства с общегреческими центрами, что делает ее ценной для изучения истории и культуры античных колоний Юга России.

Ключевые слова: Исилл Эпидаврянин, эллинистическая литература, античные государства Северного Причерноморья, историография истории античности

В 1885 году при раскопках Асклепийона в Эпидавре, проводимых К. Каввадиасом, была обнаружена известняковая плита, содержащая пространную надпись из 79 строк. Подобные находки в Эпидавре нередки. Асклепийон славился как один из главных общеэллиниских центров почитания бога-врача наряду с Косским и Книдским святилищами Асклепия. Во время Платона в Эпидавре проводились мусические состязания в честь Асклепия¹; широко известны были практики врачевания, подробно описанные Павсанием и Элием Аристидом². Случаи исцеления, произошедшие в Асклепийоне, записывались жрецами святилища на специальных таблицах, вывешивавшихся на стенах храма³. Но надпись, о которой пойдет речь, отличается по структуре и содержанию от стандартных эпидаврских сообщений об эпифаниях Асклепия и исцелениях. Текст эпидаврской надписи имеет рамочную структуру, и пеан (гимн) в честь божества обрамляется рассказом о «священном законе», принятом в Эпидавре, и помощи Асклепия Спарте, против которой повели войско македоняне.

Текст надписи неоднократно публиковался, полный его перевод на русский язык выполнен и издан Б. Н. Граковым⁴, поэтому мы ограничимся кратким пересказом. В начале текста надписи названо имя посвятителя – это Исилл, сын Сократа, Эпидаврянин. В первом разделе Исилл рассуждал о достоинствах аристократического правления и говорил о данном им обете начертать на камне свой политический манифест, если будет благоприятным закон, предложенный самим Исиллом народу Эпидавра. Во второй части

надписи приведен сам закон, связанный с аристократическими симпатиями Исилла. Он касается установления священной процессии в честь общего культа Аполлона и Асклепия, в которой должны участвовать аристократы города, избранные по филам. В третьей части Исилл рассказал об установлении совместного почитания Асклепия и Аполлона. Четвертая часть – это пеан в честь Асклепия. Она начинается предуведомлением: Исилл получил предписание от оракула в Дельфах начертать эту священную песнь, чтобы сохранить ее на вечные времена. В пеане содержится генеалогия Асклепия, детали которой не встречаются более ни в одном источнике. Пятая часть надписи повествует о чуде, которое сотворил Асклепий. Когда Исилл, будучи больным юношей, пришел с Боспора в Эпидавр за исцелением, ему явился Асклепий и возвестил, что исцелит юношу в свой черед, а пока отправится в Сарту, чтобы защитить ее от войск Филиппа. Исиллу бог велел оставаться в Эпидавре, но юноша пошел в Сарту и сообщил о виденном им чуде.

Текст эпидаврской надписи отражает разнообразные сферы жизни эллинистической Греции. Это и военно-политические события, и борьба различных политических воззрений, и формирование мифа об Асклепии, и даже некоторые тенденции развития эллинистической литературы. Поэтому на протяжении почти полутора столетий интерес исследователей классической древности к Исиллу и его надписи не угасает. Уже в 1886 году, спустя год после находки надписи и первой публикации ее К. Каввадиасом,

У. фон Виламовиц издал монографию «*Isyllos von Epidaurus*» с подробным разбором текста, а Ф. Ф. Соколов на основании сообщения Исилла о войне Филиппа составил обобщающий очерк «Третье столетие до Рождества Христова»⁵. Позднейшие исследователи привлекали надпись для изучения вопросов развития мифа об Аполлоне и Асклепии [1], [3: 134–137], [4: 291], поэтической традиции эллинизма [9], [10], [11: 26, 145, 154, 278], [13], пропаганды первенства Эпидаврского святилища в общегреческом культе Аполлона и практики сакральной медицины [8], [14], [15].

Интерес исследователей вызвал вопрос о происхождении автора пана. Несмотря на значительное количество работ, посвященных Исиллу, этот вопрос по сей день не находит окончательного решения. Часть исследователей видит в Исилле гражданина Эпидавра, другая же часть – выходца из Боспорского царства (Северное Причерноморье). Представляется важным рассмотрение аргументов обеих сторон: если доводы в пользу северопричерноморского происхождения Исилла обнаружат достоверность и весомость, это позволит судить о развитии интеллектуальной жизни Боспора и его культурных связях с центрами античного мира. В таком случае надпись из Эпидавра позволит дополнить наши представления о культурной жизни древнегреческих колоний на юге России в эллинистическое время.

Исилл в начале надписи назвал себя Эпидавряннином. Но в описании явления Асклепия он говорил о себе как о «болезненном юноше с Боспора»⁶ [10: 187]. Топоним «Боспор» употреблен в тексте лишь раз, без единого уточнения, что и вызвало различные интерпретации в историографии.

Боспором, как известно, назывались два пролива: Босфор и Керченский пролив. Боспором называли также монархическое государство в Северном Причерноморье. Первый исследователь Исилла У. фон Виламовиц считал его эпидавряннином, дорийским аристократом, видя в Боспоре некую неизвестную деревню неподалеку от Эпидавра. Эпидавром считал отечество Исилла А. Ф. Лосев [4: 291]. М. Л. Гаспаров в комментарии к русскому переводу пана не решался установить, какой именно Боспор следует видеть в эпидаврской надписи, но указал следующие возможные варианты: пролив, отделяющий Европу от Азии, или неизвестная местность в Арголиде [8: 503–504]. Х. Шмитц добавил еще один аргумент в пользу эпидаврского происхождения автора пана: Исилл назван сыном Сократа, а это обычное для просопографии Эпидавра [12: 1] (напротив, Виламовиц отмечал, что имя Исилл в Эпидавре встречается впервые⁷). По версии М. Фантуцци, текст следует понимать таким образом, что Исилл был родом из Эпидавра, отправился на Боспор (что следует

понимать под Боспором, автор не уточняет), заболел и возвратился в Эпидавр [10: 187]. В комментарии к публикации текста надписи в 1929 году Х. фон Гатринген не согласился с интерпретацией У. фон Виламовица и указал на то, что Боспор не означает неизвестную эпидаврскую деревню. Напротив, Боспор – город, притом находящийся на Боспоре Киммерийском, то есть Пантикапей⁸. Это мнение принял Б. Н. Граков, предложивший развернутую аргументацию в пользу северопричерноморского происхождения Исилла: среди всех известных Боспоров только один является населенным пунктом; Исилл тщательно описывает время и обстоятельства своего прибытия в Эпидавр; он специально ссылается на то, что божество само указало ему оставаться при святилище в Эпидавре (для местного уроженца нет смысла в таком обосновании). По реконструкции Б. Н. Гракова, Исилл прибыл с Боспора, получил исцеление и остался в Эпидавре, став местным поэтом или жрецом и эпонимом, получив гражданство, поэтому он и называет себя эпидавряннином, подчеркивая свои заслуги. Исходя из этой реконструкции, Б. Н. Граков считал Исилла «представителем общегреческой образованности на почве Северного Причерноморья» и отмечал, что «его судьба – образец связи жизни нашей эллинской окраины с жизнью греческого мира в целом»⁹.

Практически все последующие исследователи истории и культуры Северного Причерноморья (Д. Б. Шелов, В. Д. Блаватский, Э. Б. Петрова) приняли аргументацию Б. Н. Гракова. Предлагался вывод, что своим поэтическим талантом автор пана обязан полученному на родине образованию и общему культурному фону Боспорского государства [2], [5: 81], [7: 140]. Таким образом, если в исследованиях, посвященных проблемам истории и культуры Северного Причерноморья, об Исилле писали преимущественно как о талантливом выходце из северопонтийской колонии, то в литературе, посвященной общим вопросам классической истории и филологии, возможность понимать под Боспором эпидаврской надписи Боспорское царство / Пантикапей не рассматривалась за исключением комментария Х. фон Гатрингена.

Возможно ли окончательно разрешить вопрос о родине Исилла и справедливо ли считать его выходцем из античной колонии в Северном Причерноморье?

Основные аргументы, к которым обращаются для доказательства причерноморского происхождения поэта, таковы:

1. Нельзя игнорировать появление в надписи топонима «Боспор». Поселение с таким названием в Арголиде близ Эпидавра неизвестно, нет смысла «изобретать» пелопоннесский Боспор. Когда античным авторам требовалось обозначить, откуда родом тот или иной человек,

обыкновенно назывался населенный пункт или местность, где этот пункт располагался. Вот как передавала античная литературная традиция, собранная Диогеном Лаэртским, сведения о происхождении знаменитых выходцев из Северного Причерноморья: «Бион был родом Борисфенит (то есть ольвиополит¹⁰), Сфер Боспорский, Дифил Боспорский¹¹. Диоген говорил и о «юношах с Понта»¹², часто под этим также понимают выходцев из Боспорского царства. Понтом называл Боспорское царство Исократ, составивший оправдательную речь для сына Сопея, высокопоставленного чиновника боспорского царя Сатира I. При этом очевидно, что Сопеид не просто боспорянин, но пантикапеец, поскольку речь идет о столичной жизни приближенного к царю влиятельного человека¹³. Понтийцами называли выходцев из городов, расположенных на северном берегу Малой Азии¹⁴. В любом случае, приводят тот или иной топоним для рассказа об отечестве какого-либо лица, подразумевали населенный пункт, а не просто пролив, реку или море. Таким образом, Боспор эпидаврский надписи логично считать населенным пунктом в Боспорском царстве. Напротив, понимать под Боспором местность возле пролива Босфор вряд ли верно: о жителях берегов Боспора Фракийского не говорили как о «боспорянах» или «выходцах с Боспора». Указывали, что они родом из Византия, Калхедона или же византийцы, калхедоняне¹⁵.

2. Важно учитывать и особенности языка надписи. В нем встречаются как доризмы, так и ионизмы. Исилл мог употреблять доризмы как эпидаврянин (носитель дорийского диалекта), а ионизмы использовать, чтобы приблизить текст к эпическому стилю. Но нужно учитывать, что ионийский диалект характерен для жителей Боспорского царства. Тогда ионизмы следует считать более естественными для языка автора пеана, а доризмы – усвоенными им уже во время жизни в Эпидавре. В пользу этого свидетельствует тот факт, что перебивки ионийских словоформ с дорийскими нельзя отнести исключительно к эпической манере автора. К примеру, ионийский диалект встречается не только в гекзаметрах второй и пятой частей надписи, но и в трохеических тетраметрах первой части и иониках четвертой (сам пеан¹⁶) [10: 183–186].

3. Еще один аргумент в пользу северопричерноморского происхождения Исилла – это его апология аристократического правления. Исилл подчеркивал, что с юности был горячим приверженцем аристократического образа правления и жизни, и именно с аристократическим правлением он связывал общее благоденствие. Закон о восстановлении аристократии был принят в Эпидавре «не без участия богов», он назван «священным». Аристократический порядок даст эпидаврянам, по мнению Исилла, возможность «наслаждаться... добропорядочностью мужей,

законностью, миром и безупречным богатством». Аристократические воззрения Исилла вошли и в его религиозную речь: имя бабки Асклепия, Клеофема, отсылает читателя надписи к двум аристократическим ценностям – κλέος (слава) и φήμη (репутация, добрая слава), а в конце надписи Асклепий назван ὁ μέγ' ἄριστε θεῶν. Эпитет ἄριστε крайне редок для описания богов, но является ключевым для аристократической идеологии. Исиллу как приверженцу аристократии присуще лаконофильство: в пеане сказано, что Асклепий «почитает потомство Геракла» (дорийцев), которое и «Зевс шадит». Аполлон и Асклепий названы царями – это перекликается с «царской честью» Спарты. Б. Н. Граков считал, что стихи Исилла выдают его принадлежность к боспорской аристократии, в Эпидавре же на его монархические взгляды наложилось лаконофильство¹⁷ [10: 184]. Но нужно признать, что этот аргумент малоубедителен: монархические и аристократические убеждения могли сложиться у поэта эллинистической эпохи далеко не только на Боспоре.

4. В качестве косвенного аргумента рассматривают близость времени жизни Исилла Эпидаврянина и Исилла, готовившего хор для дельфийских Сотерий, также выходца с Боспора (он известен по дельфийской надписи 268–266 года до н. э.¹⁸). Исходя из совпадения имен, близости времени их жизни, в двух Исиллах предполагали родственников или одно лицо [5: 157]. Если принять датировку записи пеана 280 года до новой эры, а события, описанного в нем, 338 года до новой эры (поход Филиппа II на Спарту), то отождествление выглядит возможным. Но в таком случае на момент записи гимна Исиллу должно быть около 70 лет. Случаи долгожительства среди античных философов, поэтов и музыкантов нередки, но все же маловероятным представляется участие Исилла в музыкальных агонах спустя еще десятилетие. Тем не менее наличие в боспорской просопографии имени Исилл в первой половине III в. до н. э. дает возможность с некоторой долей вероятности связывать Исилла эпидаврянина с Боспором.

Путешествие молодого боспорянина в Эпидавр за исцелением, его политический и поэтический успех вдали от родины не являются чем-то принципиально невозможным. Боспорское царство не было изолировано от общегреческой культуры. Боспоряне участвовали в Панафинеях, принимали посвящение в мистерии, путешествовали с образовательными целями [6: 109–129]. Наиболее известными тому примерами служат упомянутые Дифил Боспорский, ставший приверженцем мегарика Сильпона в Афинах (не позднее 280-х годов до н. э.), и Сфер Боспорский, прибывший в Афины в 270–260-х годах до н. э., ученик основателя стоической школы Зенона Китийского. В свою очередь, на Боспор приезжали

музыканты, архитекторы, учителя из прославленных греческих городов. Так, в I веке до н. э. родосский военачальник Мемнон, воевавший с боспорским царем Левконом I, направил музыканта Аристократа из Олинфа на Боспор с разведывательной миссией¹⁹. При боспорском царе Перисаде I (344–310 годы до н. э.) столицу Боспора посетил знаменитый афинский кифаред Стратоник²⁰. Позднее, в I веке до н. э., из Синопы в Пантикапей прибыл педотриб Фарнак²¹.

Вывод исследователей античного Северного Причерноморья о боспорском происхождении

Исилла представляется справедливым. Наиболее значимым аргументом в пользу этого следует считать появление в посвянительной надписи топонима «Боспор» с подробным изложением деталей прибытия Исилла в Эпидавр. В пользу боспорского происхождения автора пана Асклапию и Аполлону говорят и рассмотренные косвенные аргументы. Таким образом, имя Исилла дополняет просопографию образованных граждан северопричерноморских колоний, сохранявших приверженность общеэллинским культовым и интеллектуальным традициям.

Текст и перевод надписи Исилла. Приводится по: Граков Б. И. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. № 3. 1939. № 57.

1 Ἴσυλλος Σωκράτους Ἐπιδαύριος ἀνέθηκε
Ἀπόλλωνι Μαλεάται καὶ Ἀσκλαπιῶι.
(I) δᾶμος εἰς ἀριστοκρατίαν ἄνδρας αἰ προάγοι καλῶς,
αὐτὸς ἰσχυρότερος ὀρθοῦται γὰρ Ἐξ ἀνδραγαθίας.
5 αἱ δὲ τις καλῶς προαχθεὶς θιγγάνοι πονηρίας
πάλιν Ἐπαγκροῦον, κολάζον δᾶμος ἀσφαλέστερος.
τάνδε τὰν γνῶμαν τόκ' ἤχον καὶ ἔλεγον καὶ νῦν λέγω.
εὐξάμαν ἀναγράψεν, αἴ κ' εἰς τάνδε τὰν γνῶμαν πέτη
ὁ νόμος ἀμίν, ὃν Ἐπέδειξα ἔγεντο δ' οὐκ ἄνευ θεοῦ.

10 (II) τόνδ' ἱερὸν θεῖαι μοίραι νόμον ἤρην
Ἴσυλλος

ἄφθιτον ἀέναον γέρας ἀθανάτοισι θεοῖσιν,
καὶ νιν ἅπας δᾶμος θεθμὸν θέτο πατρίδος ἀμᾶς,
χειρας ἀνασχόντες μακάρεσσιν Ἐς οὐρανὸν εὐρύ[ν].
οἱ κεν ἀριστεύουσι πόληος τᾶσδ' Ἐπιδαύρου,
15 λέξασθαί τε ἄνδρας καὶ Ἐπαγγεῖλαι κατὰ φυλάς,
οἷς πολιοῦχος ὑπὸ στέρνοις ἀρετὰ τε καὶ αἰδώς,
τοῖσιν Ἐπαγγέλλεν καὶ πομπεῦεν σφε κομῶντας
Φοῖβου ἄνακτι υἱῶι τε Ἀσκλαπιῶι ἰατῆρι
εἰμασιν Ἐν λευκοῖσι, δάφνας στεφάνοις ποτ' Ἀπόλλω,
20 ποί δ' Ἀσκλαπιὸν ἔρνεσι Ἐλαίας ἡμεροφύλλου
ἀγνώως πομπεῦεν καὶ Ἐπεύχεσθαι πολιῆταις
πᾶσιν ἀεὶ διδόμεν τέκνοις τ' Ἐρατὰν ὑγίαιαν,
τὰν καλοκαγαθίαν τ' Ἐπιδάυροϋ ἀεὶ ῥέπεν ἀνδρῶν
εὐνομίαν τε καὶ εἰράναν καὶ πλοῦτον ἀμεμφῆ,
25 ὥραις Ἐξ ὥρᾶν νόμον ἀεὶ τόνδε σέβοντα·
οὕτω τοί κ' ἀμῶν περιφεῖδοιτ' εὐρύοπα Ζεὺς.

vacat
27 (III) πρῶτος Μᾶλος ἔτευξεν Ἀπόλλωνος
Μαλεάται

βωμὸν καὶ θυσίαις ἡγλαΐσεν τέμενος·
οὐδέ κε Θεσσαλίας Ἐν Τρίκκῃ πειραθείης
30 εἰς ἄδυτον καταβάς Ἀσκληπιοῦ, εἰ μὴ ἀφ' ἀγνοῦ
πρῶτον Ἀπόλλωνος βωμοῦ θύσαις Μαλεάται.

32 Ἴσυλλος Ἀστυλαΐδαι Ἐπέθηκε μαντεύσασθαί οἱ
περὶ τοῦ παιᾶνος Ἐν Δελφοῖς, ὃν Ἐπόησε εἰς τὸν Ἀπόλ-
λωνα καὶ τὸν Ἀσκλαπιόν, ἧ λῳίον οἱ κα ἔτη ἀγγρά-
35 φοντι τὸν παιᾶνα. Ἐμάντευσε λῳίον οἱ κα εἶμεν
ἀγ-
γράφοντι καὶ αὐτίκα καὶ εἰς τὸν ὕστερον χρόνον.

vacat
37 (IV) ἰεπαῖα να θεὸν ἀεῖσατε λαοί, | ζαθεᾶς
Ἐνναέται

τᾶσδ' Ἐπιδάυρου. | ὦδε γὰρ φάτις Ἐνέπουσ' ἤλυ-
θ' Ἐς ἀκοὰς προγόνων ἀμετέρων, ὦ Φοῖβε Ἀπόλ-
40 λων. | Ἐρατῶ Μοῦσαν πατῆρ Ζεὺς λέγεται
Μά[λ[ωι]
δόμεν παράκοιτον ὀσίοισι γάμοις. | Φλεγύας δ', [δς]
πατρίδ' Ἐπιδάυρον ἔναειν, | θυγατέρα Μάλου γαμ[ε]-
εἰ {²⁶γαμεῖ} ²⁶, τὰν Ἐρατῶ γεί[νατο μάτηρ, Κλεοφῆμα δ'
ὀνομάσθη. | Ἐγ

Исилл, сын Сократа, эпидаврец, посвятил Аполлону Малеату и Асклапию.

I
Если народ воспитывает мужей к аристократическому образу правления,
(то) он сам (бывает) сильнее: ведь (они) тогда вырастают на (пра-
вилах) доблести.

А если кто-нибудь, несмотря на прекрасное воспитание, будет сопричастен преступлению,
к тому же отклоняясь назад, то, наказуя его, народ – в большей безопасности.

Это именно мнение я тогда имел и говорил и теперь говорю.
Я дал обет (это) начертать, если к этому мнению склонится для нас закон, который я указал. (Это) свершилось не без (участия) богов

II
Этот священный закон по божественному велению судьбы придумал Исилл
(как) несокрушимый, неиссякаемый дар самим богам, и его весь народ положил обычаем нашего отечества, воздев руки к блаженным в небесную ширь:
из всех благородных этого города Эпидавра выбрать мужей и объявить по филам.

У кого градодержцем в груди добродетель и скромность, тем (это) объявлять и вести их в процессии красующихся для царя Феба и (его) сына, врача Асклапия, в белых одеждах; в лавровых венках к Аполлону, а к Асклапию с ветвями нежнолистной маслины непорочно шествовать и всем гражданам молиться о постоянном даровании детям желанного здоровья и о (возможности) наслаждаться в Эпидавре добропорядочностью мужей, законностью, миром и безупречным богатством, из часа в час, всегда почитая этот закон.

Так, конечно, нас будет шадить широкогремящий Зевс.

III
Первым Мал соорудил алтарь Аполлона Малеата и украсил блистательными жертвами (священную) ограду. И в фессалийской Трикке ты (пожалуй) не будешь пытаться спуститься в святилище Асклапия, если сначала не принесешь жертвы у чистого алтаря Аполлона Малеата.

IV
Исилл поручил Астилаиду испросить для себя в Дельфах прорицание о пеане, который он создал в честь Аполлона и Асклапия, не будет ли для него лучше начертать этот пеан. (Тот) прорек, что для него лучше начертать и на настоящее и на будущее время.

«Священнопеанного бога воспойте, люди! Он обитает в этом сверхбожественном Эпидавре. Ибо вот каким образом речь, повествующая (об этом) достигла слуха

наших предков, о Феб Аполлон. Говорят, что отец Зевс Музу Эрато дал Малу супругою в освященный брак. Флегий, который обитал в родном Эпидавре,

δὲ Φλεγύα γένητο, Ἀίγλα δ' ὀνομάσθη | τόδ' Ἐπώνυμον·
 45 τὸ κάλλος δὲ Κορωνίς Ἐπεκλήθη. | κατιδὼν δὲ ὁ
 χρυ-
 σότοξος Φοῖβος Ἐμ Μάλου δόμοις παρθενίαν ὦραν
 ἔλυσε» | λεγέων δ' ἡμεροέντων Ἐπέβας, Λαίτωι κόρη
 χρυσοκόμα. | σέβομαί σε· Ἐν δὲ θυάδει τεμένει τέ-
 κε|τό νιν Ἀίγλα, γονίμαν δ' ἔλυσεν ᾠδί|να Διὸς
 50 παῖς μετὰ Μοιρᾶν Λάχεσις τε μαῖα ἀγαυά. |
 Ἐπίκλη-
 σιν δὲ νιν Ἀίγλας ματρὸς Ἀσκλη|πιὸν ὀνόμαξε
 Ἀπόλλων, τὸν νόσων παύστορα, δωτήρα ὑγείας,
 μέγα δῶρημα βροτοῖς. | ἰεπαῖαν, ἰεπαῖαν, χαίρειν
 Ἀσκλη|πιέ, τὰν σάν Ἐπίδauρον ματρόπολιν ἀ|
 55 ξων, Ἐναργῆ δ' ὑγίαιαν Ἐπιπέμποις | φρεσὶ καὶ σώ-
 μασιν ἀμοῖς· ἰεπαῖαν, ἰεπαῖαν.
 [—————]
 57 (V) καὶ τόδε σῆς ἀρετῆς, Ἀσκληπιέ, τοῦργον
 ἔδειξας
 Ἐγ κείνοισι χρόνοις, ὅκα δὴ στρατὸν ἄγε Φίλ[ι]ππος
 εἰς Σπάρτην, Ἐθέλων ἀνελεῖν βασιληίδα τιμῆν.
 60 τοῖς δ' Ἀσκληπιὸς ἦλθε βοαθῆος Ἐξ Ἐπιδαύρου,
 τιμῶν Ἡρακλέος γενεάν, ἄς φείδετο ἄρα Ζεύς.
 τουτάκι δ' ἦλθε, ὄχ' ὁ παῖς Ἐκ Βουσπόρου ἦλθεν
 κάμνω.
 τῶι τύγα ποστειχόντι συνάντησας σὺν ὄπλοισιν
 λαμπόμενος χρυσεῖοσ', Ἀσκληπιέ. παῖς δ' Ἐσιδὼν σε
 65 λίσσετο χεῖρ' ὀρέγων, ἰκέτηι μῦθωι σε
 προσαντῶν·
 «ἄμμορός εἰμι τεῶν δῶρων, Ἀσκληπιέ Παιάν,
 ἀλλά μ' Ἐποῖκτειρον.» τὸ δέ μοι τάδε ἔλεξας Ἐναργῆ·
 «θάρσει· καιρῶι γάρ σοι ἀφίξομαι — ἀλλά μὲν'
 αὐτεῖ —
 τοῖς Λακεδαιμονίοις χαλεπὰς ἀπὸ κῆρας Ἐρύξας,
 70 οὐνεκα τοὺς Φοῖβου χρησμοὺς σώιζοντι δικαίως,
 οὐς μαντευσάμενος παρέταξε πῶληι Λυκοῦργος.»
 ὡς ὁ μὲν ὤιχετο Ἐ|ε|πι {^{2ο}Ἐπι} Σπάρτην. Ἐμ δ' ὥρσε
 νόημα
 ἀγγεῖλαι Λακεδαιμονίοις Ἐλθόντα τὸ θεῖον
 πάντα μάλ' ἔξείας· οἱ δ' ἀυδήσαντος ἄκουσαν
 75 σώτειραν φῆμαν, Ἀσκληπιέ, καὶ σφε σώσασας.
 οἱ δὲ Ἐκάρυξαν πάντας ξενίαις σε δέκεσθαι,
 σωτήρα εὐρυχόρου Λακεδαίμονος ἀγκαλέοντες.
 ταῦτά τοι, ὦ μέγ' ἄριστε θεῶν, ἀνέθηκεν Ἴσυλλος
 τιμῶν σὴν ἀρετῆν, ὦναξ, ὡσπερ τὸ δίκαιον.

женился на дочери Мала, которую родила мать
 Эрато – а названа она была Клеофэмою.
 От Флегия родилась (дочь), названная Эглою.
 Вот ее прозвище: по красоте она была наречена Коронидою.
 С высоты узрел (ее) златолукий Феб
 в доме Мала и прервал ее девическую пору,
 (ты) взошел на сладостное ложе,
 50 Сын Латоны златокудрий.
 Почитаю тебя. В благовонной (священной) ограде
 родила его Эгла. Родовые муки разрешила
 дочь Зевса с Мойрами и дивная повитуха Лахесис.
 Прозвание ему по Эгле матери Асклапием нарек Аполлон –
 болезней разрешителем, подателем здравия, великим даром для
 смертных.
 Изэпан! Изэпан! Будь здоров, Асклапий!
 Свою родину, Эпидавр, возвеличь,
 видимое здоровье ниспослали
 нашим помыслам и телам, изэпан! Изэпан!»
 V
 Вот еще какое деяние своей благодати показал ты, Асклепий,
 в те времена, когда Филипп вел войско
 на Спарту, желая отнять царскую честь.
 К ним Асклепий пришел на помощь из Эпидавра,
 почитая потомков Геракла, которых щадил и Зевс.
 Он тогда пришел, когда этот юноша пришел больной из Буспора.
 Ты встретил его приходящего, сияя золотым оружием, Асклапий.
 Юноша, увидев тебя,
 молил, простирая руку, обращаясь навстречу тебе с проситель-
 ным словом:
 «Я прибыл сюда за твоими дарами, Асклапий Пэан,
 но сжался надо мной». Ты мне ясно сказал так:
 «Уповай, во время для тебя я приду (но ты оставайся здесь),
 Отвратив от лакедемонян тяжкую гибель
 за то, что они сохраняют достойным образом оракулы Феба,
 которые испросил и предписал (этому) городу Ликург».
 Так он отбыл в Спарту. Меня же мысль побудила
 пойти и возвестить лакедемонянам это чудо,
 все по точному порядку. Когда я возгласил об этом, они выслушали
 спасительное предзнаменование, Асклапий, и ты их спас.
 Они, конечно, объявили во всеуслышание, чтобы все тебя радуш-
 но принимали,
 называя (тебя) спасителем обширного Лакедемона.
 Это тебе, о самый благой из богов, посвятил Исилл,
 чувствуя твою благодать, о царь, так, как только подобает.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Plat. Ion. 530a.
- 2 Paus. II. 27; Ael. Aristid. H. L. I–VI.
- 3 Inscriptiones Graecae. Vol. IV: Inscriptiones Argolidis / Edid. Maximilianus Fraenkel. Berolini apud Georgium Reimerum, 1902. 411 p. № 951–956.
- 4 Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 280–286.
- 5 Соколов Ф. Ф. Третье столетие до Рождества Христова // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Май. С. 1–16.
- 6 Wilamowitz-Moellendorff U. von. Isyllos von Epidaurus. Berlin, 1886. S. 24.
- 7 Wilamowitz-Moellendorff U. von. Isyllos von Epidaurus. S. 4.
- 8 Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. С. 285.
- 9 Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. С. 285–286.
- 10 Herod. IV. 17–18.
- 11 Diog. Laert. II. 11. 113; VII. 6. 177.
- 12 Diog. Laert. VI. 1.
- 13 Isocr. Trapedz. 3.
- 14 Luc. Vit. auct. 7.
- 15 Herod. IV. 144. 1; Polyæn. Strat. V. 44. 1; Diog. Laert 2. 8. 104.
- 16 Inscriptiones Graecae. Vol. IV: Inscriptiones Argolidis. P. 202.
- 17 Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. С. 285–286.
- 18 Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. С. 245–246.
- 19 Polyæn. Strat. V. 44. 1.
- 20 Athen. VIII. 349d.
- 21 Корпус боспорских надписей / Под ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. № 129.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афонасин Е. В., Афонасина А. С. Неоплатонический Асклепий // СХОАН: Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10. Вып. 1. С. 260–280.
2. Блаватский В. Д. Ученые, поэты, архитекторы, скульпторы и другие мастера, работавшие в Северном Причерноморье // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 219.
3. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Пер. К. П. Лукьяненко; Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. 620 с.
4. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
5. Петрова Э. Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь: Сонат, 2000. 264 с.
6. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
7. Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 195 с.
8. Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика / Ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. 528 с.
9. Benedum C. Asklepios – Der homerische Arzt und der Gott von Epidauros // Rheinisches Museum für Philologie. 1990. P. 210–226.
10. Fantuzzi M. Sung Poetry: The Case of Iscripted Peans // A Companion to Hellenistic Literature / Ed. by James J. Clauss, Martine Cuypers. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010. P. 181–196.
11. Frangeskou V. The Hymns of Gregory of Nazianzus and their Place in the History of Greek and Early Christian Hymnography // Submitted in accordance with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy The University of Leeds School of Classics. 1984. 363 p.
12. Schmitz H. Die Isyllos-inschrift von Epidauros (IG IV P², 128). 6 p. Available at: <http://www.outis.info/Isyllos.pdf> (accessed 11.12.2016).
13. Sheppard A. Why Inscribe? Isyllos of Epidauros and the Function of Inscribed Hymns // 144th Abstracts of APA Annual Meeting. January 3–6, 2013. Washington State Convention Center Seattle, WA, 2013. P. 227–228.
14. Schultz P., Wickkiser B. Communicating with the Gods in Ancient Greece: The Design and Functions of the ‘Thymele’ at Epidauros // The international journal of technology, knowledge and society. Champaign, Illinois: Common Ground, 2000. P. 143–164.
15. Solin H. Inschriftliche Wunderheilungsberichte aus Epidauros // Zeitschrift für Antikes Christentum. № 17 (1). Berlin: De Gruyter, 2013. P. 7–50.

Leybenson J. T., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

THE POET ISYLLUS – BOSPORIAN OR EPIDAURIAN? HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Throughout nearly one and a half centuries, the Hellenistic inscription from the Asclepieion of Epidauros, found in 1885, draws attention of the researchers of classical history and philology. There were big disagreements on the origin of Isyllus of Epidauros, the author of the inscription. Isyllus in detail described the circumstances of his arrival in Epidauros and mentioned that he came “from Bosphorus”. This article is concerned with various historiographical interpretations of the word “Bosphorus”, an inscription from Asclepieion of Epidauros. The main arguments, supporting the theory on the toponym Bosphorian Kingdom as an antique state on the northern Black Sea Coast of the Kerch Strait (Cimmerian Bosphorus), are considered. The features of the toponym use, justifying such understanding of the inscription, are also characterized. Therefore, Isyllus inscription reflects the presence of communication ties of the Bosphorian State with universal Greek centers. As a result, further studies of the history and culture of antique colonies of the southern regions of Russia are very valuable.

Key words: Isyllus of Epidauros, Hellenistic literature, Ancient states on the northern Black Sea Coast, historiography of ancient history

REFERENCES

1. Afonasin E. V., Afonagina A. S. Neoplatonic Asclepiu. *Scholar: Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2016. Vol. 10. Issue 1. P. 260–280. (In Russ.)
2. Blavatskij V. D. Scientists, poets, architects, sculptors and other masters who worked in the Northern Black Sea Coast. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1984. P. 219. (In Russ.)
3. Graves R. The Greek Myths / Transl. K. P. Luk'janenko; Ed. A. A. Taho-Godi. Moscow, 1992. 620 p. (In Russ.)
4. Losev A. F. Ancient mythology in its historical development. Moscow, 1957. 620 p. (In Russ.)
5. Petrova E. B. Ancient Theodosia: History and Culture. Simferopol, 2000. 264 p. (In Russ.)
6. Skrzhinskaja M. V. Ancient Greek holidays in Hellas and Northern Black Sea Coast. St. Petersburg, 2010. 464 p. (In Russ.)
7. Shelov D. B. Ancient World in the Northern Black Sea Coast. Moscow, 1956. 195 p. (In Russ.)
8. Hellenic poets VIII–III centuries BC: Epic, elegy, iambic, melika / Ed. M. L. Gasparov Moscow, 1999. 528 p. (In Russ.)
9. Benedum C. Asklepios – Der homerische Arzt und der Gott von Epidauros // Rheinisches Museum für Philologie. 1990. P. 210–226.
10. Fantuzzi M. Sung Poetry: The Case of Iscripted Peans // A Companion to Hellenistic Literature / Ed. by James J. Clauss, Martine Cuypers. Singapore, 2010. P. 181–196.
11. Frangeskou V. The Hymns of Gregory of Nazianzus and their Place in the History of Greek and Early Christian Hymnography // Submitted in accordance with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy The University of Leeds School of Classics. 1984. 363 p.
12. Schmitz H. Die Isyllos-inschrift von Epidauros (IG IV P², 128). 6 p. Available at: <http://www.outis.info/Isyllos.pdf> (accessed 11.12.2016).
13. Sheppard A. Why Inscribe? Isyllos of Epidauros and the Function of Inscribed Hymns // 144th Abstracts of APA Annual Meeting. January 3–6, 2013. Washington State Convention Center Seattle, WA, 2013. P. 227–228.
14. Schultz P., Wickkiser B. Communicating with the Gods in Ancient Greece: The Design and Functions of the ‘Thymele’ at Epidauros // The international journal of technology, knowledge and society. Champaign, Illinois: Common Ground, 2000. P. 143–164.
15. Solin H. Inschriftliche Wunderheilungsberichte aus Epidauros // Zeitschrift für Antikes Christentum. № 17 (1). Berlin: De Gruyter, 2013. P. 7–50.

Поступила в редакцию 19.06.2017

КИРА АНДРЕЕВНА ОНИПКО

аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kirin.klik@gmail.com

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ НЕКРОЛОГИ: ГЕРОИ И КОНТЕКСТЫ

Статья посвящена проблеме осмысления некрологов как текстов биографического характера. Рассматриваются авторские стратегии изображения героев первых некрологов Российской Империи – И. Ф. Богдановича и А. Н. Радищева, а также актуализируется проблема соотношения индивидуальной судьбы персонажей некрологических текстов и программ и схем поведения, артикулируемых сообществом и эпохой. Особое внимание уделяется дискурсивным механизмам, позволяющим сконструировать «биографические личности» Богдановича и Радищева как поэта и философа соответственно. В статье ставится вопрос о культурных и социальных предпосылках развития жанра некролога в России: гуманистическом идеале сентиментализма, идеях Просвещения, масонской этике, салонных литературных практиках, развитии светских форм жизни, читательских ожиданиях на рубеже XVIII–XIX веков. Помимо этого затрагивается тема о секулярном характере русских некрологов того времени.

Ключевые слова: И. Ф. Богданович, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, И. М. Борн, некролог, биографический нарратив, «биографическая личность»

Период со второй трети XIX по первое десятилетие XX века в России ознаменовался настоящим расцветом жанра некролога. В журналах и газетах того времени было опубликовано несколько десятков тысяч некрологов людям разных занятий и профессий, разного социального положения. Можно сказать, что некрологи составили биографический словарь представителей всех областей человеческой деятельности, своеобразный словарь эпохи [12: 240].

Современный российский социолог и историк культуры А. И. Рейтблат первым журнальным некрологом в Российской Империи считает некролог Ипполиту Федоровичу Богдановичу в «Вестнике Европы» № 3 за 1803 год¹. Однако, на мой взгляд, в этом выпуске было напечатано, скорее, извещение о смерти литератора: «С чувствительностью и прискорбием объявляем нашим читателям о смерти господина Богдановича, творца поэмы всем известной и столь приятной. Он скончался 6 января в Украинской деревне своей»². Далее автор извещения просит от лица редакции родственников Богдановича прислать известия, чтобы напечатать «краткое описание жизни его». Издателей интересует «1) время и место рождения; 2) образ воспитания; 3) первые изъявления таланта поэтического; 4) род службы и жизни; 5) черты характера; 6) обстоятельства кончины»³. Подробное разъяснение того, какая именно информация необходима, позволяет предположить, что жанр некролога был относительно нов для российского образованного читателя начала XIX века и он еще не вполне представлял, что должно быть указано в сообщениях этого типа.

В итоге описание жизни Богдановича и подробный разбор поэмы «Душенька» вышли в № 9–10 «Вестника Европы» за 1803 год под заголовком «О Богдановиче и его сочинениях».

Автор некролога – Н. М. Карамзин, подписавший некролог инициалами «Ц. Ф.»⁴. Отнести данное высказывание к жанру некролога позволяет тот факт, что публикация его состоялась почти сразу после смерти его героя. Привязка к смерти является конститутивной особенностью некролога [13: 195]. В тексте представлена довольно подробная биография поэта, переводчика и государственного деятеля, а также даны детальный обзор поэмы «Душенька», последовательное описание творческого пути поэта и указание на некоторую предопределенность этого пути – мотивы, довольно часто встречающиеся в некрологах: «Таланты иногда долго зреют, но всегда рано открываются: уже в детстве Богданович страстно любил чтение, рисование, музыку и стихотворство»⁵.

Также мы можем увидеть концовку, отчасти свойственную современным некрологам: «Говорят, что жизнь и характер сочинителя видны в его творениях; однако ж мы, любя последние, всегда спрашиваем о первых у тех людей, которые лично знали автора. Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его свойства, тихий нрав, чувствительность, бескорыстие и какую-то невинную веселость, которую он сохранил до старости и которая делала его приятным в дружеском обществе. Никто не замечал в нем авторского самолюбия. Богданович даже редко говаривал о поэзии и литературе, и всегда с некоторой застенчивостью, бывшей природным свойством его»⁶. В конце мы обнаруживаем привычные и для современных некрологов воспоминания друзей и знакомых покойного о его положительных личностных, душевных, социально ориентированных качествах («тихий нрав», «чувствительность», «бескорыстие», «невинная веселость», отсутствие «авторского самолюбия», «застенчивость»), а также обещание сохранить память о нем.

Однако во многом набор конкретных характеристик был обусловлен влиянием эстетики сентиментализма. В это время на первый план выходят жанры, позволяющие наиболее разносторонне описать облик и характер своих героев. Возрастает интерес к отдельной личности, к «внутреннему человеку», а «чувствительный человек» провозглашается идеалом эпохи [6: 726], [7: 71]. Нетрудно заметить, что уже упомянутые положительные характеристики героя некролога – это типичные черты сентименталистского гуманистического идеала. В эпоху сентиментализма, согласно построениям и выводам Ф. Арьеса, складывается новый комплекс представлений о смерти, который он называет «смерть твоя» (*la mort de toi*). Именно тогда формируется особый язык, который позволяет выразить и описать комплекс трагических эмоций, вызываемый смертью близкого человека [1: 14–15].

Помимо этого, текст Карамзина, по мнению Д. Я. Калугина, – это не только рассказ о жизни поэта, но и «представление всего социального механизма поэтического творчества», и речь здесь идет, вероятно, о принципиально новой форме существования салонного творчества, где главной является задача нравиться женской аудитории [4: 198]. Недаром самым распространенным эпитетом жизнеописания является слово «приятный» (стихи в «Душеньке» «умны и приятны», приятна жизнь Богдановича в Дрездене, приятные стихи поэта рождаются за счет вдохновения, вызванного чувствительностью «к любезности женской»).

Согласно Калугину, салонная культура требует контроля над эмоциями, соблюдения приличий, изысканности, сдержанности и сладкоречия. Поэт в салоне также призван вызывать умиление и своего покровителя (о покровительстве М. М. Хераскова Богдановичу в тексте некролога сказано немало) и тем самым уподобляться младенцу в тихом семейном кругу, с каковым можно сравнить пространство салона [4: 198]. Все это в конечном счете ставит вопрос специфики говорения о жизни поэта или писателя, на которую влияет то, что занятие литературой в начале XIX века еще не могло наделять автора полноценным социальным статусом, литература все еще оставалась довольно частным делом и ассоциировалась с приватной сферой [4: 209].

Первым из известных писательских некрологов, по мнению Т. Д. Кузовкиной, следует считать прозаический отрывок внутри стихотворения Ивана Мартыновича Борна «На смерть Радищева» (альманах «Свиток муз», 1803 год)⁷. Примечательно, что некролог Радищеву выходит только в малотиражном издании «Вольного общества любителей словесности», в то время как в издании вроде «Вестника Европы» он выйти не мог. Во всяком случае, официально. Во время работы над так и не опубликованной статьей «Карамзин в “Вестнике Европы”» Ю. М. Лотману удалось выяснить, что писатель все же откликнулся в своем журнале на смерть Радищева, однако

замаскировал этот отклик под перевод с французского [10: 37].

Борн начинает некролог с размышлений об изменчивости человеческой жизни, следуя сентименталистской традиции: «Жизнь подвержена коловратности и всяким переменам. Нет дня похожего на другой. Как легчайший ветер возмущает поверхность вод, так жизнь наша есть игралище вечного движения»⁸. Заканчивает же восклицаниями о бренности жизни и неумолимости смерти, о цели человеческого существования, достигнув которую, человек смеет надеяться на вечную жизнь: «Вечная причина всего сущего! пред Тобою человек ничто. Как ему постигнуть связи судеб! Кто изведает таинственные узы великих душ с происшествиями мира в океане вечности? Ужели смерть есть конец всему? Сие изменение бытия нашего в видимом. Раскроем книгу истории человечества. Все стремились к некоторой цели. Кто оной достиг? К чему сие стремление? Где оному предел? А когда оно есть, когда оно врожденно каждому человеку, то почему нам не признать другой, третьей, вечной жизни? – О, друзья мои! человек не престаёт быть: он переменяет токмо вид свой в природе!»⁹ В этом заключительном пассаже важна мысль о том, что «человек не перестает быть».

Однако представляется, что автор некролога ссылается не на христианское религиозно-богословское понимание бессмертного бытия души. Эта идея скорее согласуется с мыслями, высказанными самим Радищевым, о том, что душа человека после смерти либо перейдет в другое тело, либо оживит животное, «существо нижнего рода», либо перейдет в состояние «лучшее, совершеннейшее». Иными словами, по мнению Радищева, человек после своей смерти не перестает существовать, поскольку сила его мысли, превосходящая все иные естественные силы, совсем исчезнуть не может¹⁰. Здесь, вероятно, стоит вспомнить и стихотворное «Письмо о бессмертии души» (1761) Богдановича, и его знаменитую поэму, в которой Душенька была «обречена» на жизнь: «И как бы смерти не искала, / Судьба назначила, чтоб Душенька жила / И в жизни бы страдала...»¹¹.

Необходимо отметить, что убежденность в бессмертии человеческой души диктуется не только религиозными представлениями, но и поддерживается языком философии, науки и культуры той эпохи. Здесь и интерес масонства к таинственной и свободной человеческой душе, ее путешествиям в лучшем и гармоничном мире, где она сможет познать его тайны¹². Для нас же в итоге значимым оказывается то, что о смерти самого писателя говорится в контексте его собственных идей, а также в контексте воззрений на смерть и бессмертие, характерных для его современников. Важно и то, что в России впервые жанр некролога возникает именно в светской среде, а не в религиозной, хотя исторически все процессы, связанные с похоронно-поминальной сферой, были в ведении церкви.

Особого упоминания в некрологе удостаиваются сами обстоятельства смерти Радищева (он покончил жизнь самоубийством, выпив залпом стакан азотной кислоты, а затем попытавшись разрезать бритвой). Этот факт до сих пор не получил однозначной оценки в литературоведческих и культурологических работах. Ю. М. Лотман отмечал, что идея самоубийства занимала довольно большое место в философской и политической системе писателя. С одной стороны, рассуждая о проблеме самоубийства, Радищев, по мнению Лотмана, утверждал право человека самостоятельно распоряжаться своей жизнью, с другой — право на самоубийство освобождает человека от страха смерти и ограничивает власть тиранов [11: 510]. Таким образом, в самоубийстве Радищева Лотман усматривает сознательный шаг, а не отчаянный поступок.

А. Л. Зорин, занимаясь историко-психологической реконструкцией переживаний и мотивов поведения писателя в последние недели и дни его жизни, увидел в действиях Радищева и его воззрениях на жизнь (и смерть) театральное происхождение и сопоставил их с поступками и взглядами героев трагедии Дж. Аддисона «Катон» и трагедии Ж.-Б. Сорена «Беверлей»: «Высокая трагедия позволяла ему перевести свою житейскую катастрофу в регистр противостояния одинокого героя торжествующему злу. Мещанская драма давала возможность прочувствовать безысходность вины перед близкими и запоздалое раскаяние обманутого и затравленного грешника. Столкновение этих публичных моделей чувства определило индивидуальный характер его внутренней драмы, в которой он играл роли одновременно героя, преступника и жертвы» [3: 212–213].

И. Клейн, однако, не усматривает в самоубийстве писателя и философа сознательного волевого поступка: «Кроме элемента случайности, здесь бросается в глаза чрезвычайная, паническая жестокость, обращенная Радищевым против самого себя; как симптом болезненного психического состояния, она несовместима с представлением о тщательно продуманном героическом акте» [5: 331].

Сам автор некролога, И. М. Борн, не дает прямой оценки поступку Радищева, также он не берет дасть ему и обоснование: «Как согласить сие действие с непоколебимою оною твердостью философа, покоряющегося необходимости и радующего о благе людей в самом изгнании, в ссылке, в несчастии, будучи отчужденным круга родных и друзей?»¹³ Указав несколько довольно общих мотивировок случившегося («Или познал он ничтожность жизни человеческой? или отчаялся он, как Брут, в самой добродетели?»), литератор предлагает читателю хранить молчание по этому поводу («положим перст на уста наши») и пожалеть о печальной участи всего человечества.

Думается, что упоминание самоубийства Радищева в контексте некролога, в котором герой представлен прежде всего как философ, неслучайно. Это упоминание отсылает нас к другому «философскому самоубийству» — казни Сокра-

та. И переключка здесь происходит не столько на уровне поведенческой стратегии, сколько на уровне дискурса. Во-первых, согласно Сократу, именно те, кто по-настоящему предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью¹⁴. Во-вторых, все заботы истинного философа обращены не на тело, а на душу: «Именно в том прежде всего обнаруживает себя философ, что освобождает душу от общения с телом в несравнимо большей мере, чем любой другой из людей»¹⁵. И, в-третьих, подлинное бытие души достигается путем полного ее отделения от тела, поэтому философские занятия в том и должны состоять — «в освобождении и отделении души от тела»¹⁶. Создается впечатление, что именно самоубийство определяет Радищева как истинного философа, избравшего смерть и освободившего свою душу для вечной жизни, для подлинного бытия.

Как в некрологе Богдановичу, так и в некрологе Радищеву авторы обращают внимание на их служение (в первом случае — государственное, во втором — общественное). Богданович характеризуется прежде всего как литератор, однако автор жизнеописания отмечает: «Занимаясь стихотворством Богдановича, мы забыли службу его. В 1780 году он был определен в новоучрежденный тогда Государственный Санкт-Петербургский архив членом, в 1788 — председателем его, а в 1795 — отставлен с полным жалованьем, служив 41 год»¹⁷. Радищев в некрологе представлен прежде всего как философ, однако к его заслугам на поприще служения людям относятся благоустройство им Иркутской губернии во время ссылки, просветительская деятельность, «радение о благе людей».

Однако Карамзин умалчивает об истинных обстоятельствах государственной службы Богдановича. Современные литературоведы отмечают контраст между беспечной и свободной жизнью поэта «на Васильевском острове, в тихом, уединенном домике»¹⁸, представленной в некрологе, и реальным положением дел, при котором поэт более всего интересовало продвижение по службе и покровительство высокопоставленных персон. Именно во время написания «Душеньки» поэт находился в весьма сложном положении: бедный дворянин, без связей и имени, уволенный из Коллегии иностранных дел без сохранения жалования. В 1780 году он действительно получает место в Государственном архиве, однако уходит с должности редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» [4: 197], [5: 281]. Таким образом, жизнеописание Богдановича представляет собой «гармонизированную конструкцию», благодаря чему любые несоответствия сглаживаются и растворяются в общем настроении «приятности», характерном для всего текста [4: 197].

В некрологе Радищеву мы вообще не видим упоминания о государственной деятельности покойного, хотя в разное время Радищев очевидно преуспел на этой стезе: директор Санкт-Петербургской таможни, кавалер ордена

Св. Владимира, член комиссии по систематизации российского законодательства при Александре I. Не видим мы и описания его сложностей и неудач после ссылки. Борн предпочитает сконцентрироваться лишь на жизни ссыльного Радищева в Илимском остроге, во время которой, согласно воспоминаниям сыновей, он действительно был дружен как с иркутскими чиновниками и священнослужителями, так и с илимскими жителями, которым оказывал разнообразные услуги: лечил от зоба и обморожений, делал прививки от оспы¹⁹.

Таким образом, перед нами два некролога, написание которых было подчинено соответственно двум конкретным авторским задачам. Первая – изобразить Богдановича изящным поэтом, героем сентименталистской эпохи, жизнь которого спокойна и приятна, отмечена благоделательством покровителей и салонным успехом; и вторая – представить Радищева истинным философом, призвание которого состоит в том, чтобы помогать людям и просвещать их, и тогда после смерти ему (его душе) будет дарована вечная жизнь (подлинное бытие).

Лотман, рассматривая отношение к смерти, характерное для русского дворянства конца XVIII – начала XIX века, говорит о том, что традиционные православные представления о смерти испытали на себе сильное влияние деистических и скептических идей Просвещения, однако при всем обилии философских идей и концепций можно было отчетливо выделить одну их характерную черту: «все страсти, помыслы и желания сосредоточены на земной жизни» [9: 210]. «Смерть, – пишет Лотман, – была моментом, в котором пересекались христианские представления о бессмертии души и восходившие к античности, воспринятые государственной этикой идеи посмертной славы» [9: 211]. Воплощение мысли о смерти в образах, далеких от христианства, было значительным культурным нововведением рубежа XVIII–XIX веков. Здесь можно вспомнить «Памятники» Ломоносова, Державина и Пушкина, в которых пред-

ставление о вечной жизни воплощалось в идее закрепления в народной, общественной памяти.

Так, Борн говорит о вечной жизни, но не забывает и общественные заслуги писателя и мыслителя. Упоминание о сооруженном памятнике «в сердцах благодарных патриотов» также присутствует в некрологе. В заключительном абзаце некролога Богдановичу сообщается о том, что друзья Богдановича и «любители русских талантов» сохраняют его память для потомства, которому литератор будет впоследствии знаком как «стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый»²⁰.

В заключение необходимо отметить, что любой некролог (и вообще любой текст биографического характера) – это определенный способ говорения о жизни, способ ее конструирования и описания, согласно той точке зрения, которая принята в обществе. В случае с некрологами Богдановичу и Радищеву у авторов были свои задачи, с которыми, как мы увидели выше, они справлялись путем выстраивания определенных схем поведения и жизненных траекторий своих героев, вписанных в систему идей, характерных для того времени.

К. А. Богданов в своей работе «Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков» (2005) (глава «Душа – не тело: последние известия») говорит о том, что «взаимоотношение телесного и духовного, физического и психического риторизируется в качестве важнейшей проблемы в философских и научных дискуссиях эпохи» [2: 79]. И далее: «Важнейшие темы, определяющие «горизонт читательских ожиданий» просвещенных россиян конца XVIII века, – связь души и тела, смерть и бессмертие» [2: 82]. Вероятно, именно поэтому в начале XIX столетия в российской периодике стал наконец возможен разговор о смерти: образованная публика была готова его поддержать, а набор соответствующих взглядов к тому времени также уже сложился.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О смерти автора «Душеньки» // Вестник Европы. 1803. Ч. VII. № 3. С. 227–228 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1803/1803-3/Jpeg/index_Jpeg1.html (дата обращения 23.08.2017).

² Там же.

³ Там же.

⁴ О Богдановиче и его сочинениях (Окончание) // Вестник Европы. 1803. Ч. IX. № 10. С. 75–111 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1803/1803-10/Jpeg/index_Jpeg1.html (дата обращения 23.08.2017).

⁵ О Богдановиче и его сочинениях // Вестник Европы. 1803. Ч. IX. № 9. С. 3–18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1803/1803-9/Jpeg/index_Jpeg1.html (дата обращения 23.08.2017).

⁶ О Богдановиче и его сочинениях (Окончание).

⁷ Борн И. М. На смерть Радищева // Свиток Муз. 1802. Кн. 2. С. 136–144 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.library.spbu.ru/rus/volsnx/Svmuz/sm2t136.html> (дата обращения 23.08.2017).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 39–144.

¹¹ Богданович И. Ф. Душенька // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 45–126.

¹² Подробнее о масонском символизме, связанном с понятиями души и тела, а также о масонском коде поэмы «Душенька» см.: [14].

¹³ Борн И. М. На смерть Радищева.

¹⁴ Платон. Избранные диалоги. М.: Худ. лит., 1965. 442 с.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ О Богдановиче и его сочинениях.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Радищев Н. А., Радищев П. А. Биография Александра Николаевича Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 132 с.

²⁰ О Богдановиче и его сочинениях (Окончание).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
2. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: О. Г. И., 2005. 502 с.
3. Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
4. Калугин Д. Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 260 с.
5. Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010. 440 с.
6. Кочеткова Н. Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 726–764.
7. Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. М.; Л.: Наука, 1986. С. 70–96.
8. Кузовкина Т. Д. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 276–293 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/535675.html> (дата обращения 23.08.2017).
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX веков). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 398 с.
10. Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 624 с.
11. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 484–517.
12. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Петрополис, 2010. 381 с.
13. Рейтблат А. И. Некролог как биографический жанр // Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 195–202.
14. Сахаров В. И. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопросы литературы. 2000. № 6. С. 149–164.

Onipko K. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

THE FIRST RUSSIAN OBITUARIES: HEROES AND CONTEXTS

The article is concerned with the problem of interpretation of obituaries as biographical texts. We are considering the author's strategies depicting characters of the first obituaries of the Russian Empire (I. F. Bogdanovich, A. N. Radishchev). Moreover, the article raises the problem of correlation between personal destinies of obituary texts' characters and behavioral patterns, articulated by the community and conditioned by the historical period. Particular attention is paid to the discursive mechanisms allowing reconstruction of "biographical personalities" of Bogdanovich and Radishchev. One of them was a poet and the other was a philosopher. The article raises the issue of cultural and social prerequisites necessary for the obituary genre development in Russia: a humanistic ideal of sentimentalism, ideas of the Enlightenment, Masonic ethics, literary salon practices, development of the secular life forms, and readers' expectations at the turn of the 18th and 19th centuries. In addition, the article touches upon the topic of the secular nature of Russian obituaries of the time.

Key words: I. F. Bogdanovich, A. N. Radishchev, N. M. Karamzin, I. M. Born, obituary, biographical narrative, "biographical personality"

REFERENCES

1. Ariès Ph. A Man In the Face of Death. Moscow, "Progress" – "Progress-Akademiya" Publ., 1992. 528 p. (In Russ.)
2. Bogdanov K. A. Doctors, Patients, Readers: Pathological Texts of Russian Culture of the XVIII–XIX Centuries. Moscow, O. G. I. Publ., 2005. 502 p. (In Russ.)
3. Zorin A. L. The Appearance of the Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late XVIII – Early XIX Century. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 568 p. (In Russ.)
4. Kalugin D. Ya. The Prose of Life: Russian Biographies in the XVIII–XIX Centuries. St. Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2015. 260 p. (In Russ.)
5. Kleyn I. Russian Literature of the XVIII Century. Moscow, Indrik Publ., 2010. 440 p. (In Russ.)
6. Kochetkova N. D. Sentimentalism. Karamzin. *The History of Russian Literature*. In 4 Vol. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1980. Vol. 1. Old Russian Literature. Literature of the XVIII Century. P. 726–764. (In Russ.)
7. Kochetkova N. D. The Hero of Russian Sentimentalism. 2. Portrait and Landscape in the Literature of Russian Sentimentalism. *XVIII Century. Col. 15: Russian Literature of the XVIII Century in Relation to Art and Science*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1986. P. 70–96. (In Russ.)
8. Kuzovkina T. D. The Obituary from Bulgarin for Zhukovsky. *Pushkin's Readings in Tartu 3: Proc. of the International Scientific Conference on the 220th Anniversary of V. A. Zhukovsky and the 200th Anniversary of F. I. Tyutchev*. Tartu, 2004. P. 276–293. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/535675.html> (In Russ.)
9. Lotman Yu. M. Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (XVIII – Early XIX Centuries). St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1994. 398 p.
10. Lotman Yu. M. Education of the Soul. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2005. 624 p.
11. Lotman Yu. M. Poetics of Everyday Behavior in Russian Culture of the XVIII Century. *Articles on the Semiotics of Culture and Art*. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ., 2002. P. 484–517. (In Russ.)
12. Petrovskaya I. F. Biography Studies: Introduction to the Science and Review of the Sources of Biographical Information on the People of Russia in 1801–1917. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2010. 381 p.
13. Reytblat A. I. An Obituary as a Biographical Genre. *Writing Across: Articles on Biography Studies, Sociology, and Literary History*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. P. 195–202. (In Russ.)
14. Saharov V. I. The Myth of the Golden Age in the Russian Masonic Literature of the XVIII Century. *Voprosy literatury*. 2000. No 6. P. 149–164. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.09.2017

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
olnikitin@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ XX ВЕКА: К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. Н. УШАКОВА

Представлены историко-лингвистические материалы, связанные с научно-педагогической деятельностью видного отечественного лингвиста Д. Н. Ушакова, пропагандиста идей своего учителя академика Ф. Ф. Фортунатова и талантливого педагога-практика. Биографический очерк раскрывает интересные факты из жизни, творческих исканий и научных разработок ученого. Его фигура включена в социокультурные процессы эпохи первой половины XX столетия. В статье говорится о новых приоритетных направлениях отечественной лингвистики, которые были подхвачены представителями Московской формальной школы и получили развитие в их трудах и экспериментах. Особое внимание автор уделяет практической деятельности Д. Н. Ушакова, методике преподавания языковедческих дисциплин. Впервые публикуются мемориальные материалы: переписка академика А. А. Шахматова с Д. Н. Ушаковым; статьи «Алфавит», «Фонетика»; отзыв Д. Н. Ушакова о «Методике русского языка» П. О. Афанасьева.

Ключевые слова: история языкознания, Московская лингвистическая школа, компаративистика, языковое строительство, лексикография, персонология, филологическое наследие

Культурные события в филологической науке 2018 года весьма разнообразны и значительны: двухсотлетний юбилей академика Ф. И. Буслаева, 170-летие со дня рождения главы Московской формальной школы академика Ф. Ф. Фортунатова, 145-летие одного из самых ярких, интересных и по-человечески притягательных ученых из когорты славистов дореволюционного пантеона отечественной науки члена-корреспондента АН СССР Д. Н. Ушакова. Эти три имени неразрывно связаны одной прочной *традицией*: вехи их биографии можно соотнести с этапами развития российской лингвистики и превращения ее в передовую отрасль гуманитарных знаний; эти ученые передавали по цепи те основания филологии, на которых впоследствии выстроилась «вавилонская башня» словесности. Все они, несмотря на разность их взглядов и смену научных предпочтений, принадлежали к одному культурному направлению в языкознании: Ф. И. Буслаев стоял у истоков становления Московской лингвистической школы, его учеником в столичном университете был Ф. Ф. Фортунатов, избравший компаративистику главным звеном в своей профессиональной деятельности, а его последователем как в области изучения *реальных* фактов языка, так и в преподавательской работе стал бывший воспитанник Д. Н. Ушаков, утверждавший традиции золотого века русской филологии в сложных условиях научных сражений XX столетия.

Дмитрий Николаевич Ушаков родился 24 января 1873 года. Он известен в науке как видный ученый-славист, историк русского языка,

лексикограф, организатор многих крупных научных и общественных начинаний, «учитель учителей». О нем немало написано и сказано [1], [2], [4], [5], [6], [7], [8], [10], но тем не менее юбилей – возможность обратиться к его письмам, черновикам, редким и забытым публикациям и воспоминаниям коллег.

Д. Н. Ушаков, москвич по рождению, с детских лет впитал культурную среду образованного общества (его отец был глазным врачом, доктором медицины, а мать – дочерью священника). Он окончил 5-ю московскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета, где прошел школу у академика Ф. Ф. Фортунатова. Подобно учителю, и Д. Н. Ушаков вначале занимался «древностями»: исследовал склонение у Гомера (так, кстати, называлась тема его кандидатского сочинения), штудировал труды классиков компаративистики, осваивал необходимые опорные языки, и прежде всего санскрит, древнегреческий, латинский, старославянский и др. После окончания университета в 1895 году он долгое время преподавал в средней школе, а позднее учебную практику совместил с работой в Московском университете и на Высших женских курсах уже в качестве приват-доцента. Особое внимание как ученый и педагог он уделял родному языку, его говорам, культуре речи. А с созданием Московской диалектологической комиссии¹, у истоков которой стояли выдающиеся русские ученые академики А. А. Шахматов и Ф. Е. Корш, он стал ее деятельным участником,

позднее – председателем, собрав вокруг себя единомышленников – Н. Н. Дурново, А. М. Сегищева, М. Н. Петерсона, И. Г. Голанова, А. А. Буслаева, Р. О. Якобсона, П. Г. Богатырева, Г. О. Винокура, В. Н. Сидорова, С. С. Высоцкого, Р. И. Аванесова и других. Это время он вспоминал с особенной теплотой (см. подробнее: [3]).

Еще в дореволюционные годы Д. Н. Ушаков выпускает учебные руководства и книги «Краткое введение в науку о языке» (первое издание – 1913 год) и «Русский язык»², где впервые в доступной форме объяснялись основы этой науки, обосновывались исторический подход к анализу языковых явлений и общегуманистические ценности, не совместимые с «классовой борьбой» в языке. Один из его ближайших соратников и учеников М. Н. Петерсон вспоминал:

Принято считать, что общее языковедение не было специальностью Дмитрия Николаевича. Это не совсем правильно, ибо вся деятельность Дмитрия Николаевича была посвящена общему языковедению, только проблемы общего языковедения решались им на русском материале. Когда говорят об общем языковедении, тогда всегда вспоминают «Краткое введение в науку об языке». Да, правильно, эта небольшая книжка сыграла большую роль и продолжает ее играть и сейчас. Обычно говорят, что это популяризация известной работы Фортунатова. Это не совсем точно, хотя, пожалуй, Дмитрий Николаевич сам тоже так смотрел на свою работу. Но что такое было это введение у Фортунатова? Это была общая часть общего курса сравнительной грамматики индоевропейских языков, общая часть среди сравнительной фонетики, сравнительной морфологии этих языков. Дмитрий Николаевич никогда не читал сравнительной грамматики индоевропейских языков. У него это введение было дано в другом контексте, как введение в изучение **современного русского** (выделено нами. – *О. Н.*) языка [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 2. Ед. хр. № 14а. Л. 66 и далее].

И далее автор говорил о том практическом наполнении деятельности Д. Н. Ушакова, которое и составило смысл его жизни и позволило воспитать удивительных, ярких последователей, пронесших знамя Московской лингвистической школы сквозь время «контрабандистов в языкознании»:

Я, один из старейших учеников Дмитрий Николаевича, помню, какая новая свежая струя пришла к нам в Университет вместе с просеминариями Дмитрия Николаевича. Эти просеминарии были действительно введением в изучение современного русского языка. Они давали то, **чего не было тогда в университете** (выделено нами. – *О. Н.*), там не было тогда истории языка и современного русского языка. На этих просеминариях как будто бы просто и легко делалось очень большое и серьезное дело, создавалась транскрипция русского языка, причем не одна транскрипция. Люди, занимавшиеся на этих просеминариях, затем, выходя из Университета, шли в Диалектологическую комиссию и там становились исследователями [Там же].

М. Н. Петерсон подчеркивал, что Д. Н. Ушаков остро чувствовал новые веяния в науке и прилагал большие усилия к изучению явлений

современной языковой практики, той социальной «прослойки», которую часто игнорировали прежние поколения лингвистов, предложив целую программу синхронического освоения пространства родного языка:

В этой диалектологической комиссии, так скромно помешавшейся в подвале Исторического музея, создавался метод изучения диалектологии, причем метод **совершенно другой** (выделено нами. – *О. Н.*), чем на западе, чем во Франции или Германии, и метод, по-моему, гораздо более совершенный. Этот метод требовал непосредственного соприкосновения с говорами. Бывало очень часто, что опросным листкам не верили, и кто-то должен был ехать проверять, иногда на велосипеде, так ли это на самом деле. Этот метод изучения цельного говора живого человека во всей системе я считаю гораздо более совершенным, чем всякие другие, и теперь он применяется широко, так как после курса диалектологии всегда следует экскурсия. Этот метод зародился именно там и именно в эти годы. Таким образом университетская наука сближалась с жизнью, она все время шла в жизнь и оттуда почерпала новые силы.

Точно так же как будто бы была создана очень важная отрасль орфоэпии. Это также имеет свою историю, большую и глубокую историю. Но я думаю, что для раскрытия всей этой истории нам придется еще проделать большую исследовательскую работу, и только тогда наследство нашего дорогого Дмитрия Николаевича будет оценено по достоинству (полный текст см.: [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 2. Ед. хр. № 14а. Л. 66–68]).

Именно последовательное отстаивание интересов подлинной науки, ее исконных корней и борьба с демагогами всех мастей в непростые 1920-е годы обеспечили Д. Н. Ушакову и коллегам репутацию адептов «буржуазных теорий» и «неисправимой индоевропеистики». Но именно он выступал против сокращения количества лет обучения в высшей школе (с пяти до четырех), именно он, будучи председателем Лингвистической секции Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, приглашал на работу многих талантливых опальных или безработных в то время ученых, создавая им атмосферу живого общения и публичного обсуждения ставших «непопулярными» проблем исторической филологии и славистики.

Декан филологического факультета МИФЛИ А. М. Еголин справедливо рассказывал о тех непростых годах:

Я думаю, что не будет преувеличением, если я скажу, что из всех 12 кафедр (Московского института философии, литературы и искусства, где преподавал до войны Д. Н. Ушаков. – *О. Н.*), работу которых я очень хорошо знал, ни на одной кафедре не было такого внимательного, бережного, чуткого отношения к росту молодых научных работников, как на кафедре, которую возглавлял Дмитрий Николаевич Ушаков, начиная с экзаменов и кончая защитой диссертации [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 2. Ед. хр. № 14а. Л. 2–3].

С конца 1920-х годов Д. Н. Ушаков становится во главе авторского коллектива по подготовке

первого толкового словаря советской эпохи. Позже его назовут «Ушаковским». И это действительно так: на нем лежала вся организационная работа, им был собран коллектив авторитетнейших молодых ученых, специалистов по лексикографии, стилистике, истории русского языка. С. И. Ожегов, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Б. В. Томашевский – эти имена его соратников и ближайших помощников вошли в историю как самоотверженные «движители» (выражение С. И. Ожегова) словаря³. Помощник Д. Н. Ушакова по словарной работе С. И. Ожегов так оценивал результаты работы:

Толковый словарь прежде всего постарался ответить на самое главное требование современников – установить нормы литературного языка в словарном запасе, в образовании слов, в ударении слов и форм, в произношении. Здесь, в этой работе установления норм и границ литературного языка наиболее полно отразилась широта взглядов Дмитрия Николаевича и сила его творческой интуиции. Он никогда не настаивал на введении в словарь своего собственного словоупотребления или произношения, если видел, что живыми элементами языка являются другие, хотя бы и чуждые его словоупотреблению и его лингвистическим вкусам. Это привело к тому, что словарь отразил в своем составе реальные для современности лексические границы языка. Принципы установления границ были таковы, что не связывали развития литературной речи, как это было во французских словарях. Словарь предусматривал возможность включения в состав литературной речи слов и выражений, пригодных для разнообразных речевых жанров, для различных сфер употребления. Стилистическая классификация слов является неотъемлемой заслугой Словаря и заслугой прежде всего Дмитрия Николаевича, тонкого ценителя и знатока стилистических нюансов литературной русской речи. Широкое проведение стилистической классификации слов, расширяющей границы литературного словоупотребления, было новшеством как в русской, так и в иностранной словарной практике и отражало в сущности специфическую сложность лексики русской литературной речи.

С той же широтой, не стесняясь развития литературного языка, нормализовалось и образование формы произношения и ударений. По мысли Дмитрия Николаевича, в Словаре представлены все необходимые и возможные варианты с соответствующими стилистическими указаниями, с указаниями на ту или другую степень употребительности их в литературном языке [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 2. Ед. хр. № 14а. Л. 29–30].

Во времена репрессий и гонений на ученых Д. Н. Ушаков, зная о возможных последствиях, всегда старался помочь своим коллегам найти работу и, что самое главное, – сохранить жизнь. Он не раз хлопотал за В. В. Виноградова, В. Н. Сидорова, А. М. Селищева (см., напр., [9]) и проявил себя в эти годы как подлинный интеллигент, филолог-борец и настоящий ученый, «чистый сердцем человек» (так назвал Д. Н. Ушакова один из участников заседания памяти ученого в 1942 году).

Д. Н. Ушаков был и профессиональным художником-акварелистом, тонко чувствующим

переливы и оттенки художественного пространства бытия. А. А. Реформатский очень верно подметил эту черту:

Ушаков всегда искал в языке живое и современное, отсюда его постоянный интерес к звучащей речи, к проблеме нормы в орфоэпии и письме, к речи на сцене, к языку художественной литературы. Я бы добавил к этому еще одну черту Дмитрия Николаевича: он был настоящий художник-живописец; он писал маслом, рисовал карандашом, но больше всего любил акварель. Отдыхая осенью в Болшеве, Дмитрий Николаевич привозил оттуда обычно коллекцию своих акварельных рисунков, где особое место занимали «небеса» (и чистые, и с различной причудливой раскраской облаков) и листья... Этот стиль акварельной миниатюры был присущ Дмитрию Николаевичу органически и проявился во всем, будь то лекция, статья, обработка словарного абзаца или забавная поговорка, удачный каламбур или ладно скроенный анекдот (цит. по изд. [1: 80]).

Последние несколько лет перед Великой Отечественной войной Д. Н. Ушаков работал в Институте языка и письменности АН СССР и легендарном Московском институте философии, литературы и истории, занимая должность заведующего кафедрой славяно-русского языкознания. И опять он собрал здесь лучшие силы, способные с подобающей глубиной, педантичностью и одновременно живой исследовательской интонацией преподавать русский и славянские языки, спецкурсы по необычным дисциплинам, готовить защищать диссертации, воспитывать новое поколение филологов-классиков. В первые месяцы войны он вместе с сотрудниками института был эвакуирован в Ташкент. Там 17 апреля 1942 года закончился жизненный путь Д. Н. Ушакова.

В настоящую подборку архивных материалов включены письма и статьи Д. Н. Ушакова, отражающие разные стороны его филологического и человеческого облика. Публикации сопровождаются необходимыми комментариями и атрибуцией источников.

1. ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. А. ШАХМАТОВА С Д. Н. УШАКОВЫМ (1903–1907)

Письма отражают период становления ученого, поиска им собственных научных ориентиров. В этой связи фигура академика А. А. Шахматова, с которым Д. Н. Ушакова связывали многолетняя переписка, сотрудничество в Московской диалектологической комиссии и личные дружеские отношения, выступает не столько в роли «покровителя», а скорее «охранителя» интересов своего младшего коллеги. Описываемые события важны для истории языкознания еще и потому, что о Д. Н. Ушакове сложилось представление только как о знатоке словарного дела, специалисте по русскому языку. Найденные нами фрагменты отражают другую, почти неизвестную сторону его многогранной деятельности, связанную с изучением памятников русской старины, летописей.

1. А. А. ШАХМАТОВ – Д. Н. УШАКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Мне кажется, Вам будет трудно справиться с характеристикой памятников Ростовско-Суздальской области между прочим по причине[,] Вами указанной: язык их не представляет редких диалектных особенностей. Времени у Вас мало и вряд ли можно при 5–6 часах в неделю осилить скоро десятки рукописей. Думаю, что Вы могли бы дать интересную статью по языку Псковской 2-й летописи и всей той рукописи, где она заключается, но статья эта вряд ли даст Вам возможность представить в ней настоящее исследование: лучше придать ей строго описательный характер. А для исследования не остановиться ли Вам на одном синтаксическом вопросе, рассмотреть который по массе изданных памятников можно сидя у себя в кабинете? Этот вопрос – согласование числительных с существительными. Он очень сложен, обилён явлениями и соприкасается с целым рядом других синтаксических и морфологических вопросов: потеря двойственного числа, склонение числительных и т. д. Если взять язык летописей, актов и других русских произведений, можно извлечь любопытнейший материал для освещения относящих[ся] сюда явлений. Соедините же его с явлениями современных говоров – и Вы получите обширную научную задачу.

Напишите о работе над Псковской летописью. Не может ли Вы ее окончить к осени 1904 года. Если же Вы действительно займетесь другой темой, лучше оставьте работу над Синодальной рукописью.

Известия и Словарь⁴ будут Вам высланы в ноябре.

Искренне преданный А. Шахматов

[С.-Петербург] 13 окт<ября> 1903

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 42. Л. 3–3 об. Автограф.

2. А. А. ШАХМАТОВ – Д. Н. УШАКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Будьте добры, напишите мне, как идут Ваши занятия. Работаете ли Вы над Псковской летописью? Последнее меня очень интересует между прочим потому[,] что сознаю всю важность Синодальной рукописи при решении вопроса об особенностях древнего псковского говора. Положиться же на печатное издание, конечно, нельзя.

Искренне уважающий А. Шахматов

[С.-Петербург] 6 октября 1904

Академия Наук.

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 42. Л. 6. Автограф.

3. А. А. ШАХМАТОВ – Д. Н. УШАКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Благодарю Вас за письмо. Мы давно с Вами не переписываемся. Хорошо, что теперь весь материал по Псковской летописи у Вас под руками. Должно быть, много в нем интересного и еще совершенно неизвестного, ввиду крайней неисправности издания этой летописи в V т. П. С. Р. Л. Заглядывали ли Вы в остальную часть рукописи № 154? Она писана, кажется, тою же рукою, что псковская летопись[,] и вряд ли может быть оставлена исследователем без внимания.

Очень тяжело заседать в нынешнем году. С неприятным чувством вижу, как мало я в этом году сделал. Но каково положение исследователей, которым приходится выносить на своих плечах еще неурядицы в учебных заведениях! Желаю Вам всего лучшего!

Искренне преданный А. Шахматов

[С.-Петербург] 2 апр<еля> 1906

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 42. Л. 7. Автограф.

4. А. А. ШАХМАТОВ – Д. Н. УШАКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Очень обрадовало меня Ваше письмо. Давно не имел о Вас известий. Жалею, что Вы не написали мне о своих работах по Псковской 2-й летописи. Кажется, Вы уже давно осилили Синодальную рукопись и начали систематизацию добытого материала. Вы выдержали магистерский экзамен; теперь можете серьезно подумать о диссертации. Что подельывает Диалектологическая комиссия? С Федором Евгеньевичем⁵ не пришлось как-то разговориться насчет нее.

Искренне преданный А. Шахматов

[С.-Петербург] 21 апр<еля> 1907

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 42. Л. 8. Автограф.

II. Д. Н. УШАКОВ. АЛФАВИТ

Публикуется с сокращением по рукописному автографу Д. Н. Ушакова [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 50. Л. 1–4 об.], представляющему собой текст статьи, предположительно датированной нами серединой 1920-х годов, предназначавшейся для какого-то, по-видимому, учебного или энциклопедического издания (не опубликована). Заглавие работы авторское. На страницах настоящего издания публикуется его фрагмент. Рукопись представлена в современной орфографии на больших листах в линейку. При воспроизведении текста нами соблюдены авторские приемы выделения и сокращения слов, индивидуальные особенности пунктуации. Наши незначительные вставки указываются в квадратных скобках, а недописанные части слов раскрываются в угловых. Мы сохранили также названия языков и народов, принятые в то время в научной литературе. Выделение ряда языковедческих терминов дается курсивом.

Алфавит – система письменных знаков для передачи звуков языка (отдельных звуков или сочетаний). Слово «алфавит» составлено из названий двух первых букв греческой азбуки в новогреческом произношении (альфа, вета) подобно тому, как слово *alphabet* составлено из тех же названий в древнегреческом произношении (альфа, бэта), или как «азбука» – из названий букв: аз, буки; встречаются еще названия для азбуки: «абэце», «абэцеда⁶» [–] от названий латинских букв (a, b, c, d), «абевега⁷» (a, б, в, г); таково же японское «и-ро-фа».

К посредству языка в целях письменной передачи мыслей человечество пришло не сразу, и алфавитное письмо является наиболее совершенной ступенью в истории развития письма. Значение алфавитного письма, а также история его возникновения выясняется из сопоставления с письменами безалфавитными. Так как пишут для того, чтоб передать свои мысли, то естественно, что человек первоначально попробовал идти самым прямым путем – старался изображать свои мысли картинками предметов, о которых думал. Такое первобытное письмо носит название **пиктографии** («картинное письмо»). От латинского слова *pictus* – нарисованный[,] и греч. *γράφω* – пишу. Его можно встретить у североамериканских индейцев; так, например, одно прошение, поданное несколькими племенами президенту Соединенных Штатов, представляет собою рисунок, где изображены рыба, журавль, медведь и другие

животные, именами которых эти племена называются и от которых ведут свое баснословное происхождение; сердца и глаза всех их соединены линиями, что должно обозначать единодушные их просьбы, а предмет просьбы – несколько озер – изображены тут же, и к этим изображениям проведена также линия. <...>

Более удобным путем для письменной передачи мыслей оказался путь не прямой, а обходной: вместо того, чтоб изображать самый предмет, прибегли к посредству языка и стали передавать на письме слова, называющие предметы мысли, обозначая условными знаками (буквами) звуки или сочетания звуков.

2) Так возникло алфавитное письмо. Буквы часто обнаруживают свое происхождение из идеографических или пиктографических знаков. Оно называется звуковым в широком смысле слова, обнимающее и письмо слоговое, или силлабическое, в котором отдельная буква (одна или с каким-либо значком) передает целый слог, и письмо звуковое в узком смысле, в котором отдельная буква назначена для передачи отдельного звука; оба эти приема могут одновременно иметь место в одной и той же системе письма.

История письмен показывает, что системы письма, как и другие факты культуры, заимствуются одним народом у другого, причем это заимствование не обуславливается родством языков: один и тот же алфавит употребляется часто для языков[,] ничего общего по происхождению между собой не имеющих; таково, например, применение арабского письма к арабскому языку (язык семитский), турецкому (язык урало-алтайский) к новоперсидскому (язык индоевропейский). Распространяются и перенимаются алфавиты чаще всего вместе с распространением религий: таково распространение арабского письма вместе с исламом, распространение сирийского (арамейского) письма несторианскими миссионерами в Азии, греческого – среди народов православной церкви, латинского – католической и т. п.

Пиктография нигде не вылилась в определенную систему. Идеографическое письмо известно у китайцев, древних египтян, сумерийцев, вавилонян и хетитов. <...>

Самыми младшими потомками греческого алфавита являются два славянских: так называемые глаголица и кирил[л]ица. Древнейшие памятники того и другого восходят к X в. После долгих споров по вопросу о происхождении и взаимном отношении этих азбук, в науке господствует теперь мнение об изобретении кирил[л]ицы Кириллом, о более позднем возникновении кирил[л]ицы и о происхождении обеих из греческого письма: глаголицы [-] из греческой скорописи IX–X в., а кирил[л]ицы [-] из греческого литургического уставного письма того же времени. <...> Русская «гражданская» азбука, введенная Петром Великим в 1708 г., представляет собою кирил[л]ицу с исключением из нее нескольких букв и с видоизменением буквенных начертаний по образцу латинских букв. Позже Петра состав русской азбуки пополнился буквой ѣ, а с введением новой орфографии (в мае 1917 г. для школ, а в декабре 1917 г. для печати и делопроизводства) уменьшился вследствие исключения букв: ѣ, і, ѣ, ѵ <...>. Нашу гражданскую азбуку переняли болгары и сербы, внося в нее некоторые буквы сообразно потребностям своих языков. <...>

III. Д. Н. УШАКОВ. ФОНЕТИКА

Статья была написана, по-видимому, в конце 1920-х годов и предназначалась для Энциклопедического

словаря Русского библиографического института Гранат, где и была впервые опубликована (изд. 7-е, перераб. Т. 44. М., б. г. Стлб. 243–245). В фондах Д. Н. Ушакова в Архиве РАН (ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 51. Л. 1–4) сохранился машинописный подлинник этой же статьи ученого с правкой от руки (не датирован) с аналогичным текстом и очень незначительными вкраплениями, которые внесены нами в окончательный вариант. В дальнейшем эта статья была забыта и ни разу не переиздавалась, хотя представляет немалый интерес как образцовая словарная работа энциклопедического типа, где подробно, ясно, методично и с присущей Д. Н. Ушакову педантичностью объяснено сложное языковое явление. Его рассуждения могут быть полезны и нынешним преподавателям-русистам и студентам.

Фонетика (от греч. *φωνη* – голос), отдел языковедения, изучающий звуки речи, в отличие от грамматики, состоящей из морфологии и синтаксиса и изучающей формы слов и словосочетаний, и от семасиологии, изучающей значения слов. Ф. может быть *описательная*, или *статическая*, если описывает звуковой состав какого-либо языка в известную эпоху его жизни, – *историческая*, если излагает историю звуков, – *сравнительная*, если привлекает для сравнения факты других языков; обыкновенно историческая является в то же время и сравнительной, так как история языка вскрывается обычно сравнительным методом. Наконец, Ф. называют также, в особенности немецкие лингвисты, физиологией звуков речи – дисциплину, изучающую образование звуков речи и их акустическую природу. Физиология звуков речи говорит о том, какие вообще могут быть звуки в человеческом языке и как они образуются, Ф. какого-либо языка говорит о том, какие из вообще возможных звуков есть в данном языке и как они произошли. Так как физиология звуков речи является необходимым основанием для всякой Ф., то ее называют еще *общей* Ф. Известен еще, но мало употребителен, термин «антропоники». Общая Ф. исходит из данных анатомии и физиологии, изучая строение органов речи и их работу, с помощью которой получают звуки человеческой речи. Органами речи являются легкие, дыхательное горло с гортанью, полость носа и полость рта, а в этой последней – язык, нёбо, зубы и губы. Главнейшую роль в образовании звуков играет язык (недаром во многих языках, как и в русском, тем же словом «язык» обозначается и самая речь). Легкие подают, как мехи в органе, воздух, без выдыхания которого не может быть звука. В гортани, при дрожании т. наз. голосовых связок, образуется музыкальный звук, называемый «голосом» и входящий в состав очень многих звуков, однако не всех: звуки речи могут быть и без голоса (напр., *ш*, *с* и др.). Волна воздуха, с голосом или без него, из дыхательного горла попадает в полость рта, а если полость носа открыта, – а это бывает, если мягкое нёбо, т. наз. «нёбная занавеска», опущено, – то и в полость носа; обе эти полости играют роль резонаторов, причем с участием носовой полости образуются т. наз. носовые звуки (*н*, *м*, носовые гласные).

Разнообразие звуков речи зависит от чрезвычайно разнообразных положений, или т. наз. *артикуляций*, языка, нёба, губ. Обычное деление звуков на гласные и согласные имеет основание в весьма сильном

акустическом различии этих двух классов звуков; физиологически же их различие сводится не более, как к степени участия одних и тех же органов речи: в общем, при согласных проход для воздуха гораздо более затруднен, чем при гласных. Различие гласных зависит от места подъема языка к нёбу, степени этого подъема, состояния языка (напряженного или ненапряженного) и от участия губ. Напр., звуки *и*, *э* образуются при поднятии передней части языка к переднему нёбу, причем при *и* этот подъем выше, чем при *э*; звук *ы* – при поднятии языка к среднему нёбу, при этом на ту же высоту, как при *и*; звук *а* – при незначительном подъеме задней части языка к заднему нёбу; звуки *у*, *о* – тоже задние гласные, причем *у* образуется выше, чем *о*, но оба они в отличие от ранее приведенных примеров образуются при вытянутых и округленных губах (лабиализация); нем. *й*, *ö* тоже лабиализованные звуки, но переднего ряда, а по высоте подъема между ними такое же соотношение, как между *у* и *о* или между *и* и *э*. Различие в напряжении языка отражается на тембре гласного звука: т. наз. «напряженные» гласные имеют более «металлический» оттенок сравнительно с ненапряженными; таково франц. *é* в отличие от *ê*, русское *э* в *эти* в отличие от *э* в *эта*. Напряженные гласные называют также (по степени раствора рта) узкими или закрытыми, а ненапряженные – широкими или открытыми. Все гласные могут быть носовыми, если при их произнесении открыт проход в полость носа. Согласные различаются: 1) по органам, их образующим: нёбные или язычные (участвуют язык и нёбо), напр., русские *к*, *г*, *х*; зубные, напр., *с*, *ш*, *з*, *ж*, англ. *th*; губные, напр., *п*, *б*, *ф*, *в*; гортанные, напр., украинское придыхание *г*; 2) по способу образования шума, а он образуется либо взрывом воздуха при быстром размыкании плотно сомкнутых органов («взрывные» звуки), либо трением воздуха в узком проходе между сближенными органами («фрикативные» звуки, от лат. *fricare* «тереть»); напр., *к* – нёбный взрывной, *х* – нёбный фриктивный звук, *т*, *д* – зубные взрывные, *с*, *ш* – зубные фриктивные, русские звуки *п*, *б* – губные взрывные, а *ф*, *в* – зубно-губные (участвуют верхние зубы и нижняя губа) фриктивные; 3) по участию голоса: согласные «глухие», состоящие из одного шума, без участия голоса, напр., *к*, *х*, *ш*, *с*, *т*, *п*, *ф*, и «звонкие», состоящие из шума и голоса, но с преобладанием шума, напр., *г*, *д*, *з*, *ж*, *б*, *в*, и согласные «сонорные», состоящие из шума и голоса, но с преобладанием голоса: плавные – *р*, *л*, и носовые: *н* (по месту образования или зубное, каково русское *н*, или задненёбное, каково, напр., нем. *n*, перед *k* или *g*: *danke*) и *м* (губное). Есть звуки сложные: «аффрикаты», соединяющие в себе свойства взрывного и фриктивного, напр., русск. *ц*, как бы состоящее из элементов *т+с*, русск. *ч* (*т+ш*) и др., и «аспираты» – согласные, сопровождаемые придыханием, образующимся в гортани (таково нем. начальное *t*, напр., в *ton*). – Все эти качественные различия, или различия в тембре, зависят от различий в резонаторе, т. е. полости рта: форма и величина этого резонатора меняется в связи с различными положениями, которые принимает гл. обр. язык. Кроме них, Ф. наблюдает различия и количественные, т. е. различия во времени, затрачиваемом на произнесение того или другого звука; далее, различия в тоне или высоте, с которой звуки произносятся, и различия в силе, с которой выдыхается воздух при произнесении звука. На этих последних различиях основаны: 1) явление слога: на одни звуки приходятся выдохи (звуки слоговые), другие произносятся вместе с ними той же порцией вы-

дыхаемого воздуха (неслоговые); этим речь разбивается на частицы, называемые слогами, и 2) явление ударения: ударяемый звук – выделяющийся из ряда других слоговых особой силой; при этом выделение по силе может сопровождаться и большей высотой; поэтому ударение бывает экспираторным, или выдыхательным (как русское), или музыкальным (как древнегреческое), смотря по преобладанию того или другого элемента. – Фонетическими изменениями звуков называются такие, которые совершаются по физиологическим причинам, в отличие от других, не фонетических, которые совершаются по психической ассоциации (что иначе называется изменением «по аналогии»), путем влияния одного слова на другое, вроде *руке* вместо старого *руце* под влиянием *рука*, *рукой* и др., *пекёшь* вместо *печешь* под влиянием *пеку* и т. п. В фонетических изменениях различают спонтанеические, или изменения сами по себе, и комбинаторные, совершающиеся под влиянием известных фонетических же условий: положение звука под ударением или без него, в конце, в начале слова, в соседстве с тем или иным звуком и т. п. Пример спонтанеического изменения, т. е. такого, которое наступает везде, при всяком положении звука в слове, может служить переход *о* носового в древнейшую пору русского языка в чистое *у*, или переход звука – дифтонга *ie*, изображавшегося в старину буквой *ѣ*, во многих русских говорах в *е*. Причина этих изменений лежит в изменении самых артикуляций, происходящих постепенно, гл. обр. при передаче языка из поколения в поколение. Пример комбинаторного изменения – переход в великорус. языке *е* в *о* (пишется *ё*) при двух условиях: в положении под ударением перед твердым согласным: *мед* – *мёд*, *несем* – *несём*; без этих двух условий такой переход не наступал: *деньги* (*н* мягкое), *несу* (безударное положение). К изменениям этого же рода относятся *ассимиляция* и *диссимилиация* звуков. Ассимиляция, или уподобление, состоит в том, что рядом или близко стоящие звуки уподобляются один другому вполне (полная ассимиляция), напр., латин. *affirmo* из *adfirmo*, русск. *омман* из *обман*, или отчасти (неполная): напр., переход в русск. языке глухих в звонкие в соседстве с звонкими или наоборот; так, *сделать* произносим *зделать*: прежний звук *с* глухой (память о котором сохраняет буква) перешел в соответствующий звонкий *з* вследствие того, что за ним следовал звонкий *д*; причина лежит в том, что начало работы органов («экскурсия звука») для звука *д*, а именно дрожание голосовых связок, наступает несколько ранее, захватывая окончание работы, нужной для звука *с* («рекурсию» его), а *з* отличается от *с* только тем, что в нем участвует голос, т. е. дрожание голосовых связок. Обратный пример – переход звонкого *в* в глухой *ф* под влиянием следующего глухого в русск.: *вписать* (произносим *фписать*). Пример диссимилиации – русск. *февраль* вместо *февварь* из лат. *Februaris*, народное *коридор* вместо *коридор*.

Фонетическим, или звуковым, законом условно называется определение, что в таком-то языке, в такое-то время при таких-то условиях произошло такое-то изменение. Ф. законы не имеют исключений; кажущиеся исключения объясняются или действием другого фонетического закона, или действием аналогии, или заимствованием из другого языка (или диалекта), где такого закона нет. – Фонетическим письмом называется написание по произношению, напр., *разбить*, но *раскусить*, в отличие от письма этимологического, по происхождению, напр., *хлеб*, несмотря на произносимое

теперь *п. Фонетическую транскрипцию* в отличие от практического письма называется условная передача звуков для научных целей, так чтобы каждый отдельный звук имел свой особый знак, которым бы он всегда одинаково и передавался. В лингвистике чаще всего принято фонетически передавать звуки при помощи букв латинского алфавита с добавлением к ним других, а также различных условных значков, напр., передача русск. слова *входить* fxad'it', где запятые при согласных условно обозначают мягкость этих согласных. В общей Ф., кроме непосредственного наблюдения и самонаблюдения, пользуются также и специальными приборами (частью употребляемыми в общей физиологии), дающими объективные показания о силе, высоте и других свойствах изучаемых человеческих звуков; для изучения, в частности, артикуляций употребляется, между прочим, искусственное нёбо, на котором отпечатываются места касания языка с нёбом; в последнее время для изучения артикуляций обращаются и к рентгенологии. Лабораторный метод в Ф. принято называть *экспериментальной Ф.* Одним из основателей ее и наиболее выдающимся деятелем в этой области является французский лингвист Руссело.

Важнейшая литература: Sievers, «Grundzüge der Phonetik»; Iespersen, «Lehrbuch der Phonetik»; Томсон, «Общее языковедение», где большое внимание уделено экспериментальной Ф.

IV. Д. Н. УШАКОВ. ОТЗЫВ О «МЕТОДИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» П. О. АФАНАСЬЕВА⁸

Наиболее ценным в этом кратком отзыве является высказывание Д. Н. Ушакова о формальной грамматике, в русле которой продолжались исследования и в советское время. Текст отзыва публикуется по машинописной копии без подписи [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 123. Л. 1] и датируется предположительно серединой – второй половиной 1930-х годов.

Я просмотрел только отдел обучения грамматике. Он состоит из двух частей: историко-теоретической и практической. Первый слабее второго. Особенно слабее характеристика логико-грамматического и формально-грамматического методов. Неотчетливость изложения

оставляет неясной для учителя сущность того и другого, и в особенности, второго.

Надо признать, что громадная масса учителей не отдаст себе отчета в том, что название «формальный» – название условное, пожалуй, не совсем удачное, подающее повод несведущим думать, будто так называемые «формалисты» – рекомендуют не обращать внимания на значения слов, вообще на смысл, ограничиваясь в изучении языка одной внешней формой. Вот это ходячее недоразумение, основанное на простодушном понимании термина «формальный» в общежитейском смысле «поверхностный, внешний», надо в интересах методической работы рассеять. Надо рассказать учителям, как «формалисты» впервые указали на пренебрежение языком при обучении русскому языку в школе, в частности, что, впрочем, очень важно, устранили существовавшее смешение языка с письмом и показали возможность давать уже в школе, кроме навыков, научные сведения о языке в доступном для детей виде.

Далее, надо отчетливее показать возможные крайности того и другого метода. Приводимые из Пешковского примеры неубедительны или бьют мимо.

Говоря о классификации слов, важно показать законность и пользу различения двух классификаций: логической и формальной, и через это высветить необходимость синтеза их в школьном преподавании языка, которое призвано научить правильно читать, писать, говорить, понимать, умозаключать и[.] кроме того, дать в известной мере систематические знания о языке, не противоречащие науке.

Говоря о Пешковском, неплохо было бы указать, что из него вошло в школьный обиход (указание на зависимость слов в предложении парами соотносящихся слов, постановка вопросов к членам предложения не отдельно, а в виде небольших фраз, интонационный момент при анализе предложения: голос при точке и др.).

Практическая часть представляет собою развернутое руководство к преподаванию по стабильному учебнику Афанасьева и Шапошникова⁹. Она сделана хорошо и для массового учителя, всегда ищущего именно такого руководства, будет полезна. Мелкие замечания сделаны мною в рукописи и будут сообщены автору.

Замечания мои к первой части приняты автором во внимание при исправлении рукописи.

СОКРАЩЕНИЕ

Архив РАН – Архив Российской академии наук (Москва).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Диалектологическая карта русского языка в Европе. Составлена членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, Н. Н. Дурново. Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым. Пг., 1914; Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Пг., 1915.

² См., например, издания: Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. 7-е изд. М.: Работник просвещения, 1925. 146 с.; Ушаков Д. Н. Русский язык: [Учеб. пособие для пед. ун-тов и ин-тов по специальности «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1995. 319 с.

³ См. подробнее об этом: Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001; Никитин О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» // Микроязыки. Языки. Интерязыки: Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова. Tartu: Tartu University Press, 2006. С. 459–474; Никитин О. В. «Ушаковская эпопея» (неизвестные страницы знаменитого словаря) // Русская речь. 2016. № 3. С. 51–62.

⁴ Имеются в виду издания Императорской АН: «Известия ОРЯС» и «Словарь русского языка», начатый Я. К. Гротом, а после его смерти редактируемый А. А. Шахматовым.

⁵ Имеется в виду знаменитый языковед Ф. Е. Корш (1843–1915), бывший в то время председателем Московской диалектологической комиссии. После его смерти работу возглавил Д. Н. Ушаков.

⁶ Такое написание в автографе.

⁷ Такое написание в автографе.

⁸ П. О. Афанасьев – видный специалист по методическим аспектам изучения русского языка, автор многочисленных работ по преподаванию родного языка в начальной школе и педтехникумах, дидактическому материалу на уроках грамоты и т. п. Здесь имеется в виду его учебник «Методика русского языка», неоднократно издававшийся в те годы (см., например: изд. 10, перераб. М., 1934).

⁹ См.: Афанасьев П. О., Шапошников И. Н. Как преподавать русский язык в начальной школе по стабильному учебнику. Харьков, 1934; Афанасьев П. О., Шапошников И. Н. Учебник русского языка для начальной школы. М., 1938.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высотский С. С. Д. Н. Ушаков и русская диалектология / Вступительная статья, публикация и примечания О. В. Никитина // Русская речь. 2003. № 6. С. 79–86.
2. Крысин Л. П. Дмитрий Николаевич Ушаков и «ушаковский» словарь // Крысин Л. П. Статьи о русском языке и русских языковедах. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 507–517.
3. Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102.
4. Никитин О. В. «Чистый сердцем человек» (К 130-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова) // Русский язык за рубежом. 2003. № 3. С. 79–81.
5. Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
6. Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): Монография. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 232 с.
7. Памяти Д. Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) / Публикация Н. Д. Архангельской и Т. Г. Винокур // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 3. С. 63–81.
8. Последние письма Д. Н. Ушакова Г. О. Винокуру (1941–1942 гг.) / Публикация, вступление и примечания О. В. Никитина // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 1. С. 66–71.
9. «Самый видный славист» (отзыв Д. Н. Ушакова об А. М. Селищеве) / Предисловие, публикация и примечания О. В. Никитина // Лингвистическое отечествоведение: Коллективная монография. Т. 2 / Под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ, 2001. С. 163–167.
10. Филиппов В. А. Д. Н. Ушаков и театр / Публикация и примечания О. В. Никитина // Московский журнал. История государства Российского. 2003. № 5. С. 50–52.

Nikitin O. V., Moscow State Region University (Moscow, Russian Federation)

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN LINGUISTICS OF THE XXTH CENTURY: 145 YEARS SINCE D. N. USHAKOV'S BIRTH

This article presents a set of historical-linguistic materials related to the scientific-pedagogical activity of the prominent Russian linguist D. N. Ushakov. He is known as a propagandist of the ideas of his teacher academician F. F. Fortunatov and a talented practical worker. The biographical sketch reveals interesting facts from the life of the scientist, his creative research and personal scientific development. He is an active participant of the socio-cultural processes of the first half of the twentieth century. The article refers to the prioritized directions of Russian linguistics, which were caught up by the Moscow representatives of the formal school and further developed in their works and experiments. Special attention is paid to practical activities of D. N. Ushakov and to the methods of teaching linguistic disciplines. This is the first publication of the following memorial materials: correspondence between A. A. Shakhmatov and D. N. Ushakov; the articles “Alphabet”, “Phonetics”; review by D. N. Ushakov on the “Methodology of the Russian language” written by P. O. Afanasyev.

Key words: history of linguistics, Moscow linguistic school, comparative literature, linguistic construction, lexicography, personology, Philology, heritage

REFERENCES

1. Vysotskij S. S. D. N. Ushakov and Russian dialectology. *Russkaya rech'*. 2003. No 6. P. 79–86. (In Russ.)
2. Krysin L. P. Dmitry Nikolaevich Ushakov and “Ushakov’s” Dictionary. *Stat'i o russkom yazyke i russkikh yazykovedakh*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. P. 507–517. (In Russ.)
3. Nikitin O. V. Moscow dialectological commission in reminiscences by D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev (Unknown pages of the history of the Moscow linguistic circle). *Voprosy yazykoznaniiya*. 2002. No 1. P. 91–102. (In Russ.)
4. Nikitin O. V. “Pure heart person” (130 years since D. N. Ushakov’s birth). *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2003. No 3. P. 79–81. (In Russ.)
5. Nikitin O. V. Forgotten pages of Russian lexicography of the 1920-ies (prehistory of “Ushakov’s dictionary”). *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2004. No 1 (7). P. 195–228. (In Russ.)
6. Nikitin O. V. Essays on the history of Russian lexicography of the first part of the XXth century (explanatory dictionaries): A monograph. Slavyansk-na-Kubani, KubGU Publ., 2012. 232 p. (In Russ.)
7. In memory of D. N. Ushakov (50 years since death), publication by N. D. Arkhangel'skaya and T. G. Vinokur. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1992. Vol. 51. No 3. P. 63–81. (In Russ.)
8. Last letters from D. N. Ushakov to G. O. Vinokur (1941–1942), publication, introduction and comments by O. V. Nikitin. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2001. Vol. 60. No 1. P. 66–71. (In Russ.)
9. “Most famous slavist” (A review by D. N. Ushakov to A. M. Selishchev), introduction, publication and comments by O. V. Nikitin. *Lingvisticheskoe otechestvovedeniye: kollektivnaya monografiya*. Ed. by V. I. Makarov. Vol. 2. Elets, EGU Publ., 2001. P. 163–167. (In Russ.)
10. Filippov V. A. D. N. Ushakov and the theatre, publication and comments by O. V. Nikitin. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva rossiyskogo*. 2003. No 5. P. 50–52. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.10.2017

ВАДИМ АЛЕКСЕЕВИЧ БЕЛОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурных коммуникаций Гуманитарного института, Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)
belov.vadim.a@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К СИНОНИМИИ В МЕТОДИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В задачи работы входит анализ существующих в языкознании подходов к лексической синонимии, а также анализ того, как эти подходы реализованы в методике преподавания русского языка. Актуальность исследования связана с тем, что синонимия относится к одной из центральных тем школьного языкового образования. Новизна заключается в том, что в работе впервые проанализированы современные подходы к синонимии в лингвистике, выявлены их преимущества и недостатки. В лингвистике выделяются пять подходов к синонимии: денотативный (предполагающий тождество внеязыковой действительности); традиционный (рассматривающий синонимы как слова с тождественным или близким значением); структурный (формулирующий формальные требования к синонимии); прагматический (учитывающий функциональную природу синонимии) и психолингвистический (трактующий синонимию как близость значения в лексиконе носителя языка). Несмотря на то что в лингвистике традиционный подход подвергается разносторонней критике, в методике преподавания русского языка только он реализован в полной мере. Предполагается, что отход от традиционного подхода позволит расширить традиционные рамки синонимии, что соответствует интуитивным представлениям школьников о синонимах.

Ключевые слова: синонимия, изучение синонимов в школе, взаимозаменяемость, словарь синонимов, прагматика, психолингвистика

ВВЕДЕНИЕ

Работа с синонимами – один из важнейших способов обогащения словарного запаса ребенка. Изучение синонимии формирует у учащихся представление о лексической системе и уровнях языка. В то же время специальные исследования показывают, что достаточно часто материала по синонимии оказывается недостаточно для адекватного понимания самого явления, поэтому в речи школьников отмечаются ошибки в использовании синонимов [14: 49].

Возможно, одной из причин указанной проблемы является то, что в действующих учебниках не всегда представлены актуальные теоретические подходы к синонимии, практические упражнения также не вполне формируют навыки использования синонимов в речи.

В этой статье мы сравним подходы к синонимии, существующие в лингвистике и методике русского языка. В настоящее время выделяется пять подходов к пониманию синонимии, которые по-разному трактуют природу синонимических связей:

1) денотативный подход, трактующий синонимы как слова, выражающие одно явление действительности (А. А. Реформатский, М. Ф. Палевская, Н. Г. Комлев, В. Н. Клюева, С. А. Песина);

2) традиционный (сигнификативный) подход, рассматривающий синонимию как тождество или близость значения (А. П. Евгеньева, Р. А. Будагов, Л. А. Новиков, С. Г. Бережан, А. А. Брагина);

3) структурный подход, предполагающий совпадение формальных и семантических характеристик синонимов (М. Агрикола, Дж. Лайонз, Ю. Д. Апресян);

4) прагматический подход, требующий взаимозаменяемости синонимов (Л. Мерфи, В. А. Звегинцев, Б. В. Горнунг, В. К. Фаворин, М. И. Черемисина, Ш. Балли, Г. Джексон, С. Ульман, Д. Болигер, Д. Сирс);

5) психолингвистический подход, в рамках которого как синонимы рассматриваются слова, сближающиеся в лексиконе носителя языка (Е. В. Глазанова, А. А. Залевская, С. В. Лебедева, Т. Ю. Сазонова, И. А. Стернин, А. С. Штерн, А. А. Шумилова).

ДЕНОТАТИВНЫЙ ПОДХОД

В рамках данного подхода синонимы рассматриваются как слова, выражающие одно явление действительности [11: 29], то есть синонимы имеют общий денотат, «обозначаемый предмет»¹. При этом они могут различаться «оттенками основного, общего для каждого из них значения, или отнесенностью к различным речевым стилям, или одновременно и тем и другим» [11: 34]. По мнению А. А. Реформатского, синонимы называют одну и ту же вещь, но соотносят ее с разными понятиями и «тем самым через названия вскрывают разные свойства данной вещи» [12: 97].

Данный подход сейчас мало представлен в лингвистике и современных школьных учебниках

по русскому языку. В качестве исключения можно привести цитату из учебника пятого класса, где синонимы определяются как слова, выражающие идентичный объект: «Синонимы – это слова одной и той же части речи, которые обозначают одно и то же, но отличающиеся друг от друга оттенками лексического значения и употреблением в речи»².

Денотативная трактовка синонимии довольно часто встречается во вводном объяснении термина: «В русском языке есть разные слова, которые обозначают одно и то же: один и тот же предмет, один и тот же признак, одно и то же действие. Например, двумя разными словами: бегемот, гиппопотам – называют одно и то же животное»³.

Денотативный подход использован при составлении словаря синонимов В. Н. Клюевой: синонимы определяются как «слова-понятия, отражающие сущность одного и того же явления объективной действительности»⁴.

Критика подхода заключается в том, что синонимия как языковой феномен должна рассматриваться собственно лингвистическими методами.

ТРАДИЦИОННЫЙ ПОДХОД

В рамках данного подхода синонимами называются слова с тождественным или близким значением. В отличие от предыдущей точки зрения, учитывающей тождество внеязыковых явлений, он рассматривает «сугубо лингвистическую категорию» [5: 254], что проявляется в обращении к термину «понятие».

Этот подход можно назвать традиционным в том смысле, что он наиболее распространен в современной лингвистике, лексикографии и методике преподавания русского языка.

В рамках направления стоит выделить два течения: первое трактует синонимы как слова с тождественным значением, а второе – как слова с близким значением. Безусловно, первый подход реже встречается, так как тождество значений в языке наблюдается редко и связано с узкой группой лексических дублетов (классический пример: *языкознание – лингвистика*). Абсолютные синонимы неизбежно расходятся по значению, эта закономерность называется законом дифференциации [16] или принципом контраста [18].

Таким образом, большая часть синонимов, представленных в словарях синонимов, относится к относительным. Как правило, неабсолютные синонимы понимаются как слова с похожим значением, однако определить меру этого сходства достаточно сложно. Это создает значительные теоретические проблемы: если для абсолютных синонимов можно применить точный критерий, то для неабсолютных синонимов такая точность невозможна.

Трактовка синонимии как близости значения предполагает введение понятий «оттенка значения» и «дифференциальных сем»: они отличают

синоним от других синонимов ряда. Впрочем, термин «оттенок значения» неоднократно подвергался критике: так, Ю. Д. Апресян пишет: «Утверждая, что в лингвистическом описании для понятия оттенка значения не удастся найти никакого удовлетворительного теоретического статуса, мы отнюдь не имеем в виду сказать, что в языке слова не могут отличаться друг от друга тончайшими смысловыми и иными нюансами. Мы утверждаем только, что они должны описываться другими теоретическими понятиями» [2: 248].

Подход основывается на методе компонентного анализа значения слов, в соответствии с которым в значении слова выделяются элементарные семантические единицы (сема). Подавляющее большинство работ по синонимии выполнено с использованием этого метода. Однако он не лишен недостатков, которые во многом препятствуют решению проблем в области синонимии. Основным ограничением данного метода является его непсихологичность; имеются экспериментальные данные, показывающие, что носители языка не раскладывают лексическое значение слов на элементарные компоненты, а используют иную логику (подробнее см. ниже).

В методике русского языка подход представлен в большинстве школьных учебников и реализуется в следующих определениях: «Синонимы – слова, различающиеся по звучанию и написанию, но имеющие одинаковое или очень близкое лексическое значение»⁵; «Синонимы – слова, близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся: оттенками значений, стилистической окраской, оттенками значения и стилистической окраской»⁶.

Традиционный подход также чаще всего используется при составлении словарей. Так, в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой синонимы определяются как слова, тождественные и предельно близкие по значению, но различающиеся разнообразными смысловыми, экспрессивными, эмоциональными оттенками и стилистической окраской⁷.

СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД

Данное направление разрабатывается в рамках системной парадигмы в лингвистике, но оно учитывает многоаспектную природу лексических синонимов. Импульсом к созданию нового понимания синонимов стали неудовлетворенность традиционным определением и желание создать объективный инструмент для выделения синонимов: «Объективные трудности исследования синонимии сводятся к тому, что не выработаны критерии выделения синонимии, т. е. не определена необходимая для установления факта синонимичности степень общности значений слов» [1: 85]. Так, критике подвергается

положение, согласно которому синонимы выражают «одно и то же понятие»: «Если синонимы могут быть всего лишь “близкими по значению”, нельзя требовать, чтобы они выражали “одно и то же понятие”» [3: 200].

Согласно Ю. Д. Апресяну, критериями синонимии становятся тождество лексического значения (которое представлено с использованием элементарного семантического языка) и совпадение семантических характеристик (в частности, валентностей): «Для признания двух слов (или синтаксически неразложимых фразеологических единиц) А и В лексическими синонимами необходимо и достаточно, (1) чтобы они имели полностью совпадающее толкование, т. е. переводились в одно и то же выражение семантического языка, (2) чтобы они имели одинаковое число активных семантических валентностей, (3) чтобы они принадлежали к одной и той же (глубинной) части речи» [2: 223]⁸.

В зарубежной лингвистике схожий подход развивался в работах Дж. Лайонза, где синонимичными оказываются выражения, отвечающие трем условиям: (1) все их значения тождественны, (2) синонимичны во всех контекстах, (3) они семантически эквивалентны [9: 77].

Структурный подход прежде всего ориентирован на специалистов-ученых, владеющих лингвистическим инструментарием. По словам Ю. Д. Апресяна, в методике лучше применять традиционный критерий, который оказывается несостоятельным для лексикографии, где необходим «реальный инструмент систематизации лексики» [3: 201].

Структурный подход достаточно сложен, поэтому он не представлен в современных школьных учебниках. Однако он реализован при составлении Нового объяснительного словаря синонимов русского языка, который может быть использован в преподавании русского языка.

Недостатком подхода является его непсихологичность: нет доказательств того, что носители языка при работе с синонимами используют формальную логику.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В рамках этого подхода можно выделить два основных связанных приема выделения синонимов – взаимозаменяемость в тексте и контекстуальную сочетаемость. Объединяет их то, что они ориентированы на речевую практику носителей языка, а значение слова понимается через его употребление.

Более широкое распространение в отечественной и зарубежной научной литературе получил прием взаимозаменяемости. Слова признаются синонимами, если они способны заменять друг друга в любом контексте: «Слова, способные в том же контексте или в контекстах, близких по смыслу, заменять друг друга без ощущения

заметного различия по смыслу, носят названия синонимов»⁹.

Часто субституция является дополнительным признаком синонимии: так, в концепциях Дж. Лайонза и Ю. Д. Апресяна этот критерий служит одним из условий абсолютной синонимии.

Критика приема связана в первую очередь с наличием устойчивых выражений, которых в языке большое количество: «Абсолютная свобода заменимости (при тождественном логическом содержании) уменьшается по мере того, как мы все более и более приближаемся к тому типу словосочетаний, которые называются устойчивыми. Абсолютной свободы словосочетаний вообще не существует, но есть разные ее градации: от относительно большой до предельно тесной»¹⁰.

Кроме того, использование этого приема расширяет традиционные рамки синонимии: взаимозаменяемым в контексте может быть значительно больший круг слов, которые относятся к контекстуальным или ситуативным синонимам.

Чаще всего в школьном курсе русского языка взаимозаменяемость становится лишь одним из требований, которое предъявляется к синонимам. Но, например, в школьном учебнике по русскому языку Г. Ф. Хлебинской данное свойство рассматривается как одно из важнейших: «Синонимы, как правило, относятся к одной части речи и выступают как взаимозаменяемые элементы высказывания»¹¹.

Использование понятия контекстуальной синонимии в методике преподавания русского языка также обусловлено прагматическими причинами. Так, в уже упомянутом учебнике Г. Ф. Хлебинской контекстуальные синонимы понимаются как «слова, которые сближаются по значению в условиях одного контекста, называются контекстуальными (ситуативными, авторскими, окказиональными)»¹². Критерием контекстуальной синонимии также является взаимозаменяемость в пределах одного текста. Контекстуальные синонимы, как правило, исключаются из рассмотрения в рамках традиционного подхода, так как они не заданы системой языка и являются феноменом речи (а не системы языка).

Однако включение понятия контекстуальной синонимии в школьные учебники нацелено на обогащение словарного запаса учащихся. Например, в учебнике Н. Г. Гольцовой одно из упражнений предполагает выявление синонимов в отрывке поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»¹³. В тексте выстраивается синонимический ряд *говорил – рассуждал – судил – показал*. При этом ни один из перечисленных синонимов к слову *говорить* не является языковым, то есть зафиксированным в словарях синонимов (ср. синонимический ряд из словаря под ред. А. П. Евгеньевой *говорить – сообщать – заявлять – высказывать – изрекать – вещать – толковать*).

Отметим, что прием взаимозаменяемости используется в лексикографии, в частности, при составлении словарей синонимов русского языка З. Е. Александровой и А. Ю. Кожевникова. В издании З. Е. Александровой используется «широкое» понимание близости значения, которое приводит к «включению в синонимические ряды слов и сочетаний, являющихся, скорее, “семантическими заменами”, чем синонимами в традиционном, академическом понимании»¹⁴. В словаре синонимов А. Ю. Кожевникова синонимами становятся «речевые эквиваленты», способные заменять друг друга; автор сознательно отказывается от строгого определения синонимии¹⁵.

Отдельно стоит остановиться на проблеме стилистических синонимов, которые не могут быть взаимозаменяемыми. Использование слов иной стилистической окраски невозможно в конкретном тексте. Таким образом, с точки зрения прагматики неправомерно разграничение, представленное практически во всех школьных учебниках, стилистических, экспрессивных и идеографических синонимов: стилистическое или экспрессивное значение является неотделимым компонентом общей лексической семантики слова. Например, в учебнике В. Ф. Грекова говорится, что «некоторые синонимы, называя одно и то же понятие и имея одинаковое лексическое значение, различаются экспрессивной окраской, закреплённостью за стилем, степенью употребительности»¹⁶. В качестве примера приводятся слова *глаза, очи, зенки*, которые имеют различную стилистическую окраску и не могут быть взаимозаменяемыми в тексте.

Вторым прагматическим приемом становится учет контекстной сочетаемости синонимов, который в лингвистике часто называется дистрибутивным. Логика приема достаточно проста: слова являются синонимами, если они способны употребляться в одинаковых контекстах без изменения смысла высказывания. Степень семантической близости синонимов определяется количеством контекстов, в которых слова могут использоваться.

Этот прием не рассматривается лингвистами как основной: он подвергался разнообразной критике. Так, В. А. Гречко трактует дистрибутивный прием как технический, дистрибутивные модели «не смогут объяснить причины возникновения таких слов, а тем самым дать исчерпывающую характеристику их синхронного положения» [7: 165]. Также автор отмечает, что этот прием оказывается бессильным при исследовании диахронических синонимических связей.

В семантике, как отмечает Ю. Д. Апресян, дистрибутивный прием практически не применялся, канонический подход «работает» с фонемами и морфемами [1: 138]. Техническая проблема применения приема также заключается в том, что он требует использования большого количества данных (контекстов).

Однако с развитием корпусных методов в лингвистике прием контекстной сочетаемости стал активно использоваться: с помощью корпусных данных о сочетаемости лексем строится модель выбора синонимов (см., например, [17]), которая предполагает формализацию выбора синонимов.

Авторы школьных учебников осознают важность сочетаемости синонимов. Так, этой проблеме уделяется внимание в учебнике для пятого класса: «Синонимы могут различаться способностью вступать в соединение с другими словами. Например, можно сказать и *старинная картина*, и *старинное полотно*. Но можно сказать *написать картину*, а вот сказать *написать полотно* нельзя»¹⁷. Различия в сочетаемости демонстрируются в одном из заданий в разделе учебника А. И. Власенкова о синонимии – «Лингвистический эксперимент», которое побуждает обучающихся сравнить оттенки значения синонимов и их сочетаемость: «Могут ли все слова синонимического ряда сочетаться с одним и тем же словом?»¹⁸

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Развитие антропоцентризма в языкознании сформировало подход к синонимии, который можно назвать психолингвистическим. В рамках него синонимами становятся слова, которые сближаются во внутреннем лексиконе носителей языка. В число «психологических» синонимов включаются слова, входящие в одно семантическое поле и ассоциативно связанные. Примерами психологических синонимов могут стать гиперонимы и гипонимы, которые традиционно не рассматривались как синонимы.

Вместе с тем конкретные свойства синонимов, обладающих сильной семантической близостью в лексиконе, остаются дискуссионными: среди них называются акт сравнения-переживания [10], общность слотов выражаемых фреймов [4]. Показателем синонимичности также может являться ассоциативная связанность слов [6], при этом ассоциативные связи шире семантических: например, ассоциативно связанными оказываются так называемые синтагматические реакции, которые совместно встречаются в тексте (реакция *Живаго* на стимул *доктор*), но не имеют семантической близости.

В целом психолингвистический подход уделяет большое внимание обсуждению методов исследования: он опирается на эксперименты, проведенные с носителями языка, при этом критике подвергается компонентный анализ, который не отображает реальные семантические отношения в лексиконе, а скорее, эксплицирует интуицию исследователя [8], [10], [15].

Подход появляется в методике русского языка, в тех учебниках, где синонимия трактуется через обращение к речевой деятельности носителя языка. Например, в учебнике А. Д. Дейкиной, Т. М. Пахновой представлено, что выбор синонима

зависит «от того, в какой ситуации находятся говорящий или пишущий; какова эмоциональная оценка говорящим того, о чем он говорит или пишет; какова сила этих чувств или эмоций»¹⁹. Задания для изучения синонимов в школьных учебниках все чаще именуется как лингвистический эксперимент или лингвистическое наблюдение, что акцентирует внимание обучающихся на собственной речевой деятельности (см., например, в следующих работах²⁰).

Антропоцентризм также проявляется в лексикографии: так, словарь синонимов под редакцией Л. Г. Бабенко имеет «активное» строение. Такая композиция предполагает организацию материала от смысла к форме, что в большей мере соответствует процессу порождения речи носителем языка (в традиционных словарях синонимов синонимы упорядочены по алфавиту)²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди выделяемых в современной науке пяти подходов к синонимии только традиционный на данном этапе в полной мере реализован в методике русского языка. Вместе с тем именно он подвергается разнообразной критике, что становится импульсом для появления других точек зрения на синонимию.

В рамках структурного подхода он критикуется за субъективность и отсутствие точного инструментария. С прагматической точки зрения представляется, что он не уделяет должного внимания функционированию синонимов в речи и тексте. Наконец, психолингвистические исследования ставят под сомнение используемый компонентный метод и искусственно созданные границы синонимии. Вероятнее всего, в будущем в методике русского языка будет усиливаться психолингвистический подход, а функционирование синонимов объясняться через внимание к речевой деятельности носителя языка. Как показывают экспериментальные исследования, проведенные с детьми младшего школьного возраста, для них характерно расширение синонимического ряда за счет включения ассоциативно связанных слов [13].

Уже сейчас в школьных учебниках можно наблюдать постепенный отход от единственной «классической» точки зрения и использование достижений других подходов. Есть основания предполагать, что отказ от традиционного подхода в методике повысит качество освоения синонимических отношений, так как детей не будут обучать искусственно «сужать» синонимический ряд.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Булыгина Т. В., Крылов С. А. Денотат // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 128.
- ² Русский язык. 5 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч. 1 / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростонцева и др.; Науч. ред. Н. М. Шанский. М.: Просвещение, 2012. С. 162.
- ³ Там же. С. 161.
- ⁴ Ключева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М.: Учпедгиз, 1956. 281. С. 5.
- ⁵ Греков В. Ф. Русский язык. 10–11 классы: Учебник для образовательных организаций / В. Ф. Греков, С. Е. Крючков, Л. А. Чешко. 4-е изд. М.: Просвещение, 2011. С. 35.
- ⁶ Хлебникова Г. Ф. Русский язык. 10 класс. Профильный уровень: Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 129.
- ⁷ Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. М.: Наука, 1970. Т. I. С. 10.
- ⁸ Позднее требования к синонимам были переработаны, хотя общий подход к толкованию термина остался неизменным. Лексемы называются синонимами, если (1) они имеют одинаковую актантную структуру, (2) их метаязыковые толкования имеют большую совпадающую часть, совпадающая часть содержит (3) асертивную часть значений и (4) обязательно главный компонент асерции, (5) когда главный компонент асерции – оператор, то совпадают подчиненные предикаты [3: 212].
- ⁹ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. II. М.: Учпедгиз, 1953. С. 39.
- ¹⁰ Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967. С. 137.
- ¹¹ Хлебникова Г. Ф. Русский язык. 10 класс. С. 129.
- ¹² Там же.
- ¹³ Гольцова Н. Г. Русский язык. 10–11 классы: Учебник для общеобразовательных учреждений / Н. Г. Гольцова, И. В. Шамшин, М. А. Мищерина. 8-е изд. М.: Русское слово, 2011. С. 22.
- ¹⁴ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. С. 7.
- ¹⁵ Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: Практический справочник: В 2 т. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2003.
- ¹⁶ Греков В. Ф. Русский язык. 10–11 классы. 368 с.
- ¹⁷ Русский язык. 5 класс: Учебник для общеобразовательных организаций: В 2 ч. Ч. 1 / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, А. В. Глазков, А. Г. Лисицын. 4-е изд., испр. М.: Просвещение, 2014. 127 с.
- ¹⁸ Власенков А. И. Русский язык и литература. Русский язык. 10–11 классы: Учебник для общеобразовательных организаций: базовый уровень / А. И. Власенков, Л. М. Рыбченкова. М.: Просвещение, 2014. С. 53.
- ¹⁹ Дейкина А. Д., Пахнова Т. М. Русский язык: Практикум для старших классов. 6-е изд. М.: Вербум-М, 2006. С. 128–129.
- ²⁰ Власенков А. И. Русский язык и литература. Русский язык. 10–11 классы: Учебник для общеобразовательных организаций: базовый уровень / А. И. Власенков, Л. М. Рыбченкова. М.: Просвещение, 2014. С. 53; Гольцова Н. Г. Русский язык. 10–11 классы: Учебник для общеобразовательных учреждений / Н. Г. Гольцова, И. В. Шамшин, М. А. Мищерина. 8-е изд. М.: Русское слово, 2011. С. 23.
- ²¹ Современный словарь русского языка. Синонимы: более 5000 синонимических рядов: ок. 30 000 слов-синонимов / Под общей ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. 829 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 137–138.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 768 с.
3. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии: Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянской культуры, 2009. 568 с.
4. Белов В. А. Синонимические отношения в словарях и лексиконе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 241–248.
5. Бережан С. Г. Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слов как основа синонимичности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1967. Т. XXVI. Вып. 3. С. 254–268.
6. Глазанова Е. В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 22 с.
7. Гречко В. А. О некоторых источниках лексической синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л.: Наука, 1966. С. 160–166.
8. Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.
9. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М.: Языки славянской культуры, 2004. 400 с.
10. Лебедева С. В. Два подхода к исследованию лексической синонимии // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Тверь: Изд-во ТГУ, 1999. С. 68–73.
11. Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. М., 1964. 120 с.
12. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
13. Семенова В. Г. Синонимия в детской речи: Монография. М.: Изд-во СГУ, 2012. 232 с.
14. Талалакина Е. В. Типичные ошибки учащихся начальных классов в работе с синонимами // Начальная школа. 2007. № 5. С. 49–54.
15. Aitchinson J. Words in the Mind: Introduction to the Mental Lexicon. Oxford; New York: Basil Blackwell, 2003. 315 p.
16. Clark E. The principle of contrast // Mechanisms of language acquisition / Ed. by B. MacWhinney. New York, 1987. P. 1–33.
17. Inkpen D., Hirst G. Building and using a lexical knowledge-base of near-synonym differences // Computational Linguistics. 2006. № 32 (2). P. 223–262.
18. Ullmann S. The Principles of Semantics. Glasgow, 1957. 314 p.

Belov V. A., Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)

IMPLEMENTATION OF THEORETICAL APPROACHES TO SYNONYMY IN THE RUSSIAN LANGUAGE METHODOLOGY

The purpose of the paper is to analyze modern approaches to synonymy in linguistics and their realization in the methodology of the Russian language teaching. The relevance of the study is conditioned by the fact that synonymy plays a significant role in the language educational process practiced at schools. The originality of the study is based on the analysis of modern approaches toward synonymy and identification of their strengths and weaknesses. The modern approaches toward synonymy are considered from the stand point of contemporary linguistics; their realization in the methodology of the Russian language teaching is also studied. There are 5 linguistic approaches toward synonymy: denotative (it assumes the identity of extra linguistic reality), traditional (it considers synonyms as words with identical or similar meanings), structural (it formulates the formal features of synonymy), pragmatic (it deals with the functional nature of synonymy), and psycholinguistic (it interprets synonymy as close meanings in the speakers' lexicon). Although the traditional approach frequently employed in linguistics is criticized, it is fully implemented in the methodology of the Russian language teaching. The use of the traditional approach limits the choice of synonyms, but most of the school students intuitively expand the list of potential synonyms. It is assumed that the deviation from the established traditional approach toward synonymy might allow expansion of its traditional frames thus meeting institutive understanding of the nature of synonyms by the majority of school student.

Key words: synonymy, the study of synonyms at school, interchangeability, dictionary of synonyms, pragmatics, psycholinguistics

REFERENCES

1. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1990. P. 137–138. (In Russ.)
2. Апресян Ю. Д. Selected papers Vol. 1. Lexical semantics. Moscow, 1995. 768 p. (In Russ.)
3. Апресян Ю. Д. Studies on semantics and lexicography: Vol. 1. Paradigmatics. Moscow, 2009. 568 p. (In Russ.)
4. Belov V. Synonymic relations in dictionaries and lexicon. *Vestnik Tverskogo universiteta. Seriya "Filologiya"*. 2015. No 2. P. 241–248. (In Russ.)
5. Berezhn S. G. The coincidence of separate elements of the semantic structure of the words as the basis of synonymy. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1967. Vol. XXVI. No 3. P. 254–268. (In Russ.)
6. Glazanova E. V. Types of connections in the mental lexicon and experimental methods of their research: The thesis of Diss. Cand. Sci. (Philology). St. Petersburg, 2001. 22 p. (In Russ.)
7. Grechko V. A. On some sources of lexical synonymy. *Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow, Leningrad, 1966. P. 160–166. (In Russ.)
8. Kasevich V. B. Cognitive Linguistics: In Search of Identity. Moscow, 2013. 192 p. (In Russ.)
9. Lajonz J. Linguistic semantics: Introduction. Moscow, 2004. 400 p. (In Russ.)
10. Lebedeva S. V. Two approaches to the study of lexical synonymy. *Psikholingvisticheskie issledovaniya*. Tver, 1999. P. 68–73. (In Russ.)
11. Palevskaya M. F. Synonyms in Russian. Moscow, 1964. 120 p. (In Russ.)
12. Reformatskiy A. A. Introduction to Linguistics. Moscow, 1996. 536 p. (In Russ.)
13. Semenova V. G. Synonymy in children's speech. Moscow, 2012. 232 p. (In Russ.)
14. Talalakina Ye. V. Typical mistakes of elementary school students in the work with synonyms. *Nachal'naya shkola*. 2007. No 5. P. 49–54. (In Russ.)
15. Aitchinson J. Words in the Mind: Introduction to the Mental Lexicon. Oxford; New York: Basil Blackwell, 2003. 315 p.
16. Clark E. The principle of contrast. *Mechanisms of language acquisition* / Ed. by B. MacWhinney. New York, 1987. P. 1–33.
17. Inkpen D., Hirst G. Building and using a lexical knowledge-base of near-synonym differences. *Computational Linguistics*. 2006. No 32(2). P. 223–262.
18. Ullmann S. The Principles of Semantics. Glasgow, 1957. 314 p.

Поступила в редакцию 03.08.2017

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ИЛЬИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Со-рокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
juli_ill@mail.ru

ЛЕКСЕМА БЕЛОСВЕТНЫЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рассматривается смысловое наполнение лексемы *белосветный*, которая зафиксирована в нескольких, преимущественно севернорусских, говорах с разными значениями. Особое внимание уделяется слову *белосветный* в печорских говорах. Автор последовательно описывает морфемную и словообразовательную структуру прилагательного *белосветный*; дает семантическую характеристику стержневого компонента словосочетания, послужившего производящей базой для него, – слова *свет* (комментарий получают его основные значения – физическое («оптическое»), временное, пространственное и оценочное); представляет историю появления и смыслового наполнения словосочетания *белый свет* в русском языке. Важным для рассуждения оказывается анализ включенности сочетания *белый свет* во временном значении в состав частотного устойчивого выражении *не виде(а)ть свету белого*. В результате автор приходит к выводу о том, что разница в значении и употреблении сложного по своему составу прилагательного *белосветный* по данным разных говоров объясняется тем, какой смысловой компонент – временной или пространственный – реализует производящая база *белый свет*. Сделанные в статье наблюдения могут быть использованы при разработке вопросов омонимии и полисемии в границах диалектной макросистемы, а также для представления сложности семантики диалектных слов.

Ключевые слова: диалектная лексика, печорские говоры, семантическая структура слова, лексико-семантические варианты

Диалектная речь, как известно, на всех уровнях языковой системы отражает факты, которые часто нуждаются в специальном лингвистическом комментарии. Особое место занимает в этом отношении лексический состав того или иного говора. Диалектное слово может получить разную характеристику: указание территориальной закреплённости слова; определение его фонетических и грамматических особенностей; представление его морфемной и словообразовательной структуры; описание модели смыслового развития корневой и аффиксальных морфем, составляющих слово; установление значения / значений слова в одном говоре или диалектной макросистеме; выявление устойчивых выражений, в состав которых оно входит, и т. д.

Разнообразные характеристики диалектного слова закономерно и естественно даются с опорой прежде всего на материал определенной диалектной системы – одного говора или группы говоров. Такой системой, шире – локальной культурной традицией, которая вызывала в XIX–XX веках и вызывает до сих пор повышенное внимание со стороны археографов, фольклористов, этнолингвистов и диалектологов, является традиция Усть-Цилемского района Республики Коми: его книжное старообрядческое наследие, фольклорные тексты, в том числе тексты поздней архаики, и печорские говоры. При этом полевые исследования 2000-х годов часто оказываются не менее продуктивными для научных изыска-

ний, чем ранний по времени сбор фольклорного и лингвистического материала.

Так, в 2014 году в разговоре с жительницей д. Скитской Натальей Ивановной Поташовой, 1924 года рождения, была зафиксирована лексема *белосветный*. Контекстом для ее употребления послужил рассказ о трудолюбии мужа тетки Натальи Ивановны, который этим своим качеством отличался от людей «белосветных»: *Такой труженик был <...> за рекой-то, белосветны живут, два брата, робить не хотят худо. Он работающий был ведь, это, за рекой-то, г<ово>рит, белосветны живут, белосветны, шо... тоже, раз не робят, дак питаться-то, вот и белосветны¹.*

В лексикографических источниках, специально посвященных печорским говорам, прилагательное *белосветный* закрепления не получило. Это может быть связано с разными причинами: большой сложностью учета всего лексического состава говоров; невысокой частотностью употребления этой лексемы в речи, связанной, вероятно, с процессом разрушения диалектных систем, их сближением с системой литературного языка и т. д.

Как оказалось, в словники диалектных словарей, представляющих другие, прежде всего севернорусские, говоры, лексема *белосветный* также попадает нерегулярно, при этом с разными территориальными пометами и отличными друг от друга толкованиями.

Во-первых, прилагательное *белосветный* отмечено во владимирской и нижегородской областях

в источниках середины XIX века в значении 'известный всему миру'. Сочетается оно с именами, называющими лицо, которое негативно характеризуется, с большей или меньшей категоричностью не одобряется обществом: *Он вор белосветный. Белосветный озорник* (СРНГ, 2; 224). Близкое к приведенному значению толкование лексемы *белосветный* – 'все, что есть на целом или белом свете', но без указания на территорию ее распространения и без иллюстрации, с вариантами *белсветный, небелсветный* зафиксировано в Толковом словаре русского языка В. И. Даля (Даль, 3; 157).

Во-вторых, лексема *белосветный* территориально закрепляется за Белозерским районом Вологодской области и семантизируется как 'очень ярко выражающий, представляющий то или иное свойство, качество; исключительный; единственный в своем роде': *Батюшки, девки, белосветный отеть какой!* (СГРС, 1; 94).

Обратимся к структуре диалектной лексемы *белосветный*. Морфемная и словообразовательная структура сложного прилагательного *белосветный* прозрачна. Данное прилагательное образовано в результате сложения с суффиксацией: *бел-ый свет – бел-о-свет-н-ый*. В его состав входят свободные корни *-бел-* и *-свет-* и словообразующий аффикс *-н-*, выражающий общее значение признака предмета. Корневые морфемы находятся друг с другом в подчинительных отношениях и реализуют семантическую модель «предмет и его признак».

Сложное слово, как известно, обладает семантической емкостью, поскольку объединяет в себе несколько номинативных центров и представляет собой особый «микротекст». Таким «микротекстом», который можно прочесть, для лексемы *белосветный* во всех зафиксированных значениях является словосочетание *белый свет*.

Семантическая структура стержневого компонента данного словосочетания – слова *свет* – включает ряд значений, ядерные из которых условно можно определить как физическое (оптическое), временное, пространственное и оценочное.

Оптическое значение 'лучистая энергия, воспринимаемая зрением' первично, оно «продолжает» этимон, общий для однокоренных со словом *свет* лексем *светить, свеча, светлый*, – 'мерцать, блестеть' (Фасмер, 3; 575–576). Дальше слово *свет* переживает постепенное расширение значения.

Одно направление его развития связано с распространением признака «светлый» на такой, светлый, промежуток времени, переживаемый человеком с заданной периодичностью. В результате словом *свет* обозначают светлую часть суток, освещенное солнцем время: *проснуться перед светом* (Кузнецов, 1; 1157–1158). Формирование другого значения связано, по словам В. В. Колесова, с развитием интеллектуальной

деятельности человека: от обозначения лучистой энергии, воспринимаемой глазами, результата зрения совершается переход к значению 'то, что в результате самой только способности видеть (предполагающей при этом способность *ведети*), познано, узнано' [2: 135]. В результате *свет* – это пространство, мир, который виден и потому может быть познан: *поездить по свету* (Кузнецов, 1; 1157–1158). Наконец, цветовое значение лексемы *свет* получает в русском языке оценочную (положительную) характеристику, и слово именуется близкого человека: *свет ты мой*, или обозначает символ истины, разума, радости, счастья, духовной жизни: *жажда света* (Кузнецов, 1; 1157–1158).

Исторические словари, авторы которых широко понимали полисемию, допускают для лексемы *свет* объединение всех приведенных значений, возникновение которых относится к историческому периоду русского языка, в рамках одной словарной статьи (ср.: Срезневский, 3; 295–297; СлРЯ XI–XVII, 23; 134–136). Современная лексикографическая практика, учитывая правила отграничения полисемии от омонимии, которые связаны с учетом живых семантических связей слова, оценкой семантического единства и самостоятельности его значений, рассматривает оптическое, временное и оценочное значения как лексико-семантические варианты одного омонима *свет*, а пространственное и производные от него персонифицированные значения – другого. Такая словарная запись, однако, не отменяет исторического родства значений обоих омонимов.

Обратимся к истории появления и смыслового наполнения словосочетания *белый свет*. Сочетание *белый свет*, по замечанию В. В. Колесова, в письменных текстах известно только с XVII века, при этом определение *белый* у слова *свет* появилось только тогда, когда «в последовательном развитии человеческой мысли понадобилось расчесть древнее представление о совмещенности времени и пространства» [2: 136]. Источником, благодаря которому сочетание *белый свет* появилось в книжной литературе, стало народное словоупотребление. Об этом свидетельствует исходный смысл сочетания. Сочетание слов *белый свет* этимологически тавтологично, словосочетание представляет собой народно-поэтическое повторение: «...*белый свет* по своему исконному или во всяком случае древнему (XII век) значению либо 'белое бело', либо 'светел свет' (скорее, второе)» [2: 136]. Такое повторение, очевидно, относится к явлениям того же порядка, что и тавтологические сочетания, которые регулярно встречаются в фольклорных текстах: ср. *путь-дорога, скорбь-тоска* и т. д.

Ставшее устойчивым словосочетание *белый свет* представляет собой объединение прилагательного *белый* с разными лексико-семантическими вариантами существительного *свет*.

В древнерусском языке зафиксировано единичное употребление сочетания *белый свет* во временном значении: *И рубили казаки татар с полунощи до белого свету*. В тексте сказки выражение *до белого свету* получает толкование 'до утра' (СлРЯ XI–XVII, 23; 135).

В современном русском языке устойчивое сочетание *белый свет* способно реализовывать и временное, и пространственное значения. Так, в выражениях *света белого не видеть*, *к(о) белу свету* 'к рассвету', *перед светом* 'до рассвета' (СРНГ, 36; 252) слово *свет* используется во временном значении, а в речевых оборотах *прославиться на весь белый свет*, *накоптить белый свет* 'прожить долгую жизнь', *черт белого света* 'о плохом, скверном человеке' – в пространственном (СРНГ, 36; 255).

Обращает на себя внимание, что при реализации каждого из значений (временного и пространственного) можно отметить ряд закономерных мен компонентов, составляющих словосочетание *белый свет*.

В употреблении данного сочетания в пространственном значении варьирование компонентов минимально: существительное *свет* не варьируется, дублетом прилагательного *белый* может выступать слово *Божий* (Кузнецов, 1; 1157–1158). В. В. Колесов определяет выражение *Божий свет* как церковный эквивалент *белого света* и отмечает в этом формирование после XII века характерного для церковных писателей и заимствованного из Византии противопоставления белого, Божьего, сего света – нижнему, загробному, тому, которое привело к частичному совпадению значений слов *мир* и *свет* (ср. *Божий свет / мир, этот свет / мир* и т. п.) [2: 135, 138].

Для сочетания *белый свет* во временном значении словари фиксируют большую вариативность, и прежде всего в самом частотном устойчивом выражении со стержневым компонентом *не виде(а)ть – не виде(а)ть свету белого* в значении 'страдать от боли, болезни, усталости, тяжелого труда и т. п.; жить безрадостно, тяжело, в нужде, мучениях, заботах': *не видеть белого светушка* (СРГК, 5; 659), *свету <белого> не видеть* (ФСРГНП, 2; 273), *не звать свету белого* (Кобелева, 44), *свету белого нет* (Кобелева, 221).

Атрибутивный ряд для слова *свет* в данном случае, помимо прилагательного *Божий*, составляют лексемы *вольный* и *милый*: *не видеть Божьего свету* (Кобелева, 43–44), *света вольного не видеть* (Кузнецов, 1; 1157–1158), *как милый свет увидеть* (Семенкова, 219). Возможно употребление рассматриваемого выражения и вовсе без определения к существительному *свет*: *не взвидеть света / свету* (Кузнецов, 1; 1157–1158).

Наряду со словом *свет*, обозначающим в данном случае светлое время суток или его начало, в идиоме может использоваться слово *день* с прилагательными *хороший*, *баской*, *светлый*: *не ви-*

деть хорошего дня, не видеть баского дня (Кобелева, 44), *светлых дён не видеть* (Прокошева, 50). Смысловым дублетом ко всему сочетанию *белый свет* может выступить одно слово – *жизнь*, которое объединено со *светом* и *днем* общей идеей «временной отрезок»: *не повидать жизни* 'прожить очень тяжело, трудно, не зная отдыха, покоя, радости' (Кобелева, 177). Смежным по смыслу с рассматриваемым рядом вариантов фразеологизма *не видеть свету белого* оказывается зафиксированное в ярославских и архангельских говорах устойчивое выражение *светло жить* 'хорошо, обеспеченно жить', в котором однокоренное *свету* наречие *светло* включает ту же идею «легко, без страданий и лишений» (СРНГ, 36; 264).

Проведенное восстановление истории формирования и развития семантической структуры слова *свет* и сочетания *белый свет* позволяет объяснить разницу в смысловом наполнении сложного по своему составу прилагательного *белосветный* по данным разных говоров. Очевидно, что эти различия связаны с тем, какое значение – временное или пространственное – реализует производящая база *белый свет*.

Лексико-семантические варианты 'известный всему миру' (СРНГ, 2; 224) и 'все, что есть на целом или на белом свете' (Даль, 1; 157) указывают на пространство, пределы, в которых распространяется признак и его носитель. Формирование значения 'очень ярко выражающий, представляющий то или иное свойство, качество; исключительный; единственный в своем роде', как кажется, может иметь двойное объяснение. С одной стороны, оно включается в причинно-следственные отношения с идеей широкой известности: *белосветный* – единственный в своем роде и поэтому знакомый всем. С другой стороны, в данном случае можно усмотреть связь номинации признака с первичным, оптическим значением слова *свет*: *белосветный* – хорошо видный глазу человеку, яркий и потому замеченный и расцененный как исключительный.

Наконец, 'ленивый, беззаботный', значение прилагательного *белосветный*, зафиксированное в речи жительницы д. Скитская Усть-Цилемского района Республики Коми, мотивировано, вероятно, временным значением сочетания *белый свет*, уже – значением, реализуемым в устойчивом выражении *не видеть белого света*, то есть страдать от тяжелой, непосильной работы. Поэтому *белосветным* называют того, который, не работая тяжело, до изнеможения, видит белый свет, живет светло, не страдая.

Таким образом, работа по установлению значения диалектного слова того или иного говора или группы говоров предполагает выявление его мотивирующей основы и изучение истории появления и развития смысловой структуры слова или словосочетания (свободного или устойчивого), которые являются его производящей основой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.
 Кобелева – Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2004.
 Кузнецов – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
 Прокошева – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Пермского госуд. пед. университета, 2002.
 СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–5. Екатеринбург, 2001–2011.
 Семенкова – Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовии. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2007.
 СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.
 СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
 Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1893–1912. Репринтн. изд. М., 1989.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–47. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.
 Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. О. Н. Трубачева. СПб., 1996.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Усть-Цилемское собрание, 03363-21.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии М.: Институт русского языка АН СССР, 1990. 300 с.
2. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 312 с.
3. Кузнецова О. Д. Слово в говорах русского языка. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. 88 с.
4. Толстой Н. И. Белый цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 151–154.

Ирина У. Н., Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin (Syktyvkar, Russian Federation)

**LEXEME *BELOSJETNY* IN RUSSIAN DIALECTS:
THE STRUCTURAL-SEMANTIC CHARACTERISTIC**

The article discusses the meaning of the lexeme *belosvetnyy*. The lexeme is found in several, mostly North Russian, dialects. The lexeme has different meanings and in Pechora dialects it is used in the meaning that is not reflected in the dialect dictionaries. The author describes the morphemic and word-building structure of the adjective *belosvetnyy*; gives a semantic characteristic of its core component word *svet*, which acts as a basis for the described adjective (the basic meanings are described – physical (optical), temporal, spatial and estimated). Finally, the adjective reflects both the history of its appearance and the semantic content of the word combination *belyiy svet* in Russian. The analysis of the inclusion of the time meaning phrase *belyiy svet* into the stable expression *ne vide(a)t' svetu belogo* is an important part of the discussion. As a result, the author comes to a conclusion that the difference in the meaning and the use of a compound adjective *belosvetnyy*, according to the data of different dialects, is explained by the temporal or spatial meaning of the base word combination *belyiy svet*.

Key words: dialectal vocabulary, Pechora dialects, semantic structure of a word, lexico-semantic variants

REFERENCES

1. Zagorovskaya O. V. Semantics of the dialect word and problems of dialect lexicography. Moscow, 1990. 300 p. (In Russ.)
2. Kolesov V. V. The world of a man in the word of ancient Russia. Leningrad, 1986. 312 p. (In Russ.)
3. Kuznetsova O. D. The word in dialects of Russian language. St. Petersburg, 1994. 88 p. (In Russ.)
4. Tolstoj N. I. White color. *Slavyanskije drevnosti: Ethnolingvističeskij slovar*. Moscow, 1995. Vol. 1. P. 151–154. (In Russ.)

Поступила в редакцию 11.07.2017

ВИКТОРИЯ АНДРЕЕВНА НОВОСЕЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
novosita@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРЕФИКСЫ *ДЕ-* И *РЕ-* В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Исследование выполнено в русле нового научного направления – политической лингвистики, которая изучает проблемы взаимоотношения между языком, мышлением и коммуникацией. Эта дисциплина тесно связана с социолингвистикой, риторикой, функциональной стилистикой. Вопрос об особенностях современного политического языка является одним из актуальных в политической лингвистике. В научной литературе можно встретить различные названия политического языка: общественно-политическая речь, официально-деловая языковая разновидность, язык общественно-политической мысли, язык политического дискурса. Обязательной составляющей языка партийного лидера, государственного и общественного деятеля является терминологическая лексика. Умение свободно, правильно и эффективно оперировать терминологией свидетельствует о профессиональной компетентности политика. Как показывают наблюдения, политический словарь систематически пополняется и обновляется, его динамика тесно связана с процессами, которые происходят в реальной действительности. Изменения отмечаются не только в лексике, но и в словообразовании. В статье рассматривается социально-политическая лексика с продуктивными префиксальными морфемами *де-* и *ре-*, актуализация которых обусловлена необходимостью создания неодериватов, номинирующих процессы и явления современного общества. Материалом для анализа послужили информационные и аналитические передачи телеканала *Россия-24*, а также высказывания отдельных политиков.

Ключевые слова: политический язык, политический дискурс, продуктивность и регулярность морфем, актуализация префикса, неодериваты, лексическое значение

Каждая сфера коммуникативных отношений предполагает наличие специальной (терминологической) лексики, репрезентирующей основные понятия того или иного вида общения. Политика как особая форма социальной деятельности имеет свои дискурсивные языковые средства.

По определению энциклопедического словаря, политический язык является одним из эффективных средств, воздействующих на адресата. Он обеспечивает функционирование и передачу информации социально-политической направленности, является средством формирования социально-политических идеалов, ценностей и норм, фиксации политических идей и практики власти¹.

Анализ политического языка «позволяет проследить определенные тенденции в сфере общественного сознания, выявить характеристики и закономерности политической коммуникации» [2: 63].

В научной литературе термин *политическая коммуникация* нередко заменяется синонимом *политический дискурс* [4]. По образному выражению известного отечественного лингвиста Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [1: 137].

Политический язык реализуется в речи профессиональных политиков, государственных и общественных деятелей, в официально-деловых документах государственного характера.

К политическому языку прибегают журналисты, которые в информационных и аналитических статьях, на телевидении, в сети Интернет затрагивают злободневные темы, находящиеся в фокусе социального внимания.

На формирование политического словаря влияют процессы, происходящие в социуме, которые, как отмечает Е. А. Земская, «требуя новых наименований, активизируют определенные звенья словообразовательной системы языка» [6: 138]. В результате радикальных преобразований конца XX века и смены исторических периодов (советского, перестроечного, постсоветского, демократического) социально-политическая лексика русского языка кардинально изменилась: многие тематические группы слов устарели, оказались на периферии языка, появились другие, номинирующие новые реалии действительности. Обращают на себя внимание актуализированные языковые единицы, востребованные временем, перешедшие из пассивной зоны в основную, ядерную.

В активные периоды жизни языка особенно заметна реализация его потенциальных возможностей, которые заложены в словообразовании, отличающемся высокой степенью подвижности [3: 130–131].

Одной из характерных особенностей современного словопроизводства является рост именной

префиксации в формировании политической терминологии [7].

Префиксальные дериваторы активизировались в создании определенных деривационных моделей. Продуктивными и регулярными стали словообразовательные форманты *пост-* и *после-* с темпоральным значением (*постперестроечный*, *послепутчевый*) [9: 243], приставки *анти-*, *контр-* с семантикой отрицания, противодействия (*антиисламский*, *контрсанкции*), префиксальный дериватор *про-* со значением «в чьих-то интересах» (*проамериканский*, *пророссийский*, *проукраинский*), *псевдо-* – «ложный, ненастоящий» (*псевдодемократия*, *псевдопатриотизм*).

Актуализация указанных приставок обусловлена тем, что современное словообразование, по словам Е. А. Земской, используя морфемные ресурсы языка, «выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований» [6: 90].

Возросла активность приставок *де-* и *ре-* в производстве терминов политической и экономической сферы употребления.

НЕОДЕРИВАТЫ С ПРЕФИКСОМ *ДЕ-*

Приставка *де-* латинского происхождения² образует имена существительные со значением обратного или противоположного действия по отношению к тому, что названо в производящей основе³.

В 2013 году в российском политическом словаре появился термин *деофшоризация*, который был введен экспертом в сфере налогового права А. С. Захаровым [5: 65]. *Деофшоризация* – применение государством комплекса мер по возвращению под эгиду государственного регулирования финансовых операций, проводимых компаниями, которые находятся на территории другой страны (в офшорной зоне). После утверждения закона от 24.11.2014, принятого в рамках реализации национальной программы по деофшоризации российской экономики, неологизм *деофшоризация* стал широкоупотребительным:

Курс на деофшоризацию экономики уже взят, приняты соответствующие законопроекты (Н. Левичев, вице-спикер парламента РФ, член фракции «Справедливая Россия» (Р-24, 05.12.14))⁴. *В декабре 2014 года В. Путин в послании к парламенту поручил разработать меры по деофшоризации экономики* (Р-24, 09.12.14).

Термин *деофшоризация* проявляет исключительную активность в сфере экономических отношений, о чем свидетельствует большое количество публикаций, посвященных вопросам правового регулирования деятельности компаний, находящихся за пределами государства [8], [10], [12]. Поскольку офшорными зонами пользуются крупные компании многих развитых стран мира, проблеме налогообложения доходов резидентов от иностранных источников уделяют

серьезное внимание и зарубежные экономисты [13], [14], [15].

Обострение социально-политических проблем приводит к нестабильности обстановки во многих регионах, что вызывает озабоченность в обществе. Отсюда актуализировалось слово *дестабилизация* – нарушение стабильности, устоявшегося порядка, а также процесс, направленный на нарушение стабильности⁵:

Страны Запада работают на дестабилизацию обстановки в Европе (Р-24, 06.11.14). *В Грозном завели уголовное дело против депутатов Украинской Рады, которые одобрили террористический акт в Доме Печати и призывали к дестабилизации обстановки* (Р-24, 06.12.14). *Деятельность диверсионных групп направлена на дестабилизацию обстановки в Донбассе* (Р-24, 22.01.15). *Новые вызовы и угрозы безопасности могут привести к дестабилизации обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе* (Р-24, 27.10.17).

В сфере экономических отношений стало общеупотребительным словосочетание *деструктуризация долга* (по ипотеке, кредиту, коммунальным услугам). Заемщики по разным причинам не всегда выполняют долговые обязательства, поэтому кредиторы, как правило, прибегают к *деструктуризации* – пересмотру условий кредитования и установлению льготного порядка выплат, к изменению сроков погашения, иногда к списанию части долга. Если стороны не могут договориться, то вопрос о погашении долга решается в судебном порядке.

На очередном заседании речь шла о деструктуризации долга Украины за газ (Р-24, 08.10.14). *Вопрос о деструктуризации долга Украины за газ решается уже около года* (Р-24, 15.11.14).

Согласно Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 года, в России закреплена децентрализованная модель государственного управления. Децентрализация власти представляет собой многоуровневую систему: федеральное, региональное и муниципальное управление. После принятия этого закона в политическом языке актуализировалось слово *децентрализация*, обозначающее процесс расширения и усиления прав и полномочий региональных административных субъектов при одновременном сужении прав центра, процесс передачи из центра в местные органы власти части функций и полномочий⁶.

Децентрализацию власти Киев и Донбасс принимают по-разному (Р-24, 24.12.14). *Киев не поддерживает вопрос о децентрализации власти на Украине* (Р-24, 28.12.14).

Непродуманная политика отдельных государств, санкционное давление, деятельность профашистских и террористических организаций приводят к эскалации напряженности в обществе. Россия является сторонником *деэскалации* – стремится к ослаблению напряженности,

к мирному урегулированию социальных конфликтов. Наблюдения показывают, что политический термин **деэскалация** в настоящее время проявляет исключительную активность, что сопряжено с военными действиями на Ближнем Востоке, с событиями в Тихоокеанском регионе, на Африканском континенте, на Украине:

Санкции не способствуют деэскалации конфликта на Украине (С. Лавров, Р-24, 20.10.14). *Вместо деэскалации в Донецке и Луганске наблюдается активизация военных действий* (Р-24, 06.11.14). *Санкции не имеют ничего общего с деэскалацией вооруженного конфликта на Украине* (С. Лавров, Р-24, 28.11.14). *Милитаристская политика правительства Украины не направлена на деэскалацию конфликта* (Р-24, 25.01.15). *Установлены зоны деэскалации в Сирии* (Р-24, 22.06.17). *В зонах деэскалации в Сирии наблюдается хрупкое перемирие* (Р-24, 09.07.17).

В международном политическом дискурсе все чаще поднимается тема **денуклеаризации** Азиатско-Тихоокеанского региона, что связано с наращиванием военного присутствия НАТО около Корейского полуострова и испытаниями баллистических ракет в КНДР. Несмотря на то что еще в 1991 году Пхеньян и Сеул подписали декларацию о денуклеаризации, вопрос о создании зоны, свободной от ядерного оружия, до сегодняшнего дня остается открытым, чему способствует агрессивная политика США.

В настоящее время эта проблема обсуждается политиками и государственными деятелями многих стран, что находит отражение в политической публицистике, и термин **денуклеаризация** не сходит со страниц газет и журналов:

Трамп и Мун Чжэ Ин обсудили вопросы о денуклеаризации КНДР (Р-24, 30.06.17). *Госдеп США сообщил, что КНДР отказывается вести какие-то переговоры о денуклеаризации* (Р-24, 01.10.17).

Как известно, в последние десятилетия возрастает количество международных конфликтов, в которые вовлекаются отдельные страны, союзы государств, общественно-политические организации. Конфликтизация отношений между противоборствующими субъектами предполагает и обратный процесс – **деконфликтизацию** – поиск путей урегулирования спорных вопросов, устранения противоречий, предотвращения возможных трагических последствий.

Термин **деконфликтизация** стал активно употребляться в современном политическом языке:

У нас нет специфических зон, где мы занимаемся деконфликтизацией. Когда мы говорим с русскими, мы не говорим об этих зонах деэскалации. Мы просто говорим о деконфликтизации при наших операциях (начальник ЦК ВВС США Джеффри Л. Харригиан, 25.05.2017). *Сейчас действуют меры по деконфликтизации действий в небе над Сирией, и эти меры будут*

продолжены (Т. Мэй, 19.06.17). *После выборов губернатора Севастополя в регионе произойдет деконфликтизация политической жизни* (политолог Д. Маковская, 10.09.17).

Актуализация слова **деокупация** в значении «возвращение утраченных территорий и восстановление границ» восходит к грузино-абхазскому конфликту 1992–1993 годов, в результате которого Абхазия и Южная Осетия приобрели самостоятельность.

В связи с государственным переворотом на Украине, воссоединением Крыма с Россией по итогам референдума, проведенного в марте 2014 года, а также событиями на Донбассе этот термин стал активно использоваться депутатами Верховной Рады и администрацией Порошенко, которые считают Крымский полуостров и Донбасс «временно оккупированными» территориями:

Глава МВД Украины Арсен Аваков заявил, что пограничники должны быть готовы к «деокупации Донбасса» в 2017 году. По словам Авакова, «деокупацией будут заниматься полицейские, гвардейцы, а также органы юстиции, но первыми отправятся пограничники» (Р-24, 17.01.17). *На Украине опубликован проект о деокупации Донбасса* (Р-24, 12.07.17). *Вашингтон не будет увязывать решение вопроса Донбасса с деокупацией Крыма* (К. Волкер, советник США по Украине, 04.11.17).

Если обратиться к словарю периода перестройки в российском обществе, то можно увидеть зафиксированные в политических терминах процессы разрушения старых устоев, основ идеологии, уничтожения всего того, что маркировало советское пространство: **деидеологизация, деинтеграция, декоммунизация, денационализация, деполитизация, десоциализация, десоветизация**.

Таким образом, в современном политическом языке востребованными являются неодериваты с префиксальным словообразовательным формантом **де-**, восходящие к именам существительным с суффиксом **-ация**, наделенным значением «процессуальности или результата действия, названного мотивирующим словом»⁷. Ряд производных, образованных по указанной продуктивной модели, можно продолжить.

НЕОДЕРИВАТЫ С ПРЕФИКСОМ **РЕ-**

Регулярная и продуктивная приставка **ре-** по стилистической квалификации носит книжный характер и встречается преимущественно в медицинской, технической, экономической лексике (**ревакцинация, ретрансляция, реэмиграция**).

Префиксальная морфема **ре-** заимствована из латинского языка: **re** – снова, повторно⁸. Посредством дериватора **ре-** образуются имена существительные со значением возобновляемости, повторяемости действия или явления, названного

мотивирующим словом, а также со значением обратного процесса⁹. Активизация префикса *ре-* прежде всего обнаруживается в производстве терминов политико-экономической сферы употребления.

Экономические преобразования в России конца XX столетия привели к *деиндустриализации* – прекращению индустриальной активности многих промышленных предприятий, сокращению промышленного производства, в результате чего ключевые отрасли, определяющие научно-технический процесс, стали постепенно разваливаться.

Санкционное давление на Россию обернулось серьезными экономическими проблемами в стране. Потребовалось восстановление наукоёмкой обрабатывающей промышленности, которая от *деиндустриализации* пошла по пути *реиндустриализации* [11]. Начиная с 2014 года в политико-экономическом дискурсе стал активно употребляться термин *реиндустриализация* – возвращение к курсу индустриализации:

Необходимо разработать программу по реиндустриализации экономики (В. Городецкий, губернатор Новосибирской области; Р-24, 05.12.14). *Дмитрий Медведев поддержал программу реиндустриализации Новосибирской области* (Р-24, 08.06.16).

Госпереворот на Украине и ущемление прав русского населения вызвали протестные настроения на Донбассе, которые переросли в вооруженный конфликт. Киев стремится вернуть неподконтрольные ему территории, разрабатывая различные проекты возвращения утраченных юго-восточных областей в обход Минских договоренностей. В Верховной Раде активно обсуждается законопроект о *реинтеграции* Донбасса, внесенный в украинский парламент П. Порошенко.

Слово *реинтеграция* в значении «объединение прежде распавшегося чего-либо или разьединенного на новых принципах, основаниях»¹⁰ активно употребляется в контексте событий в Донеске и Луганске:

Украина опубликовала проект о реинтеграции Донбасса (Р-24, 12.07.17). *Реинтеграция Донбасса и современная украинская власть несовместимы* (Н. Королевская, депутат ВР, 07.11.17). *Закон о реинтеграции Донбасса противоречит Минским соглашениям* (Р-24, 08.11.17). *По сообщению «Коммерсанта», в Верховной Раде готовятся проголосовать за разрыв дипотношений с Россией в рамках «реинтеграции Донбасса»* (Р-24, 08.11.17).

В деятельности банков вопрос о пересмотре сроков выплаты кредитов или изменении условий кредитования, проводимых для оптимального решения проблемы в интересах заинтересованных сторон, является ординарным. Термин *реструктуризация* (долга) из сферы экономических отношений стал широкоупотребительным:

Минфин Греции предложил реструктуризацию задолженности по облигациям (Р-24, 03.02.15). *Многие заемщики надеются на диалог с банком и реструктуризацию долга* (Р-24, 09.12.14).

В связи с введением функции кредитования Центральным банком коммерческих банков страны актуализировался термин *рефинансирование* – повторное финансирование кредита, ипотеки:¹¹

Нацбанк Белоруссии повышает ставку рефинансирования на 25 % (Р-24, 08.01.2015). *Банкам был предложен новый вариант рефинансирования* (Р-24, 30.10.14).

Становление рыночной экономики в России стимулировало процессы *реэкспорта* – экспортирования и продажи ранее импортированных товаров с целью получения прибыли. В странах Евросоюза реэкспорт – распространенное явление. Реэкспортируют всё, в том числе и российский газ:

Голландия занимается в основном реэкспортом, это страна-торгаши (проф. МГИМО А. И. Подберезкин, Р-24, 02.10.14). *«Газпром» согласился снять ограничения на реэкспорт газа Европе* (Р-24, 13.03.17). *Словакия и Венгрия смогут зарабатывать на реэкспорте российского газа на Украину* (Р-24, 24.07.17).

Представленные дериваты образованы префиксальным способом: префикс *ре-* + отглагольное имя существительное со значением процесса (*экспорт* от *экспортировать*, *финансирование* от *финансировать*, *индустриализация* от *индустриализировать*, *интеграция* от *интегрировать*, *структуризация* от *структуризовать*).

Ряд политико-экономических терминов, произведенных по указанной деривационной модели, можно продолжить:

реинвестиция – дополнительное вложение средств, полученных в виде прибыли и направляемых на расширение производства;

рекультивация – восстановление разрушенного в результате хозяйственной деятельности человека плодородного слоя земли;

реприватизация – возврат в частную собственность ранее национализированных предприятий, банков, земельных участков.

В последнее время стал регулярно функционировать термин *реновация* – процесс обновления, возобновления, улучшения какой-либо структуры. Это может быть реконструкция местности, обновление устаревшего оборудования, машин, судов, строительных конструкций. Актуализация этого слова связана с Программой реновации жилья в Москве, широко обсуждаемой в обществе и утвержденной В. Путиным 1 июля 2017 года:

В Москве создан штаб по реализации программы реновации пятиэтажек (Р-24, 12.03.17). *Закон о реновации охватывает 15 % зданий*

исторической Москвы – 4546 домов (Р-24, 21.07.17). Стали известны адреса переселения москвичей по программе **реновации** (Р-24, 14.08.17).

Словообразовательная структура деривата **реновация** отличается от рассмотренных ранее производных основ. Мотиватом этого слова является не глагол, а прилагательное *новый*, от которого префиксально-суффиксальным способом образовалось имя существительное, имеющее процессуальное значение: *новый* → **реновациу[л]я** (обновление).

Таким образом, наблюдения показывают, что динамика социально-политических процессов отражается на лексике и словообразовании, которое имеет неограниченные потенциальные возможности для создания новых слов. В кругу актуальных деривационных морфем заметное место принадлежит префиксам, востребованным обществом для производства современной

социально-политической и экономической терминологии.

Образование и актуализация новых слов с продуктивными дериваторами **де-** и **ре-** обусловлены целым рядом факторов: радикальными изменениями в российском обществе, установлением рыночной модели экономики, обострением социально-политических и экономических отношений между странами, ожесточенным противостоянием различных политических сил, идеологий, а также санкционной и агрессивной политикой некоторых ведущих государств Запада и США, деятельностью террористических и профашистских организаций. Неодериваты политико-экономической тематики номинируют социально значимые явления эпохи, закрепляются в терминах и широко используются в политической публицистике, ориентированной на массового адресата.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Политическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 305.
- ² Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1986. С. 147.
- ³ Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2005. С. 111.
- ⁴ Р-24 – телеканал «Россия-24».
- ⁵ Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2008. С. 301.
- ⁶ Там же. С. 305.
- ⁷ Ефремова Т. Ф. Толковый словарь. С. 73.
- ⁸ Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1986. С. 418.
- ⁹ Ефремова Т. Ф. Толковый словарь. С. 439.
- ¹⁰ Толковый словарь русского языка начала XXI века. С. 848.
- ¹¹ Там же. С. 857.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Бобровская Г. В. Об особенностях современного политического языка // Русская речь. 2006. № 4. С. 63–67.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие для вузов. М.: Логос, 2001. 304 с.
4. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического дискурса // ПОЛИС. 2004. № 3. С. 127–139.
5. Захаров А. С. Деофшоризация: российский контекст // Legal Insight. 2013. № 5 (21). С. 65–71.
6. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.
7. Зенкин С. Культурология префиксов // Новое литературное обозрение. 1995. № 6. С. 23–35.
8. Каткова Е. А., Фарафонтова Е. Л. Деофшоризация экономики // Научный альманах фундаментальных и прикладных исследований. 2015. № 12. С. 48–53.
9. Костомаров В. Г. Активные процессы в словообразовании // Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 1999. С. 208–245.
10. Скуратова И. Н. Деофшоризация: сравнительный анализ опыта России и зарубежных стран // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3. С. 122–124.
11. Федоров А. А. Путь от деиндустриализации к реиндустриализации как отказ от нефтегазовой экономики // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62658> (дата обращения 29.09.2017).
12. Хейфец Б. Неспешная деофшоризация // Прямые инвестиции. 2014. № 4. С. 64–68.
13. Caitlin-Brittann William. Offshore: The Dark Side of the Global Economy. London: Picador, 2005. 288 p.
14. Mauger Bill. Reregulating Offshore // Geography Compass 2. 2008. P. 155–175.
15. Shaxson N. Treasure islands: Tax havens and the men who stole the world. Random House, 2012. 272 p.

Novoselova V. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PRIORITY PREFIXES **DE-** AND **RE-** IN THE LEXICON OF MODERN POLITICAL LANGUAGE

The study was performed in the framework of the new scientific direction – political linguistics that studies the problems of relationships among the language, the thought and communication processes. This discipline is closely associated with sociolinguistics, discourse, and functional stylistics. The question of characteristic features of the modern political language is one of the most pressing

political issues of linguistics. Different names specifying contemporary political language are found in scientific literature: the political speech, the language of social and political thought, and the language of political discourse. The terminological vocabulary is a compulsory component of the language of a party leader, a statesman and a public figure. The ability to freely, correctly and efficiently operate such terminology testifies of the high level of professional competency development in the speaker. As observations show, the political vocabulary is systematically updated and renewed, and its dynamics is closely linked with the processes occurring in reality. Multiple changes occur not only in the political vocabulary but also in its morphology. The article deals with the socio-political vocabulary containing such productive prefixes as *de-* and *re-*. The prefixes were actualized because of the need to create new derivatives nominating processes and phenomena of the modern society. The information and analytical programs of the TV channel Russia-24, as well as statements of individual politicians were used as research materials of the study.

Key words: political language, political discourse, productiveness and regularity of morphemes, updating prefix, new derivatives, lexical meaning

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Language and the world of a man. Moscow, 1999. 895 p. (In Russ.)
2. Bobrovskaya V. G. On the features of modern political language. *Russian speech*. 2006. No 4. P. 63–67. (In Russ.)
3. Valgina N. S. Active processes in the modern Russian language: Textbook the manual for high schools. Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.)
4. Gavrilova M. V. Linguistic analysis of political discourse. *POLIS*. 2004. No 3. P. 127–139. (In Russ.)
5. Zakharov A. S. De-offshorization: the Russian context. *Legal Insight*. 2013. No 5 (21). P. 65–71. (In Russ.)
6. Zemskaya E. A. Active processes in the modern low prose introduction. *Russian language of the late twentieth century (1985–1995)*. Moscow, 2000. P. 90–141. (In Russ.)
7. Zenkin S. Cultural studies prefix. *New literary review*. 1995. No 6. P. 23–35. (In Russ.)
8. Katkova E. A., Farafontova E. L. De-offshorization of economy. *Scientific almanac of fundamental and applied research*. 2015. No 12. P. 48–53. (In Russ.)
9. Kostomarov V. G. Active processes in word-formation. *Language taste of epoch. From observations of speech practice of mass-media*. St. Petersburg, 1999. P. 208–245. (In Russ.)
10. Skuratova I. N. De-offshorization: a comparative analysis of the experience of Russia and foreign countries. *Bulletin of the Russian University of cooperation*. 2015. No 3. P. 122–124. (In Russ.)
11. Fedorov A. A. the Path from de-industrialization to re-industrialization as an act of oil economy rejection. *Modern scientific researches and innovations*. 2016. No 1. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62658> (accessed 29.09.2017). (In Russ.)
12. Kheifets B. Slow de-offshorization. *Direct investments*. 2014. No 4. P. 64–68. (In Russ.)
13. Caitlin-Brittan William. Offshore: The Dark Side of the Global Economy. London: Picador, 2005. 288 p.
14. Maurer Bill. Reregulating Offshore // *Geography Compass* 2. 2008. P. 155–175.
15. Shaxson N. Treasure islands: Tax havens and the men who stole the world. Random House, 2012. 272 p.

Поступила в редакцию 30.10.2017

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
pashkov@petsu.ru

Рец. на кн.: Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь / [науч. ред. А. В. Пигин ; авторы : А. В. Алексеев, Ю. Н. Кожевникова, О. В. Панченко, А. В. Пигин, иерей Олег Червяков, Н. В. Червякова, Е. М. Юхименко]. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – 528 с.

После принятия христианства на Руси начинают создаваться жизнеописания русских святых – жития. Исторически сложилось так, что большая их часть посвящена святым, жившим на Русском Севере. Именно сюда в поисках тишины и спокойствия в XIV–XVII веках устремлялись многие монахи – основатели монастырей и будущие святые. Именно здесь долгое время не было опустошительных нашествий и длительных войн. В этих условиях тексты житий хранились и передавались из поколения в поколение в семьях северян. Поскольку жития представляли собой ценный исторический источник, русские ученые уже с середины XIX века пытались осмыслить их содержание. В советское время изучение житий практически не происходило по вполне понятным причинам. Новый подлинно научный этап в изучении северных монастырей и жизни их основателей начался после 1988 года. В это время стало возможным изучение житийной литературы с применением новейших методологий, тщательным текстологическим анализом списков и с привлечением данных истории, филологии, богословия и археологии.

Примером такого комплексного анализа может служить вышедшая в конце 2017 года в авторитетном петербургском научном издательстве «Дмитрий Буланин» коллективная монография «Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь» (под ред. А. В. Пигина), посвященная интересной и малоизученной теме – комплексному анализу биографии преподобного Диодора Юрьегорского, истории основанного им Троицкого Юрьегорского монастыря и бытования памятников древнерусской книжности, посвященных Диодору Юрьегорскому.

Первая глава «Троицкий Юрьегорский монастырь и Юрьегорский приход» написана известным специалистом по истории монастырей Русского Севера Ю. Н. Кожевниковой. Там детально восстановлена история монастыря с момента его основания в 1626 году и до закрытия по реформе 1764 года, а также история созданного на месте закрытого монастыря Юрьегорского прихода, просуществовавшая до начала XX века.

Вторая глава «Литературные произведения о святом Диодоре Юрьегорском» состоит из трех разделов. Первый раздел «Житие Диодора Юрьегорского», написанный старшим научным сотрудником Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома О. В. Панченко, посвящен анализу

этого агиографического памятника. Во втором разделе «Повести о соловецких пустынножителях», также написанном О. В. Панченко, анализируются две житийные повести, посвященные пребыванию Диодора Юрьегорского в Соловецком монастыре. Третий раздел «Диодор Юрьегорский в старообрядческой письменности», написанный крупнейшим специалистом по истории старообрядчества и старообрядческой культуре Е. М. Юхименко и А. В. Пигиным, посвящен анализу четырех памятников Выговской литературной школы XVIII века, содержащих какую-либо информацию о Диодоре Юрьегорском. Все это позволило авторам дать всестороннюю картину бытования исторической памяти о Диодоре Юрьегорском в рукописной традиции Русского Севера.

Третья глава «Археологическое исследование территории Троицкого Юрьегорского монастыря» написана А. В. Алексеевым. В ней приведена информация о раскопках 2013 года на месте монастыря и монастырского кладбища и сделан анализ найденных там артефактов.

Помимо текста исследования в монографии имеются обширные приложения (четыре редакции Жития Диодора Юрьегорского, две соловецких повести, тропари, кондаки, молитвы и слово похвальное каргопольским чудотворцам, расказывающие или упоминающие Диодора Юрьегорского, отрывки из Жития Кирилла Сунарецкого, а также текст грамоты царя Михаила Федоровича и различные делопроизводственные материалы XIX века по истории Юрьегорского прихода) и комментарии к этим текстам, составленные Ю. Н. Кожевниковой, О. В. Панченко, А. В. Пигиным и Е. М. Юхименко. Кроме того, в приложении дано составленное О. В. Панченко описание рукописей XVII – начала XX века, содержащих списки Жития Диодора Юрьегорского.

Издание снабжено хорошим научно-справочным аппаратом (указатель имен, сведения об авторе, список сокращений) и большим количеством иллюстраций. К сожалению, в монографии нет общего списка использованных источников и литературы.

Коллективная монография «Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь» вызовет большой интерес у всех, интересующихся историей православия и традиционной культуры Русского Севера.

Поступила в редакцию 28.12.2017

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

Рец. на кн.: Арабески Андрея Белого: Жизненный путь, идейные искания, поэтика / Филологический факультет Белградского университета, Гос. музей А. С. Пушкина. Мемориальная квартира Андрея Белого, ИМЛИ РАН; Ред.-сост.: К. Ичин, М. Л. Спивак; Ред.: И. В. Волкова, И. Б. Делекторская. – Белград; Москва: Изд-во филологического факультета в Белграде, 2017. – 718 с.

Интерес к наследию крупнейшего русского писателя, поэта, критика, новатора в области языка, ритма, стиля и оригинального мыслителя Андрея Белого (Б. Н. Бугаева, 1880–1934) в отечественной науке возрос в последние три десятилетия XX века, а в начале XXI века отечественное и западное литературоведение вышло на совершенно иной качественный уровень. Филиал Государственного музея им. А. С. Пушкина «Мемориальная квартира Андрея Белого» стал со времени своего основания связующим звеном для всех исследователей творчества Андрея Белого как в России, так и за рубежом. Музеем были проведены единственные в России международные конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире» (2005, 2010, 2015), по итогам которых вышли сборники «Миры Андрея Белого» (Белград; Москва, 2011), подготовлены и введены в научный оборот внушительные научные издания. Вот лишь некоторые из них: «Андрей Белый. Александр Блок. Москва» (М., 2005), «Андрей Белый: память о памяти. Мемориальные вещи, рисунки, автографы, книги, портреты» (М., 2015).

Внушительный как по представленной проблематике, так и по объему сборник трудов «Арабески Андрея Белого: жизненный путь, идейные искания, поэтика» явился подведением итогов сделанного мировым литературоведением за 2010–2015 годы. Благодаря совместной работе Мемориальной квартиры Андрея Белого, ИМЛИ РАН и филологического факультета Белградского университета стало возможным опубликовать исследование маститых и молодых ученых из разных стран, таких как Австрия, Венгрия, Германия, Италия, Латвия, Польша, Россия, Сербия, США, Тайвань, Швейцария, Швеция, Япония.

Том «Арабески Андрея Белого» тематически разбит на четыре раздела: «Публикации», «Линии жизни», «Лабиринты сознания», «Ландшафты культуры». Заголовки переключаются с ключевыми темами, своего рода концептами и символами творчества писателя-мистика.

Андрей Белый создал свою «Линию жизни» – огромное во всю стену панно, где разного цвета стрелки указывают движение вверх и вниз, взлеты и падения, возрастание и угасание его интересов, пристрастий, судьбоносных встреч с соратниками по литературному цеху, с филологами и близкими по духу людьми [1].

В последние десятилетия одно из ведущих мест в освоении наследия Андрея Белого заняла текстологическая работа, показателем этого в рецензируемом сборнике служит первый («Публикации») и переключившийся с ним второй («Линии жизни») разделы. В общем объеме сборника они занимают большую часть (415 страниц из 713). В разделе «Публикации» представлены ранее не изданный «фундаментальный корпус переписки» [2: 5] Андрея Белого с одним из членов символистского издательства «Мусaget» Н. П. Киселевым (вводная статья и богатый комментарий А. Л. Соболева). Письма А. Белого из-за границы дополняют сведения о задачах издательства, о сложных переплетениях судеб многих, кто участвовал в его работе: Э. Метнера, А. Блока и Вяч. Иванова. Помимо издательских дел, А. Белый делится с адресатом своими переживаниями, связанными с посещением Храма Гроба Господня, пишет о беглом знакомстве с Каиром и о Тунисе, передает свои впечатления о «жемчужине в туманном атласе» [2: 40] Венеции, о Монреальском соборе [2: 41].

Следующая публикация переключается с итальянскими впечатлениями писателя. Б. Сульпассо провела текстологический анализ публикации и переписки писателя, связанных с «Le voyage en Italie», собрав воедино очерки Андрея Белого о Венеции, Палермо, Монреале. Итальянское путешествие русского писателя созвучно «германскому коду» его творчества, в качестве примера приведем знакомство Андрея Белого в эти же годы с книгой И. В. Гете «Путешествие в Италию».

Раздел «Публикации» знакомит с редакционной деятельностью Андрея Белого, с участием русских символистов в первые годы советской власти в культурно-историческом строительстве и, как конкретизирует автор публикации Е. В. Глухова, «соприкосновениями и взаимодействиями Андрея Белого с начальным периодом <...> советской культуры» [2: 177]. Е. В. Глухова, М. П. Одесский и М. Л. Спивак публикуют «Проект лекционных курсов театрального университета Наркомпроса. 1918», который представляет расширенный план лекций и семинарских занятий в предполагаемом театральном университете, разработанный Андреем Белым. Само знакомство даже с перечнем заявленных тем по истории эстетической, психологической, театроведческой мысли впечатляет и позволяет пока только при первом

приближении судить о горизонте интересов Андрея Белого в первые годы советской власти.

Целый ряд статей первого и второго разделов книги вводит в оборот ранее не изданную переписку родителей писателя, трогательную и вносящую иные оттенки в то представление, которое сложилось вокруг четы Бугаевых. Помимо этого, публикуются письма самого Андрея Белого к соратнику по антропософскому движению М. Байеру, выдержки из воспоминаний коллег по цеху той эпохи, сохранившиеся берлинские автографы Андрея Белого. Весь этот материал тщательно откомментирован, снабжен прекрасным справочным аппаратом, выполненным как отечественными, так и зарубежными учеными (Н. А. Богомолов, А. В. Лавров, Н. Т. Тарумова, Л. Спрое). Особо подкупают статьи, в которых исследователи раскрывают свой путь к получению того или иного документа, связанного со знакомством с людьми, входящими в близкий круг Андрея Белого. Так прочерчивается связь нашего поколения с эпохой блистательного Серебряного века (статьи Т. Байера, М. Юнггрена, Н. А. Богомоллова) или противоречивая и тяжелая, но вместе с тем плодотворная для писателя эпоха 30-х годов (О. Кук, Е. В. Наседкина). В публикациях документального характера воссоздается кризисная и блистательная эпоха рубежа веков и возникают незаслуженно забытые имена (Дз. Ота). Кроме того, в статьях предлагаются необычные подходы к исследованию того или иного явления культуры. В статье Е. В. Наседкиной разноплановые оценки новаторского «Ревизора» Вс. Мейерхольда представлены в шаржах современников как на самого режиссера, так и на Андрея Белого, А. В. Луначарского, а выпады московских критиков в дальнейшем обращаются, как представлено в статье и рисунках к ней, гротескно обыгрываемыми приемами, к примеру, у самого Андрея Белого в «Мастерстве Гоголя».

Новые подходы к творчеству русского писателя предлагают исследователи, чьи статьи составили третий раздел сборника «Лабиринты сознания»: через выход к мифопоэтическому слою (Д. Джулиано); через расшифровку «кодирующих форм», используемых автором в «инициативных текстах»; через преломление в творческом сознании Н. Петровской (М. В. Михайлова), Н. Заболоцкого (И. Е. Лощилов), Н. Клюева (С. А. Серегина), Б. Пастернака (А. Ю. Сергеева-Клятис), В. Набокова (Б. Кук); через «фрейм-анализ» и опыт познания собственной сущности (Э. Дж. Карневале); через анализ хронотопа (К. Кривеллер).

А. Фризон вносит новые окраски в ставшие уже традиционными темы о «желтой или черной опасности» у Андрея Белого и Вл. Соловьева.

Традиционно большая часть исследований посвящена влиянию антропософского учения Р. Штайнера (статьи М. Юнггрена, М. Л. Спивак, Д. Оболенска, К. Кривеллер, Д. Ивинского), связанного с ним как автобиографического, так и мировоззренческого и поэтологического пластов. Интерес ученых, в чем видится тенденция последнего десятилетия, вызывает долгое время «ждущий своей очереди» труд Андрея Белого «История становления самосознающей души» (М. П. Одесский), филологическая работа «Мастерство Гоголя» (И. Б. Делекторская, Д. П. Ивинский).

В разделе «Ландшафты культуры» представлены статьи компаративистского направления. Исследователи вводят образы, мотивы, тематику произведений Андрея Белого в широкий контекст русской и западноевропейской литературы и философии, выстраивая типологические параллели и культурные конвергенции (статьи Н. Г. Шарапенковой, С. М. Пинаева, Л. Миленгевич, М. Ю. Любимовой, Вл. И. Новикова). Представлены литературоведческие и стиховедческие штудии (Ю. Б. Орлицкий, О. А. Клинг), связанные с анализом пространственных структур литературной симфонии Андрея Белого «Возврат» с выявлением аллюзий на труд математика Ч. Хинтона «Четвертое измерение» (В. В. Петров), выявлением мотивов Соловьевской Софии в «символистской эпистемологии романа» [2: 584] «Серебряный голубь» (А. Рейхманн).

Интерес ученых в 2010-е годы не ослабевает к «главным» романам писателя – «Петербург» и «Москва». Так, в статье Л. Миентиевич вновь воскрешается знаковая для поэтики «Петербург» Андрея Белого параллель с «Братьями Карамазовыми» Ф. Достоевского. Вместе с тем автор вносит новые обертона в тему борьбы (преступления) сыновей против отцов.

Важнейшие в поэтологической системе Андрея Белого мотивы юродства, шутовства, маски, «монструозности» рассмотрены в статьях И. О. Маршаловой и А. Морар.

Сборник «Арабески Андрея Белого» не исчерпывает всей полноты тематики и проблематики такого многостороннего и цельного, разнонаправленного и скрепленного единством устремлений писателя. Как справедливо пишут составители тома К. Ивич и М. Спивак, труд «должен стимулировать исследовательский интерес к творчеству Андрея Белого» [2: 6].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Речь идет о г. Монреале (Сицилия), собор внесен ЮНЕСКО в список Всемирного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Белый. Линия жизни / Отв. ред. М. Л. Спивак; Сост. И. Б. Делекторская, Е. В. Наседкиной, М. Л. Спивак. М., 2000. 272 с.
2. Арабески Андрея Белого: Жизненный путь, идейные искания, поэтика / Филологический факультет Белградского университета, Гос. музей А. С. Пушкина. Мемориальная квартира Андрея Белого, ИМЛИ РАН; Ред.-сост.: К. Ичин, М. Л. Спивак; Ред.: И. В. Волкова, И. Б. Делекторская. Белград, М., 2017. 718 с.

Поступила в редакцию 10.10.2017

ХРОНИКА

■ 7–10 сентября 2017 года на кафедре русского языка Института филологии Петрозаводского государственного университета состоялась международная научная конференция «ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА».

Конференция проводилась под эгидой Института русского языка им. В. В. Виноградова и Петрозаводского государственного университета. В ней приняли участие ученые-филологи высших учебных и академических заведений свыше 20 городов России, 4 стран ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Армения, Молдавия, Япония). Тема конференции обусловлена назревшей в начале XX века потребностью подвести итоги современных исследований в области поэтической грамматики и обсудить перспективы дальнейшего изучения лингвопоэтики на основе анализа работ ученых различных школ, во многом предопределивших современные векторы развития поэтической грамматики как научного направления. Оргкомитет конференции возглавил академик РАН В. А. Плунгян.

Идея проведения конференции зародилась еще в 2016 году:

– в год 120-летия со дня рождения Р. О. Якобсона, которому принадлежит формула «поэзия грамматики и грамматика поэзии»;

– в год 100-летия со дня выхода первых опоязовских сборников;

– 90-летия со дня образования Пражского лингвистического кружка;

– 90-летия И. И. Ковтуновой, вдохновителя и одного из авторов двухтомной «Поэтической грамматики»;

– 70-летия И. А. Ионовой, автора работ по морфологии поэтической речи.

2017 год – юбилейный для главы Тартуской школы в исследовании поэтического текста Ю. М. Лотмана и для М. И. Шапиро, изучавшего проблему взаимосвязи стиха и синтаксиса. С тех пор, как в 1942 году Л. В. Щерба в статье «Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку)» затронул вопрос о «грамматике поэзии», а вслед за ним и Р. О. Якобсон в работе «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» обратил особое внимание на необходимость изучения роли грамматических форм и категорий в организации образно-

го целого, появилось немало интересных работ в этой области.

Как устроен поэтический текст, как на основе анализа произведения поэта проникнуть в глубину его образной мысли, чем синтаксис поэзии отличается от синтаксиса прозы, как поэтический язык используют поэты разных эпох – все эти давно стоящие перед лингвистами вопросы по-разному решаются сложившимися научными школами, стремящимися описать грамматику поэтического языка.

На пленарном заседании обсуждались проблемы, связанные с научным наследием ученых с мировым именем (И. И. Ковтунова, Г. Н. Акимова, Я. И. Гин, И. А. Ионова), посвятивших свою творческую жизнь изучению «грамматики поэзии». Также были представлены результаты исследований сотрудников отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Научного центра междисциплинарных исследований художественного текста и группы «Словаря языка русской поэзии XX века».

На конференции работали следующие секции:

– «Поэтический синтаксис»,

– «Различные уровни организации стихотворного текста»,

– «Вопросы метрики, ритмики и композиции поэтического текста»,

– «Поэтика фольклорного текста»,

– «Поэтика прозы», секция молодых ученых.

Участники конференции на итоговом круглом столе подчеркнули, что научный форум прежде всего призван возродить активный интерес современной гуманитарной науки к поэтической морфологии и поэтическому синтаксису. Творческие находки исследователей прошлых поколений (Л. В. Щербы, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Р. О. Якобсона, Н. С. Поспелова, И. И. Ковтуновой, Г. Н. Акимовой, И. А. Ионовой, Я. И. Гина и др.) задают новому поколению филологов неисчерпаемые методологические и концептуальные ориентиры.

По итогам конференции издан сборник материалов «Грамматические исследования поэтического текста».

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)»***Международная научная конференция*****«ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ»****(10–12 сентября 2018 года, Россия, Петрозаводск)**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в международной научной конференции **«Фортунатовские чтения в Карелии»**, которая проводится в Петрозаводском государственном университете с 10 по 12 сентября 2018 года по адресу: Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Конференция посвящена 170-летию со дня рождения выдающегося русского языковеда, главы Московской неограмматической школы **Филиппа Федоровича Фортунатова (1848–1914)**, жизнь и деятельность которого тесно связаны с карельской землей.

Основные направления работы:

- история языкознания и вклад Ф. Ф. Фортунатова в развитие мировой лингвистической мысли; ученики и последователи Ф. Ф. Фортунатова (А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон, А. А. Шахматов, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, русские структуралисты: Р. О. Якобсон и др.)
- проблемы описания грамматического строя и фонетической системы языка и речи; морфологическая и синтаксическая типология языков
- история русского литературного языка; историческая фонология, грамматика, лексикология
- этимология и лексикография
- русская диалектология
- история русской графики и орфографии
- сравнительно-историческое языковедение; эволюция и взаимодействие славянских, балтийских, германских, романских и др. индоевропейских языков; финно-угроведение (уралистика)
- древние языки
- памятники старославянского языка
- актуальные проблемы современных грамматических исследований
- проблемы эколингвистики и экофилологии.

По итогам конференции будет издан сборник докладов.

По всем вопросам обращаться к зав. кафедрой русского языка ПетрГУ Наталье Викторовне Патроевой по адресу: nvpatr@list.ru

**Петрозаводский государственный университет
Институт филологии при поддержке Оксфордского Российского фонда**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРИТЯЖЕНИЕ СЕВЕРА: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, СОЦИУМ»
15.02.2018–17.02.2018**

Первая Международная конференция из цикла «Феномен Севера» открывает новую страницу в изучении данной территории как глобального «пространства коммуникации», пространства «своеобразной личностной селекции», «зоны уникального этнографического и языкового ландшафта», «холодного Шелкового пути» в контексте российской и мировой истории и культуры. В центре внимания конференции – исследование и репрезентация именно такой особой структуры северной модели мира в ее разнообразных взаимосвязях с другими парадигмами. Разговор о предпосылках и историко-культурных условиях становления и формирования цивилизации Севера, а также специфике ее существования на современном этапе развития впервые пройдет в рамках широких подходов и в совокупности языковых, литературных, антропологических, этнографических, исторических, политических, социальных, культурных, правовых и экономических практик.

К участию в конференции приглашаются филологи, историки, антропологи, этнографы, культурологи, философы, социологи, политологи, экономисты, аспиранты, магистранты, студенты старших курсов.

Исследовательские координаты научного проекта:

- Этнокультурное взаимодействие как фактор языкового развития
- Миноритарные языки в условиях глобализации
- Ономастическое пространство как отражение цивилизационной модели Севера
- Скандинавистика. Лингвострановедение
- Европейский Север (мифология, фольклор, культура, общество)
- Типология субарктической и арктической культуры
- Культурная самоидентификация человека Севера
- Культурный диалог Север-Юг и Юг-Север
- Островная культура Севера
- Северный текст русской литературы
- Гендерные аспекты северного типа культуры и литературы
- Влияние коммуникационного и культурного продукта на межэтническое взаимодействие
- Стратегии продвижения культурного многообразия. Культурное многообразие и деловой мир
- Экономика в сфере культуры и сотворчества
- Творческие лаборатории международному и внутреннему туризму
- Кросс-культурные стратегии социального развития
- Культурное многообразие, этническая идентичность и права человека
- Проблемы трансграничного сотрудничества
- Новые векторы развития переводоведения
- Теория и практика перевода как отражение менталитета народа
- Проблемы преподавания теории и практики перевода в поликультурной среде

По итогам конференции планируется издание рецензированного сборника (РИНЦ).

*Председатель оргкомитета – директор Института филологии ПетрГУ Оксана Абрамова
prityazheniye.severa@yandex.ru*

CONTENTS

LITERARY STUDIES

<i>Kunil'skiy A. E.</i> VITALISM OF APOLLON GRIGORIEV AND DOSTOEVSKY	7
<i>Neminuscij A. N.</i> THE "PHYSIOLOGY" OF ADAPTING FO- REIGN SPACE IN SEA TRAVELOGUE OF I. GONCHAROV	13
<i>Dyachenko I. A.</i> ON RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL FOUN- DATION OF T. S. ELIOT'S "CHORUSES FROM <i>THE ROCK</i> "	17
<i>Zakharova O. V.</i> INCORRECT FORMULATION OR TWO "DIA- RIES" IN "CITIZENS" OF 1870s	24
<i>Kamitova A. V.</i> THE FIRST LITERARY MONUMENTS IN THE UDMURT LANGUAGE	29
<i>Kladova N. A.</i> KINSHIP RELATIONSHIPS IN DOSTOEVSKY'S NOVEL "HUMILIATED AND INSULTED"	36
<i>Kotova A. V.</i> SOURCES AND RECEPTION OF CATULL. 3 AS MEANS OF DEFINING THE TEXT'S MOOD	41
<i>Matyushkina E. N.</i> "HISTORICAL FANTASIES" OF THE POET: B. OKUDJAVA'S NOVEL "RENDEZVOUS WITH BONAPARTE"	46
<i>Musanova S. S.</i> RUSSIAN SONG AND GAME REPERTOIRE OF LUZA KOMI	50
<i>Vilkova E. I.</i> ON THE POSSIBLE INVOLVEMENT OF F. M. DOSTOYEVSKY IN WRITING THE RE- VIEW OF THE MAGAZINE "UCHITEL'"	58
<i>Gimadeev E. R.</i> THE NAMES OF FISH IN CLASSICAL LITERA- TURE (IN HORACE'S POETRY)	65

<i>Guljuškina J.</i> HISTORICAL TRAUMA IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE (BASED ON THE NOVEL "JUSTIFICATION" BY D. BYKOV)	73
<i>Leybenson J. T.</i> THE POET ISYLLUS – BOSPORIAN OR EPI- DAURIAN? HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE.	77
<i>Onipko K. A.</i> THE FIRST RUSSIAN OBITUARIES: HEROES AND CONTEXTS	83

LINGUISTICS

<i>Nikitin O. V.</i> FROM THE HISTORY OF RUSSIAN LINGUIS- TICS OF THE XXth CENTURY: 145 YEARS SINCE D. N. USHAKOV'S BIRTH	88
<i>Belov V. A.</i> IMPLEMENTATION OF THEORETICAL AP- PROACHES TO SYNONYMY IN THE RUSSIAN LANGUAGE METHODOLOGY	96
<i>Ilyina Y. N.</i> LEXEME <i>BELOSIVETNYI</i> IN RUSSIAN DIA- LECTS: THE STRUCTURAL-SEMANTIC CHARACTERISTIC	102
<i>Novoselova V. A.</i> PRIORITY PREFIXES <i>DE-</i> AND <i>RE-</i> IN THE LEXICON OF MODERN POLITICAL LAN- GUAGE	106

Reviews

<i>Pashkov A. M.</i> The book review: The Saint reverend Diodor Yur'egorskiy and the monastery he established.	112
<i>Sharapenkova N. G.</i> The book review: The arabesques by Andrey Belii: Life experience, ideal quest and poetics	113

Scientific information	115
-------------------------------------	-----